

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
УКРАИНЫ

ISSN 0453-8048

K-14038

**ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

372'92

**ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА
И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

«ОСНОВА»

140-00

Бк. ун-та, 1992, № 372. Взаимотнош.
I—164.

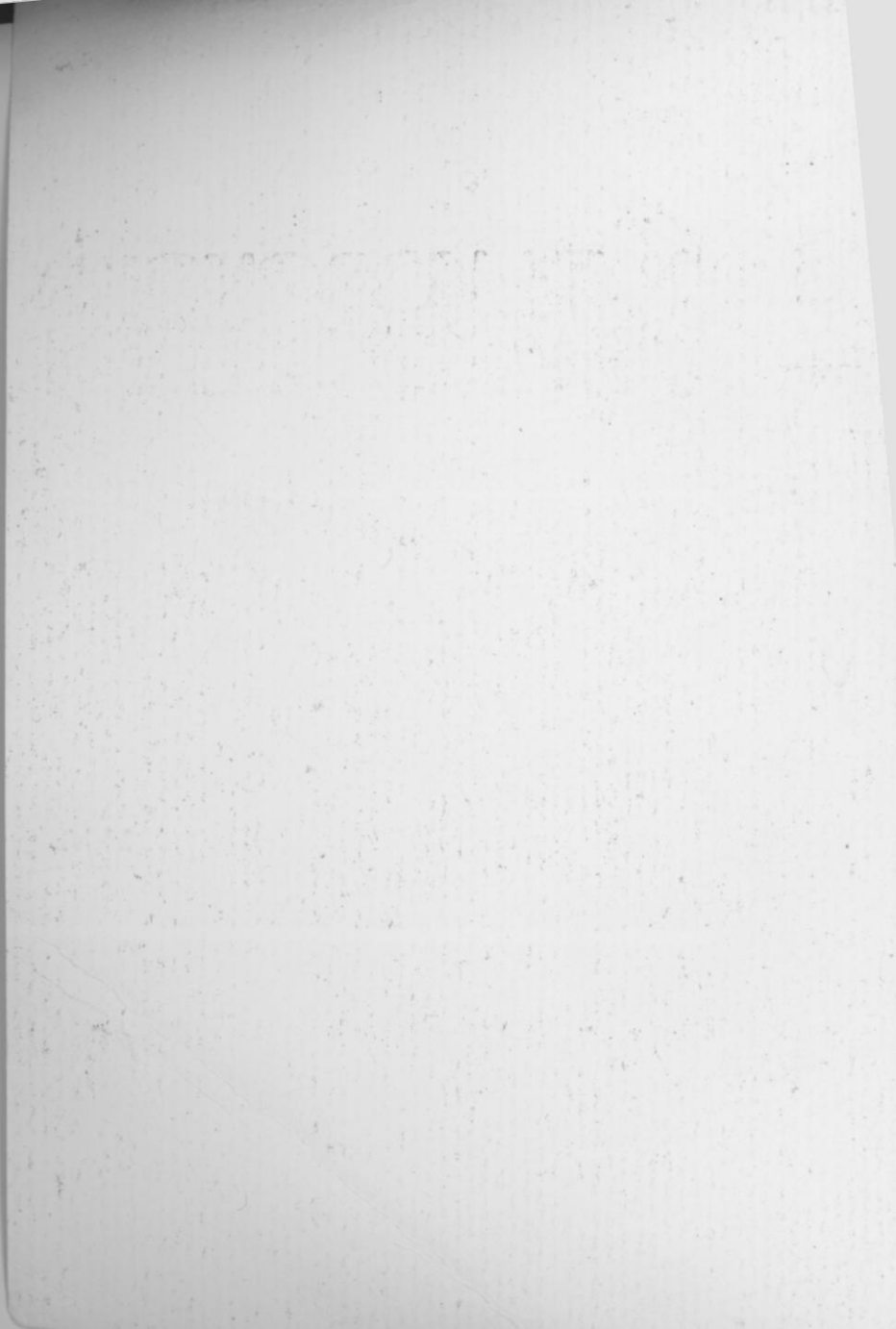
V.N. Karazin Kharkiv National University

00280142

7

“ОСНОВА”

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 372

ВЗАИМОСВЯЗЬ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА
И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Основан в 1966 г.

Харьков
Издательство "Основа" при Харьковском
государственном университете
1992

В статьях освещаются актуальные общетеоретические проблемы современной лингвистики, исследуются структурно-семантические и прагматические характеристики языковых единиц различных уровней, а также рассматриваются вопросы методики преподавания иностранных языков.

Для преподавателей, научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: А.И.Дородных (отв.ред.), Л.В.Конопельцева (отв. секр.), Г.В.Ейгер, А.А.Прокопчук, Е.В.Тарасова, П.Н.Донец, Л.Н.Черноватый.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков, пл. Свободы, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 45-74-42

Издано по заказу Харьковского государственного университета

В 4601000000 - 083
226 - 92 Заказное

© Харьковский государственный университет, 1992

К-14038

1. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Т.Н. АРТЕМЕНКО, Л.В. СОЛОЩУК

РЕМАРКА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ АКТУАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ РЕПЛИКИ В КОНСТАТИВНО-ОТВЕТНОМ МИКРОДИАЛОГЕ

Общей тенденцией лингвистических исследований на современном этапе является изучение закономерностей функционирования языковых единиц и их взаимодействия в процессе коммуникации. Основная сфера реализации коммуникативной функции языка — диалогическая речь, изучение которой связано с выяснением особенностей речевой деятельности человека в различных социальных ситуациях с учетом субъективных особенностей, потребностей, мотивов и целей коммуникантов.

Интересным материалом для исследования прагматических аспектов диалогической речи может служить констатиивно-ответный микродиалог (КОМД), вариативность которого определяется факторами прагматического плана стимулирующей и ответной реплик.

Малоисследованной областью диалогического общения является изучение взаимодействия языковых и неязыковых средств коммуникации в процессе говорения, в том числе и на материале КОМД. Лингвисту недостаточно ограничиваться только анализом речевого действия, следует принимать во внимание и такие действия "с явным коммуникативным содержанием, как выразительные движения лица и рук, а также многие другие, которые содержат действия, имеющие для коммуникации непосредственное значение, как, например, такие, которые детерминированы речевыми действиями (выполнить желание, дать ответ, выполнить обещание, сдерживать обязательство), которые они сопровождают (указывание на что-то), а также такие, которыми можно заменить речевое действие: так, например, непонимание часто выражается не встречным вопросом, а мимикой, соответствующим выражением лица" [1, с. 94].

В КОМД утвердительные предложения, функционирующие в качестве реплик-зачинцов, не всегда имеют констатитивное значение, и

ответные реплики, в свою очередь, демонстрируют большое разнообразие прагматических значений. В диалоге, отражающем специфику говорящего и слушающего непосредственно в речевой ситуации, широко представлено варьирование коммуникативных интенций, которые определяют стратегию коммуникантов в процессе общения. В зависимости от согласованности или несогласованности интенционального содержания реплик КОМД выделяют два основных типа взаимодействия: кооперация и конфликт. Одним из средств, которое дает возможность точно определить прагматическое содержание реплик в КОМД, исследуемых на материале драматургических произведений, является авторская ремарка, содержание которой заключается в отражении всех факторов языкового характера, участвующих в коммуникации или способствующих ей.

Кооперативно-направленные стратегии обуславливают унисонный характер взаимодействия реплик, отражают стремление адресанта и адресата к сотрудничеству. Данные стратегии реализуются с помощью целого ряда тактик. Ремарка же служит тем сигналом, который позволяет безошибочно декодировать соответствующие тактики:

- тактика подтверждения:

1) Higgins. Pickering: We have taken a stiff job.

Pickering. Higgins: (with conviction) We have. (B. Shaw);

2) Mrs. Frazer. ... Good morning. I believe I left my hat in here.

Benton. Yes, ma'am. Here it is. (He picks her hat from the sofa) (E. O'Neill).

В примере I тактика подтверждения усиливается интонационным оформлением реплики адресата, описанным в ремарке "with conviction". Во втором случае подтверждающая реплика адресата усиливается его действием, представленным в ремарке "He picks her hat from the sofa";

- тактика одобрения:

1) Nicholas....: What I say is if a man he kills another then he should be killed too.

Man (approvingly): An eye for an eye. (A. Wesker).

2) Stephen: I did break the place up. Gave us an excuse to redecorate.

(Leslie nods every now and then with approval). (G. Cooper)

В примере 2 отсутствует ответное речевое действие адресата, но тем не менее коммуникативное сотрудничество продолжается за счет ремарки, описывающей одобрительные действия адресата, что еще раз иллюстрирует тот факт, что интерпретация любого речевого произведения с наличием невербальных компонентов коммуникации "невозможна без учета невербальных компонентов коммуникации, иногда не просто дополняющих вербальные акты, а выполняющих основную функцию реализации интенции коммуниканта" [2, с. 87-88].

Существуют ситуации, когда различные причины побуждают адресата создавать лишь видимость кооперативного сотрудничества в ответ на иницилирующую реплику, о чем прямо свидетельствует предшествующая актуализируемой реплике ремарка:

Brown (with a certain doggedness) : There's a rumor that
you've been applied for a position at the library.

Margaret (forcing a gay tone) : Yes, indeed! Won't it be fun!

Maybe it'll improve my mind. (E.O'Neill)

Конфликтно-направленные стратегии обуславливают контрдикторный характер взаимосвязи реплик и реализуются с помощью различных тактик, направленных на выражение негативного отношения адресата к содержанию исходной реплики, которое оформляется соответствующими интонациями и действиями;

- тактика иронии:

Gordon : Harney wants us to keep going at Pakistan.

Tamara (with irony) : He's not afraid of "boring" our
readers? (A.Wesker);

- тактика уклонения от прямого ответа:

Kiro...: You're woken up by the sound of your neck snapping.

You're going back.

Shogo (shrugs slightly) : I'm not sure. (E.Bond);

Таким образом, выяснение прагматической направленности реплик КОМД в определенной степени осуществляется и за счет сопутствующих им ремарок, которые дают возможность адекватно интерпретировать прагматическое содержание актуализируемой реплики.

Список литературы: 1. Тиле Р. Некоторые методологические предпосылки интегративного анализа текста // Общение. Текст. Высказывание. - М., 1989. - С. 88-102. 2. Малагина Т.А. Роль вербальных и невербальных компонентов в формировании фокуса внимания // Личностные аспекты языкового общения. - Калинин, 1988. - С. 87-91.

Поступила в редколлегию 27.09.90.

Е.В.БОНДАРЕНКО

О РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ КОНТЕКСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ИМЕН

Исследования в области коммуникативной лингвистики, подтверждающие адекватность восприятия отдельных слов и высказываний в пределах контекста [2, с. 8], актуализируют задачу изучения контекстной обусловленности семантики различных членов предложения, в частности именных.

Неотъемлемой характеристикой текста в современных исследованиях является его собственная темпоральная структура, проявляющаяся в динамике. Под динамикой понимается так называемая темпорализация [1, с. 10], т.е. приобретение пропозицией, изначально темпорально нейтральной, определенной временной отнесенности в ходе формирования межпропозициональных предикатов.

При этом можно предположить, что временная организация текста воздействует, хотя и в различной степени, на темпоральные параметры каждого из конституирующих текст компонентов - крупных блоков, СФЕ, предложений и их членов. Среди последних особого внимания заслуживают временные характеристики именных компонентов предложения в связи с тем, что текстовая природа их темпоральной семантики еще не получила должного освещения в лингвистической литературе.

Проблема приобрела особую актуальность в связи с пересмотром традиционных взглядов на глагол-предикат как центр темпоральной организации предложения. В ряде случаев прямая связь между временной референцией глагола и именных членов предложения отсутствует, и последняя определяется темпоральной структурой части или целого текста. В результате появления асимметрии в темпо-

ральных отношениях между различными членами предложения внутрисентенциально и в масштабе текста возникает "темпоральная амбигитивность".

Говоря о темпоральности имени, важно отметить ее неграмматический характер (в индоевропейских языках у существительных нет грамматической категории времени), хотя в большинстве европейских языков, включая английский, существует ряд эксплицитно темпоральных существительных, своей основой передающих временные понятия (Sunday, morning, hour, schedule и пр.). В данном случае нас более интересует категория имен с имплицированной, т.е. контекстуально обусловленной, временной референцией, соответствующей условиям $t_n \leq t_v$ или $t_n \geq t_v$, где t_v - временная отнесенность глагола, а t_n - темпоральная направленность имени. Это могут быть практически любые существительные (самой разнообразной семантики), включая имена собственные:

Most of Sowerton Elks are in their early seventies or eighties now. (J.N. Ford).

По нашим наблюдениям, темпорализующее воздействие текста на тот или иной компонент может проявляться с различной степенью интенсивности, что позволяет выделить несколько уровней (степеней) семантического "погружения" существительного с имплицированной темпоральностью в окружающий контекст.

Используя известную формулу Агриколы [2, с. 31], выражающую семантику слова в контексте, $N = K(x, P(x))$, где K - функция контекста, x - предмет, P - свойство предмета, контекстно обусловленную темпоральность имени можно представить так: $N = K^n(x, P(x))$, где n - степень погружения в контекст, а $P(x)$ - имплицированная темпоральность имени.

Как показано в исследованиях М.А.Кронгауза [3, с. 3], анализ любой характеристики текста невозможен без подключения механизма соотношения высказывания и его частей с действительным миром, т.е. референции. Поэтому градация рассматриваемых степеней "погружения" состоит с ней в прямой связи.

Так, совпадение временных планов имени и глагола ($t_n - t_v$) можно отнести к состоянию "семантической замкнутости" [3, с. 4], т.е. отсутствия необходимости включения референциальных механизмов для темпоральной ориентации. Поэтому случаи, отвечающие условию

$t_n = t_v$, рассматриваются как характеризующиеся 0-й степенью: темпорального "погружения" имени в контекст (ТПИК):

The undertaker took off his gold-rimmed pince-nez glasses
and wiped the lenses clean with his handkerchief (J.H.Ford).

Имя - подлежащее и глагол - сказуемое относятся к сфере прошедшего.

Первой (микроконтекстной) степенью характеризуются имена, чья временная отнесенность определяется внутрисентенциональными операторами, прежде всего лексическим значением имени, которое может задавать определенную перспективную: hope, wish, plan ; контемпоральную: love, enjoyment; ретроспективную: memory, surprise, recollection направленность событиям [4, с. 10]. Темпоральность имен может определяться также семантикой временных союзов, предлогов, прилагательных или наречий:

They are talking about the forthcoming celebration (H.Robbins).

Вторая степень ТПИК присуща именам, для временной интерпретации которых достаточна темпорализующая разрешающая способность контактного контекста, т.е. соседних предложений или абзаца:

I know, she is going to become a mother.(...) But who would care for her baby, while she is away? (M. de la Roche).

Переход к третьей и последующим степеням ТПИК связан с изменением характера внутрисентенционального соотношения временных референций имени и глагола. Однонаправленность (т.е. либо проспективность $t_n \leq t_v$, либо ретроспективность $t_n \geq t_v$ времени имени по отношению ко времени глагола) сменяется двунаправленной имплицированной темпоральностью, разрешаемой теперь с помощью дис-тантного контекста - ($t_n \leq t_v$):

... But Wakefield, chief President, you don't realize what are you doing. You are just throwing away all the lovely things in life for a dreary existence in some cell (M. de la Roche).

Особенно интенсивно включение механизма референции, и это отличает четвертую степень ТПИК от предыдущей, выражается в том, что при ней контекст подис-танцизирует имя, образуя сложный поли-лекс.сочетаний темпоральную и аспектуальную семантику. Так, по-

мимо ретро- или проспективной временной отнесенности у имени появляется оттенок значения результативности. Это дает основание рассматривать его семантику в таких случаях как перфективную. Его адекватная временная референция возможна лишь в рамках дистантного контекста или вытекает из содержания художественного произведения в целом — макроконтекста:

Grant had offered neither explanation for hitting me on the nose. (D.Francis).

В некоторых, весьма редких, случаях темпоральная амбигуитивность предложения не разрешается даже с помощью макроконтекста. Это — самая "глубокая", пятая степень ТПИК, когда происходит выход в сферу прагматической, интерпретационной семантики:

He and Alayne sipped their lemonade which was too sour in silence.

Clara suspected a quarrel between them and talked cheerfully of plans for their future (M. de la Roche).

Из ситуации неясно, произошла или только назревает ссора, и темпоральная отнесенность именного члена будет зависеть от субъективной локализации события реципиентом.

Таким образом, механизм референции определяет особое темпорализующее воздействие на составляющие текст субстанциональные элементы. Влиянию текста, главным образом, подвержены те именные члены предложения, чья темпоральная референция не совпадает с временной принадлежностью глагольного сентенционального оператора. Процесс темпорализации имен мы называем темпоральным "погружением" имени в текст, имеющим градуальный характер. Последнее выражается в пяти степенях "погружения": в зависимости от типа воздействующего контекста — внутрисентенционального, контактного, дистантного, макро- и прагматического.

Последняя степень ТПИК выводит предмет изучения за рамки лингвистики текста в область интерпретационной семантики.

Список литературы: 1. Борщевский Л.П. Темпоральный аспект целостности короткого художественного текста современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1988. 2. Колтанский Г.В. Контекстная семантика. — М., 1980. 3. Кронгауз М.А. Использование механизмов референции при анализе текста: Автореф.

дис. ... канд. филол. наук. - М., 1989. 4. Сингаевская А.В. Темпоральные значения частей речи - предикатов пропозиционального отношения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1988.

Поступила в редколлегию 03.10.90.

Л.М.ГРИГОРЬЕВА

ОЦЕНОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ ТЕКСТА

Диалектическая логика характеризует оценку как неотъемлемую часть процесса познания человеком окружающего мира: нельзя "изучать действительное положение вещей", не квалифицируя, не оценивая его. Под оценкой в логике традиционно понимается суждение о ценностях, в лингвистике - не само суждение или ценностное отношение субъекта к какому-либо объекту, а выражение этого отношения средствами, которыми располагает определенная языковая система [5, с. 7]. Средства оценки могут быть единицами практически всех языковых уровней, способных выразить значение. В газетной хронике имеется достаточное количество различных средств оценки, несмотря на то, что величина их дисперсии, как правило, существенно превосходит соответствующую величину в других публицистических жанрах [4, с. 22]. Для нас основным представляется случай, когда для выражения оценочного отношения субъекта высказывания к объекту используется целое предложение. В таких предложениях оценка является их основной коммуникативной целью. В статье рассматривается один из типов семантико-синтаксических отношений, обнаруживающихся в процессе развертывания текста¹.

Оценочные предложения играют существенную роль в реализации смыслового развертывания текста. В их структуре могут быть представлены достаточно полно не только сама оценка, но и сведения о месте, времени, условиях, при которых она приводилась, а также ее мотивировка:

¹ Другие семантико-синтаксические отношения между контактными предложениями текста рассматривались нами ранее (См. [1; 2; 3; 6]).

"Die Direktoren aller drei amerikanischen Kernwaffenlaboratorien haben gefordert, die derzeit von der US-Luftwaffe nukleare Kurzstreckenwaffe GRAM-A aus den strategischen Bombern und Kampfflugzeugen zu entfernen und in Silos einzulagern. In einer Anhörung im Senat, die nach Enthüllungen der "Washington Post" über ernste Sicherheitsprobleme mit Kernsprengköpfen einberufen worden war, bezeichneten die Experten die Raketen als unakzeptables Sicherheitsrisiko" (ND, 1990).

"Bundesdeutsche Waschmittel sind nach Darstellung der Zeitschrift Öko-Test weniger umweltbelastend geworden, sie enthielten zum Beispiel kaum noch Phosphate. Positiv beurteilt werden vor allem die neuen Konzentrate, weil sie ohne überflüssige Hilfsstoffe auskämen, und die "Baukastensysteme", bei denen gezielt Stoffe eingesetzt würden, die für die jeweilige Wäsche wirklich notwendig seien" (SdZ, 1990).

Развернутые оценочные структуры не могут быть инкорпорированы или с трудом инкорпорируются в первое предложение, особенно в тех случаях, когда оба предложения являются оценочными, и второе либо продолжает развернутую в первом предложении линию оценки, либо содержит противоположную оценку:

"Mit scharfen Worten hat PDS-Ehrenvorsitzender Hans Modrow am Sonntag ... in Mecklenburg/Vorpommern die DDR-Regierung unter Lothar de Maizière kritisiert. "Was ist das für eine Politik, wenn es ein Regierungschef bei seinem USA-Besuch ablehnt, mit dem Botschafter seines eigenen Landes zusammenzutreffen, wenn Herr Eppelmann in Moskau mit den Vertretern des Warschauer Paktes berät und kurz darauf den Austritt seiner Armes ankündigt und wenn ein Wirtschaftsminister von einem heißen Herbst spricht, als hätte er damit nichts zu tun", warf Modrow dem Kabinett vor, das er nicht als eine Übergangs-, sondern Übergabe-Regierung bezeichnete"(ND, 1990).

"Der Vorschlag von Polens Außenminister Kułyszowski zur Stationierung einer polnisch-deutschen Brigade in einem vereinten Deutsch-

land auf dem Territorium der heutigen DDR ist von einem Militärbe-
rater Präsident Jaruzelskis skeptisch bewertet worden. Nach Ansicht
von Oberst Marian Moraczewski habe als Sicherheitsgarantie die
Schaffung eines internationalen militärischen Kontroll- und Überwa-
chungsorgans auf dem Territorium des vereinten Deutschlands große
Perspektiven" (ND, 1990).

В этом отношении оценка существенно отличается от авторизации: авторизующие предложения, как правило, имеют намного меньший объем и могут включаться в первое предложение. Такая трансформация для оценочных предложений возможна только в редких случаях:

"Der Grundstein für eine 733 Kilometer lange doppelgleisige Ei-
senbahnstrecke von Bagdad zum Golfhafen Umm Qasr, ist gelegt. Sie
ist das wichtigste Verkehrsbauprojekt Iraks in den 90er Jahren"(ND,
1990). Der Grundstein für eine 733 Kilometer lange doppelgleisige
Eisenbahnstrecke von Bagdad zum Golfhafen ..., die das wichtigste
Verkehrsbauprojekt Iraks in den 90er Jahren ist, ist gelegt."

"Als außerordentlich gefährlich hat die "Iswestija" die Situati-
on um das zu Beginn der 50er Jahre erbaute Kernkraftwerk in Toms
bezeichnet. Der zu den ältesten KKW der UdSSR gehörende Energieer-
zeuger könne zu einem zweiten Tschernobyl werden, schreibt das Blatt"
(ND, 1990). Als außerordentlich gefährlich hat ... bezeichnet, da der
zu den ältesten KKW der UdSSR gehörende Energieerzeuger zu einem
zweiten Tschernobyl werden kann."

Как видно из приведенных трансформаций, возникающая синонимичная структура одного предложения отличается от двух последующих предложений в семантико-стилистическом отношении: вводятся союзы *die, da*. Кроме того, некоторое значение, например противопоставление, присутствовавшее в двухчастной текстеме, снимается при ее преобразовании в одночастную:

"Ohne eine klare Anerkennung des Privateigentums mit Einführung
der Marktwirtschaft kann keine Umstellung der Währung geben", ver-
kündete der FDP-Chef. Der CDU-General bezeichnete die Eigentumsord-
nung als "Knackpunkt" für das Zustandekommen des Staatsvertrages"
(ND, 1990). Ohne eine klare Anerkennung des Privateigentums mit Ein-

Führung der Marktwirtschaft kann keine Umstellung der Währung geben;
verkündete der FDP-Chef, während der CDU-General die Eigentumsord-
nung als "Knackpunkt" für das Zustandekommen des Staatsvertrages be-
zeichnete."

В отличие от авторизации оценочные предложения, особенно предложения с косвенной оценкой, в гораздо большем числе случаев при их выделении могут быть рассмотрены как автосемантические, поскольку не содержат элемента, требующего "насыщения" из первого предложения. В авторизации в большем числе случаев присутствует местоимение *das (dies)*, вводящее объект авторизации, в оценочных предложениях такие примеры возможны, но редки. Здесь гораздо чаще используются обобщающие и квалифицирующие слова. Союзы и другие лексические элементы, служащие для связи между предложениями, в текстах с оценочной структурой встречаются крайне редко: семантическое единство представляется настолько тесным, что развертывание текста не требует каких-либо дополнительных скреп.

Список литературы: 1. Григорьева Л.М. Экспликация как вид конкретизации - семантико-синтаксического типа связи смежных предложений // Иностранные и русские языки во втузе: Вестн. Харьк. политех. ин-та. - № 244. - Вып. I. - Х., 1987. - С. 28-29. 2. Григорьева Л.М. Связность текста и перевод // Вопросы теории и практики перевода научно-технической литературы: Тез. докл. к зональному семинару 8-9 февраля 1990. - Пенза, 1990. - С. 6-7. 3. Ейгер Г.В., Бахарева Е.Н., Григорьева Л.М. Учебный тезаурус логико-семантических отношений между предложениями в тексте // Актуальные проблемы учебной лексикографии: Материалы общесоюз. конф. - М., 1988. - С. 38-40. 4. Zubov A.B. О языковых средствах выражения категории оценки в современном английском языке (на материале англо-американской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1974. - 24 с. 5. Сучкова Н.П. Стереотипные оценочные реплики-реакции в английской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Пятигорск, 1988. - 17 с. 6. Ejger G.W., Grigorjewa L.M. Über die syntaktisch-semantische Entfaltung des Textes (dargestellt am Beispiel der Kurznachrichten in der Presse) // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch DDR - UdSSR. Zwickau, 1987. - S. 40-53.

Поступила в редколлегия 01.10.90.

ПОЛИПРЕДИКАТИВНОСТЬ КОНСТРУКЦИЙ С МЕЖСОБЫТИЙНЫМИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ПРЕДИКАТАМИ-СВЯЗКАМИ

Текст представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих предикативных единиц, объединенных структурно и семантически в единое целое по типу свободного, связного и тесного соединения посредством высказываний, в которых они непосредственно функционируют. Наличие комплекса предикативных единиц характеризует текст как полипредикативную единицу. Взаимопроникновение отдельных предикативных единиц цементирует весь текст и определенным образом характеризует его. Поэтому исследование функционирования предикативных единиц занимает важное место в концепциях отечественных лингвистов, в частности, В.В.Богданова, И.П.Сусова, В.Г.Гака и др.

Определенный интерес представляет и функционирование в текстах функционального стиля научной речи современного немецкого языка конструкций с межсобытийными причинно-следственными предикатами-связками - глаголами и субстантивно-глагольными сочетаниями, организующими структуру "событие - предикат - событие". К межсобытийным предикатам-связкам, выражающим причинно-следственное отношение, принадлежат, например, *auslösen, beitragen, behindern, bewegen, einleiten, fördern, führen, veranlassen, verursachen, zwingen, der Anlaß (der Grund, die Folge, das Motiv, die Ursache) ist, zum Anlaß nehmen, zur Folge haben* и т.п. [1; 2]. Они соотносят содержание конструкции с действительностью, показывая посредством временной формы, имело или не имело место то или иное действие, т.е. выполняют функцию, вытекающую из сути категории предикативности, и являются, таким образом, предикатами. Они объединяют компоненты создаваемой ими конструкции, которые без них теряют значение "быть причиной/следствием действия", в единый ряд и выполняют, таким образом, функцию связочности. Однако в отличие от глаголов-связок, лишенных лексического значения, ограниченных обозначением мысли о существовании чего-либо и приписыванием той или иной определенности предмету речи, они являются полнозначными глаголами, вобравшими в себя с необходимостью часть значения как компонента левого окружения, так и компонента правого окружения.

Специфика данных конструкций проявляется и в том, что функционирующие при межсобытийных причинно-следственных предикатах-связках отглагольные имена, самостоятельные и придаточные предложения, инфинитивные обороты представляют собой единицы, "которые и сами имеют значение предикатов, которые, следовательно, представляют собой предикаты в качестве актантов" [3, с. 106]. Поэтому за анализируемыми конструкциями также следует признать полипредикативность: их объем (т.е. количество входящих в их состав предикативных единиц) всегда $2 + n$, где $n \neq 0$. Поскольку подобный объем является характерной чертой данных конструкций, полипредикативность также можно считать их характерной чертой. Эти конструкции содержат всегда как минимум три предикативные единицы: основную, выраженную глаголом в личной форме, и две эксплицитные, представленные предложениями или скрытые, выражающие в свернутом виде пропозитивное содержание исходных предложений. Эта семантически сложная конструкция может быть представлена, таким образом, на синтаксическом уровне формулой и простого предложения. Семантическую сложность подобной причинно-следственной конструкции можно продемонстрировать посредством трансформации следующего предложения:

Der Sieg über das Sozialistengesetz hatte ein stürmisches Wachstum (der deutschen Arbeiterbewegung. - P.G.) in die Breite eingeleitet. /6, с. 229/

→ Daß die deutsche Arbeiterbewegung über das Sozialistengesetz gesiegt hatte, hatte eingeleitet, daß sie stürmisch in die Breite wuchs.

Для построения конструкций с межсобытийными предикатами-связками используются как отдельные предикативные единицы, так и их комплексы. В последнем случае причинно-следственная конструкция названного типа представлена на синтаксическом уровне сложным предложением или последовательностью предложений. Подобно описанным Н.С.Поспеловым сложным (двучленным) предложениям они содержат в своей основе не одну сложную форму суждения, а два и более взаимосвязанных суждения [4, с. 331]. Полипредикативность осложняет функции синтаксических связей, которые могут быть как одного вида, так и смешанные, опирающиеся, как подчеркивает Г.П.Уханов, на индивидуальную сочетаемость между ними [5, с. 26].

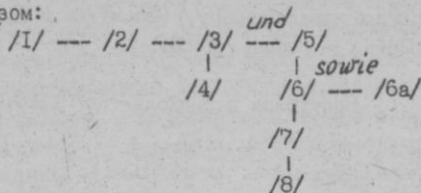
Каждая предикативная единица, входящая в состав полипредикативной конструкции с межсобытийным предикатом-связкой, основывается на одном принципе построения: в каждой из них содержится структурная основа с организующим центром, представляющим предикат исходного предложения [2, с. 168]. Явление номинализации и явление полипредикативности, как представляется, являются взаимообусловленными: одно из них способствует появлению, созданию другого и определяется им. Приводя ниже конструкцию с межсобытийным предикатом-связкой, представленную синтаксической структурой с различной формальной реализацией предикативных единиц, мы обозначим отдельные предикативные единицы цифрами /1/, /2/ и т.д. и возьмем в скобки отрезки, составляющие соответствующую предикативную единицу:

(/1/ Daß der feindliche Angriff nicht erst abgewartet wurde, sondern Frankreich seinerseits den Krieg erklärte,) (/2/ lag daran,) (/3/ daß man am französischen Hof) (/4/ den Sieg der preußischen und österreichischen Interventen) (/3/ erhoffte und erwartete) (/5/ und daß die Girondisten, ... sich) (/7/ vom Krieg) (/6/ eine Ablenkung der Massen) (/7/ von der Empörung) (/8/ über Hunger und großbürgerliche Mißwirtschaft) (/6a/ sowie Eroberungen in Belgien) (/5/ versprachen.) [6, с. 115].

В данной конструкции предикативные единицы демонстрируют контактную (/1/, /2/, /3/, /4/, /5/, /6/, /6a/) и дистантную (/7/, /8/) связь с предшествующим текстом без нарушения (в данном случае вследствие краткости предикативных единиц, основой которых является номинализация, как это имеет место, например, в единицах /6/, /7/, /8/, /6a/) непрерывности коммуникативного развертывания высказывания.

В качестве основной выступает предикативная единица /2/ (согласно терминологии В.В.Богданова включающий предикат [7, с. 77]), организующая данную конструкцию. По значимости остальные предикативные единицы неравноправны с ней (согласно терминологии В.В.Богданова включенные предикаты *Ibid.*). Однако среди них можно также выделить предикативную единицу /3/, уровень которой выше, чем /4/; предикативную единицу /6/, уровень которой выше, чем /8/. Можно сказать, что предикативная единица /2/ является доминирующей в данной конструкции, а наличие подчиненных предикативных единиц де-

монстрирует глубину данной полипредикативной конструкции. В ней устанавливаются, таким образом, иерархические, ранговые отношения, развертывание которых можно представить схематически следующим образом:

Как показано на схеме, в данной конструкции несколько предикативных линий, где линия /1/ - /2/ - /3/ является основной. Она формируется доминирующей предикативной единицей, которая определяет количество частей данной предикативной линии, их категориальное значение. Используя терминологию Г.П. Уханова, который считает предикативные единицы исходным строительным материалом для формантов - определенным образом организованных комплексов предикативных единиц, занимающих одно синтаксическое место [8, с. 131], можно назвать предикативную единицу /1/ простым, а синонимичные /3/ и /5/ - сложными формантами (как сложным формантом является и вся данная конструкция в составе текста).

Способность создавать полипредикативные образования в границах одной конструкции с однозначным обозначением синтаксических и семантических отношений между компонентами является конструктивным свойством межсобытийных причинно-следственных предикатов-связок. Конструкции, организуемые ими, всегда относятся к одному классу, члены которого являются разноструктурными реализациями одних и тех же структурных схем.

Список литературы: 1. Прокопчук А.А., Гусева П.Т. Предложения с межсобытийными причинно-следственными предикатами // Вестник ХГУ. - № 231. - Харьков, 1982. - С. 71-76. 2. P. Gussewa. Zur Charakteristik ausgewählter Verben/verbaler Wortverbindungen, die eine Grund-Beziehung zum Ausdruck bringen // DaF, H. 3. 1987. S. 165 - 169. 3. G. Helbig. Prädikate als Aktanten (im Deutschen) // Studien zur deutschen Syntax, Bd. 1. Leipzig, 1983. S. 106-191. 4. Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка: Сб. статей. - М., 1950. - С. 329-342. 5. Уханов Г.П. Сложные полипредикативные

(многокомпонентные) предложения. - Калинин, 1981. - 88 с.
6. J. Streisand. *Deutsche Geschichte in einem Band. Ein Überblick.*
Berlin, 1974. 483 S. 7. Богданов В.В. Семантико-синтак-
сическая организация предложения. - Л., 1977. - 204 с. 8. Уханов Г.П.
Строение сложных полипредикативных предложений // Семантика и функ-
ционирование синтаксических единиц. - Казань, 1983. - С. 125-141.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

О.И. ДЕНИСОВ

О СООТНОШЕНИИ ПУНКТУАЦИИ И ПРОСОДИИ ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ИМЕННЫХ ФРАЗ

Одной из трудностей, с которыми приходится сталкиваться при попытке деления многокомпонентных именных фраз (МИФ) на "слитные" (не имеющие в своем составе запятых, скобок и т.п.) и бессоюзные "неслитные" (имеющие также знаки), является проблема правильного понимания соотношения просодии и пунктуации. Обычно исследователи, занимающиеся данным вопросом, рассматривают оппозицию атрибутивная/копулятивная связь в цепочке препозитивных определений. "При реализации просодии копулятивной связи между словами устанавливаются отношения не только синтаксической, но и лексической равнозначности. Сравнение следующих предложений показывает, что различие в характере синтаксических отношений между словами отражает различие в характере лексико-фразеологических отношений между ними:

/1/ I have his rightful legal will.

/2/ I have his rightful, legal will.

При реализации ровных тонов (атрибутивная связь) члены конструкции воспринимаются как слова, выражающие различные признаки определяемого предмета мысли /1/. Использование неровных тонов (копулятивная связь) вызывает определенные изменения в плане содержания: члены конструкции служат уже для повторения (накопления) принципиально одного и того же признака /2/. Просодия копулятивной связи выявляет коннотативную общность между словами, которые выступают уже как члены синонимической конденсации" [1, с. 87]. "Такая

.. вполне определенная особенность синтаксических отношений позволяет нам достаточно четко разграничивать эти два явления: если в тех случаях, когда атрибутивные комплексы оформляются неровным тоном, мы констатируем распадение многоэлементного атрибутивного словосочетания и с полным основанием говорим о синтаксической самостоятельности однородных препозитивных определений, то в случае, когда многоэлементные атрибутивные сочетания оформляются ровным тоном, мы наблюдаем совершенно другое явление — прямо противоположное первому, — а именно, стремление речи, а следовательно, языка к приданию глобальности, целостной неделимости всему этому как будто бы столь сложному комплексу" [2, с. II] .

Казалось бы, мы имеем дело с относительно несложным материалом и, следуя анализу упомянутых авторов, при наличии запятой между атрибутивными элементами МИФ должны автоматически признавать, что в звучащей речи такие конструкции получают просодическое оформление неровными тонами, т.е. характеризуются наличием копулятивной связи. Однако в своей диссертационной работе Н.Г.Аветисян затрагивает и моменты, которые могут быть истолкованы как случаи несоответствия между просодией и пунктуацией. В частности, мы читаем следующее утверждение: "Показанное выше взаимооднозначное соответствие устной и письменной форм речи не всегда оказывается четким и надежным" [2, с. 10] . Еще более резкое суждение дается в диссертации Е.Б.Яковлевой, которая посвящена изучению просодии атрибутивного словосочетания и в которой приводится сравнительный анализ именных фраз с двумя определениями в устной и письменной форме: "Приведенные материалы показывают, что запятая между двумя определениями не указывает на обязательную паузу, которая нормально реализуется только на сверхсинтаксическом уровне" [3, с. II] .

Таким образом, если учитывать последние два вывода Н.Г.Аветисян и Е.Б.Яковлевой, то практика выделения в письменной речи "неслитных" МИФ на основании лишь наличия в их структуре знаков препинания (чаще всего запятой) не должна признаваться абсолютно верной. Как утверждают исследователи звучащей речи, единственным стопроцентным критерием выделения бессоюзных "неслитных" МИФ является критерий просодический . Однако позволим себе усомниться в обоснованности подобного суждения.

Исходя из характера английской системы пунктуации, нетрудно предположить, что ее синтаксическая функция должна быть более

объективной по своей природе, чем экспрессивно-стилистическая, так как базируется на соответствующих правилах. Экспрессивно-стилистическая функция, играющая в некоторых текстах (например художественных) более заметную роль, в основе своей зависит от пишущего, от того, как он собирается решать проблему воздействия на читающего, т.е. является субъективной. Отсюда следует, что один и тот же текст, одно и то же предложение, одна и та же многокомпонентная именная фраза могут допускать разную пунктуацию. Но вопрос, о котором пойдет речь в данной части работы, касается несколько иного аспекта, а именно: может ли один и тот же текст, одно и то же предложение или (что интересует нас в первую очередь) одна и та же многокомпонентная именная фраза допускать разные прочтения — разное просодическое оформление.

При записи письменного текста на магнитную пленку или при использовании других технических средств, а именно таким образом изучают просодию МИФ, исследователи обращаются к услугам так называемого "второго субъекта". В роли читающего обычно выступают носитель или носители языка. К тому же нельзя забывать, что, хотя предметом анализа в данном случае являются лишь МИФ, читающему предлагается воспроизвести текст, объемом значительно превышающий рассматриваемое предложение — обычно объем текста равняется или даже выходит за рамки одного абзаца. Такой микротекст "вырывается" из макротекста — романа, рассказа, статьи и т.п. Спрашивается: может ли второй субъект, пусть даже ознакомленный с микротекстом, полностью и предельно точно передать оригинальный замысел во всех деталях? Надо полагать, все же нет. В случае, когда читающий не имеет предварительных сведений ни о макро-, ни о микротексте и, что часто бывает, — времени предварительно прочитать про себя предлагаемый отрывок, вероятность того, что его звуковой вариант будет значительно отличаться от оригинальной интенции, естественно возрастает. Интерпретатор будет вынужден полагаться в большой степени на свой опыт и ту концептуальную установку, которую он имеет в момент воспроизведения вслух письменного речевого произведения, так как лишенный возможности глубоко проникнуться авторским замыслом, будет объективно не в состоянии в точности следовать авторскому содержанию-намерению.

В такой ситуации вполне реальны различные отклонения. А поскольку мы имеем дело со "слитными" и бессоюзными "неслитными" МИФ, водоразделом которых на письме является наличие или отсутствие

запятых, то в некоторых случаях "нетипичное" употребление или непотребление этого знака препинания (с точки зрения интерпретатора) практически остается без внимания. Действительно, далеко не каждый читающий, получивший для воспроизведения соответствующие микротексты из романа "Великий Гэтсби", прочитает словосочетание "*his broad, flat hand*", используя неровные тона, т.е. просодически покажет его отличие от словосочетания "*a broad flat hand*".

"He put out his broad, flat hand with well-concealed dislike."

(Scott-Fitzgerald)

"... he moved a broad flat hand along the front vista ..."

(Scott-Fitzgerald),

В оправдание интерпретатора следует отметить, что традиционный порядок расположения прилагательных размера и формы сохранен. Кроме этого, если двухкомпонентные ИФ имеют в качестве атрибутов прилагательные такой семантики, то обычно они (именные фразы) относятся к разряду "слитных". Так что опыт в данной ситуации должен скорее помешать, чем помочь интерпретатору передать интенцию автора.

Итак, фактически мы теперь располагаем основаниями считать, что при анализе МИФ исследователи вынуждены оперировать материалом, не всегда отражающим истинную просодию, которую автор, по всей вероятности, ощущает на стадии внутренней речи, когда речевое произведение существует только в мысленном варианте, и которую в дальнейшем он пытается сохранить и передать, используя соответствующие знаки препинания. То, что анализируется филологом в данном случае, следует называть интерпретационным вариантом. Интерпретационные варианты разнятся по степени точности передачи текстовой просодической структуры, а степень их вариативности не только коррелирует с теми факторами, о которых уже шла речь, но и детерминруется разного рода особенностями исполнителя и т.п.

Объективная вынужденность сталкиваться с явлением интерпретационной вариативности в большинстве случаев и ставит исследователей перед фактами "несоответствия" между просодией и пунктуацией.

Список литературы: И. Морозова А.Н. Системная реализация лексической равнозначности // Системные характеристики лингвистических

явлений. — Куйбышев, 1984. — С. 83-90. 2. Аветисян Н.Г. Ритм много-элементных словосочетаний в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1981. — 22 с. 3. Яковлева Е.Б. Просодия атрибутивной синтагматики в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1976. — 23 с.

Поступила в редколлегию 03.10.90.

В.А. ДМИТРИЕНКО, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О МЕТАТЕКСТОВОМ ПРИСОЕДИНЕНИИ

В настоящее время группа структур, включаемых в понятие "присоединительная конструкция", представляет собой яркий пример таксономической непоследовательности и инвентаризационного эклектизма. Больше чем другие сложные единицы, присоединительные конструкции (ПК) не обладают набором релевантных признаков для выделения их в отдельную группу конструкций, отделяющих их от сходных с ними видов присоединения и парцелляции. Это обстоятельство является основанием для того, чтобы пересмотреть принципы выделения ПК, уточнив их статус и лингвистическую ценность. Вычленение ПК только на основе психологических, логических и семантических критериев (т.е. дополнительный характер присоединяемой части, временной фактор планирования высказывания, непреднамеренность, смысловая зависимость между предложениями, неукладочность и ряд других факторов), как это делалось до сих пор [1; 3; 4; 6], важно, но во многом субъективно. Выделение некоторыми авторами ПК на уровне как предложения, так и текста представляется недействительным [2; 5; 6]. Возникает ситуация, при которой то, что выдвинуто в качестве ПК, является фактически непознаваемым аморфным образованием.

Представляется, что явлению присоединения (но не ПК) в самом деле свойственна определенная синтаксическая неоднородность и дефектная парадигматика: к разряду ПК относят синтагмы на уровне как предложения (обособления, вводные конструкции, парентезы, приложения), так и текста (союзная и бессоюзная последовательности предложений, члены предложений). Их система характеризуется разнообразием формального выражения, асимметрией. Анализ связи между предложениями, основанный на недостаточно объективных критериях,

приводит к спорным и неубедительным смысловым интерпретациям присоединения. Такая категориальная размытость ПК требует уточнения ее лингвистического статуса и определения места в системе языка.

В этом смысле гораздо больший лингвистический интерес представляют попытки выделить присоединительные связи на основе анализа союзов. Исходя из этого, предлагается рассмотреть группу ПК с сочинительной связью.

Во многих работах отождествляются понятия ПК и присоединения, один термин подменяется другим. Однако мы считаем, что понятие присоединения, обозначающее процесс, гораздо шире понятия ПК, являющейся результатом этого процесса: в формально-синтаксическом плане они далеко не синонимичны. Так, по нашему мнению, понятие присоединения охватывает и дифференцирует по своим параметрам различные языковые единицы, относящиеся к уровню и предложения, и текста.

Относительно парцелляции и ПК, как представляется, в языкознании прослеживаются два разных явления, близких друг другу по ряду признаков.

Явление присоединения – сложное и многоаспектное, характеризующееся присоединением: сочинительным и подчинительным (характер связи), союзным и бессоюзным (средства связи), непредикативным, полупредикативным, предикативным и коммуникативным (синтаксический уровень). Каждый из этих видов присоединения обслуживает определенные синтаксические построения и маркируется свойственными им сигналами. Поскольку присоединение является особым приемом организации предложения и текста и особым типом синтаксической связи, присущей разным языковым явлениям, а также формирует и простое и сложное предложение и целый ряд высказываний (комплекс высказываний), то уже поэтому необходимо изучать каждый вид присоединения отдельно, на своем, ему присущем уровне. Присоединение на уровне предложения исследовано Г.Г.Почепцовым, в то время как многие вопросы ПК еще ожидают своего разрешения. Мы придерживаемся точки зрения, что ПК – самостоятельная лингвистическая единица текстового уровня. Она обладает набором только ей присущих свойств и признаков и в рамках предложения функционировать не может в силу природы присоединяемой части, которая возникает после определенной паузы (на письме эта пауза выражена точкой, многоточием, вопросительным и восклицательным знаками). Мы полагаем, что внутри

предложения нередко употребляются многочисленные виды присоединения предложеньеского уровня. К другой группе мы относим предикативные части сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, в которых присоединительные оттенки наслаиваются на основные типы грамматических связей, функционирующие в их составе. Такое наслаивание прослеживается обычно в тех предложениях, середина которых отмечена полукаденцией — интонацией, характерной для конца повествовательного предложения. Присоединительное отношение, дополняющее сочинение и подчинение, придает этим предложениям определенную окраску, но в принципе не меняет их основного профиля: они остаются сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями с характерными для них отношениями между предикативными частями.

ПК — один из типов присоединения. Это бинарные высказывания, части которых отделяются друг от друга формально точкой, многоточием, вопросительным и восклицательным знаками и связаны в единое коммуникативное целое с помощью присоединительного анафорического союза, служащего для связи высказываний в единое целое. Союз в тексте всегда синсемантичен, он не обладает парцелирующим свойством в тексте. Это союз-анафора. Если в случае с парцелляцией наблюдается формальное и семантическое разъединение компонентов одной мысли, то в случае с ПК отмечается формальное разъединение, но семантическое присоединение одной или нескольких мыслей. Приведем пример: *I have made a mistake. But I made a shortage of two hundred and fifty thousand /C. Boothe/.*

В тексте союз сочинительного характера теряет часть своего грамматического свойства. Прежде всего он становится присоединительным союзом, невзирая на то, что в сложносочиненном предложении это был противительный, соединительный или разделительный союз. Он приобретает универсальное свойство — анафоричность. Присоединительный союз служит показателем синтаксической позиции присоединяемой части. Внутренняя группировка союза проводится на основе смысловых отношений между высказываниями, означающими некую недосказанность, незаконченность мысли. Союз в ПК, актуализируясь, приобретает дополнительные функции, значительно превышающие его исходное общязыковое назначение (например, значения дополнительной информации, уточнения, противопоставления, гипотезы, вывода).

Первый и второй элементы ПК имеют различный информационный вес. Если вторая часть ПК возникает во время или после момента высказывания первой мысли, то это не означает, как показало иссле-

дование, что сама конструкция включает в себе малый объем информации. Из примеров следует, что нередко как раз вторая часть ПК представляет собой основную мысль. Поэтому общепринятый термин для обозначения первой части — основное высказывание — представляется неточным. Выявлению более значимого звена в ПК способствует контекст. Вычлененная из контекста ПК не дает объективных сведений о значимости ее частей. На этом основании более правомерным, на наш взгляд, является определение первой части как "основополагающего высказывания", т.е. компонента, который является причиной для появления второй, присоединяемой части. Вряд ли можно считать данные термины идентичными, они качественно отличаются друг от друга, особенно применительно к ПК. Согласно словарю С.И.Ожегова, слово "основной" означает "наиболее важный, главный", что, как доказано, не релевантно в качестве термина, обозначающего первую часть ПК, в то время как термин "основополагающий", по С.И.Ожегову, содержит значение "лежащий в основе, принимаемый за основу". Именно это значение представляется наиболее адекватным для интерпретации первой части ПК: в нём содержится идея конструктивного центра ПК, ее исходного, структурного элемента. Этот термин снимает также факт обязательного смыслового доминирования первой части исследуемой структуры. Например: *Somebody's shooting. And they're shooting at us. And we can't escape* /L. Jones/.

Формулу ПК представим в следующем виде: $[(OB \rightarrow (Co \rightarrow ПЧ)]$.

ПК представляет собой единое целое, причем присоединяемая часть (ПЧ) несамостоятельна в структурном, семантическом и коммуникативном отношениях, зависит от предыдущего высказывания, связана с ним. Обозначать термином "присоединительная конструкция" только эту вторую часть, как это делают некоторые исследователи, неправомерно, так как она не является конструкцией, равно как и, например, к сложноподчиненному предложению относится не только придаточная, но и главная часть. По нашему мнению, полнозначной присоединяемая часть может быть только в составе ее предыдущей части — высказывания, порождающего ее. В этом, на наш взгляд, и состоит суть термина "конструкция". Термин "присоединительная конструкция" охватывает обе части.

Присоединяемая часть вместе с союзом образуют единый синтаксический и смысловой комплекс, соотносящийся с основополагающим высказыванием. При таком подходе к ПК можно говорить о сложной

синтаксической единице, представляющей собой некую абстракцию союзного типа, вычленяемую в конечном счете из структурных элементов речевого потока и воспринимаемую нашими органами чувств.

Таким образом, результатом данного исследования явилась эксплицитная дифференциация формально-синтаксической структуры присоединительной конструкции. Выделение ПК на основании конкретных формальных критериев способствует вычленению данных структур из речевого потока, их классификации и более объективному изучению. Союз как однозначный эксплицитный формальный показатель в совокупности с психологическими, логическими и семантическими параметрами дает эффективные результаты. Бесспорным преимуществом союзных ПК текстового уровня является их однозначность и стабильность, что дает возможность выявить релевантные признаки и разработать аппарат классификации данных структур.

Список литературы: 1. Бурак Л.И. Присоединение и его дифференциальные признаки // Рус. яз. - Минск, 1988. - Вып. 8. - С. 60-70.
2. Голикова Н.Н. Функциональные явления присоединения в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1986. - 183 с.
3. Крючков С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М., 1959. - С. 397-411.
4. Литвиненко Е.В. Из истории становления синтаксиса испанского языка (явление парцелляции). - Киев, 1981. - 112 с.
5. Реферовская Е.А. Лингвистическое исследование структуры текста. - Л., 1983. - 215 с.
6. Ринберг В.А. Конструкция связного текста в современном русском языке. - Львов, 1987. - 166 с.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

А.И. ДОРОДНЫХ, д-р филол. наук, В.В. РЕКАЛО

КООРДИНАТЫ РЕЧИ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Несмотря на то, что лингвистике текста не суждено было оформиться в самостоятельную дисциплину, текст был и остается объектом изучения всех коммуникативно ориентированных направлений в лингвистике.

В настоящем исследовании сопоставительному анализу подвергнуты тексты разной жанрово-стилистической принадлежности. В качестве параметров при анализе использовались ориентиры, характеризующие локализацию речи: "я" - "здесь" - "теперь".

Представляется, что названные координаты релевантны для устного дискурса; при сравнении же произведений письменного дискурса, т.е. текстов, целесообразно пользоваться более общими понятиями, а именно - "субъект речи" и "хронотоп" (временная и пространственная локация описываемых событий).

Анализу были подвергнуты три текста: 1) рассказ С.Моэма "Сон"; 2) пред рождественская статья священника из газеты "Морнинг Стар" и 3) статья из физического журнала.

По параметру "субъект речи" внешне совпадают первые два текста, так как в обоих формально субъект речи выражен местоимением "я". Различие заключается в том, что в рассказе С.Моэма референт "я" не всегда один и тот же. "Я" здесь производит два разных действия, разделенных во времени: одно действие состоит в том, что человек является участником событий; другое - в том, что он эти события описывает (припоминает, рассказывает). "Я" как бы раздваивается на "я", которое действует (персонаж), и "я", которое говорит (повествователь).

Но двусмысленность "я" в рассказе "Сон" этим не ограничивается. Повествовательная структура данного текста делится на макросюжет и включенный в него микросюжет. В микросюжете повествование идет от лица персонажа, участника событий, описанных в макросюжете и в микросюжете. Таким образом, "я" соотносится с двумя повествователями и с двумя персонажами, причем персонаж макросюжета становится повествователем микросюжета, в котором персонажами являются он и его жена.

В тех местах текста, где воспроизводится прямая речь персонажей, происходит столкновение местоимений "я" и "он". Различия между этими двумя лицами, участвующими в повествовании, заключаются не в их сущности, а только в существующем между ними отношении предшествования: "он" всякий раз оказывается тем, кто вскоре скажет "я".

Указанная неоднозначность местоимения "я" обуславливается способностью языка к расчленению двух типов ситуаций - общения и сообщения (ср. [4, с. 105-106]).

Отличие двух других рассматриваемых текстов состоит в том, что публицистический текст содержит ситуации общения, но их доля в нем намного меньше доли ситуации сообщения. В научном тексте ситуаций общения нет, поэтому не наблюдается переходов "он" в "я" и наоборот. Отличие ситуаций устного общения — в том, что в них чередуются не "он" и "я", а "ты" ("вы") и "я". Еще одна особенность научного текста состоит в том, что единичный субъект речи в нем согласно традиции может быть означен местоимением "мы" (правда, в анализировавшемся здесь научном тексте "мы" соотносится с коллективом авторов).

Наконец, художественный текст отличается от публицистического и научного тем, что в нем по крайней мере один референт местоимения "я" — вымышленное лицо (не исключено, что С.Мозем мог быть участником описываемых событий). Если говорить о художественных произведениях вообще, то субъект речи в них может не быть эксплицитно выраженным, или же референтом "я" может быть некое вымышленное лицо.

Параллельно расслоению субъекта речи происходит расслоение локации во времени и пространстве [5, с. 217-218]. Попытаемся рассмотреть временной параметр локации в двух аспектах: количественном и качественном.

Количественный анализ вынуждает обращать внимание преимущественно на формы, выражающие время и временные отношения. Количественному анализу были подвергнуты грамматические формы, так как, в отличие от лексических средств выражения временных значений, они не столь многочисленны и многообразны.

Формальный подсчет не мог не дать довольно тривиальных результатов. Обнаружено, что наибольшие расхождения имеются между художественным и научным текстом: если в рассказе С.Мозема преобладают формы прошедшего времени, то в научной статье — формы настоящего времени, а формы прошедшего времени достигают лишь 2,2 %. Статья священника занимает промежуточное положение, хотя по употреблению форм прошедшего времени она ближе к художественному тексту (табл. I).

Преобладание форм прошедшего времени характерно для художественных текстов даже в случаях, когда воображаемые события, описываемые в них, отдалены от реальной современности на десятки лет или даже веков (как, например, в книге Ф.Херберта "Дюна").

Т а б л и ц а I

Распределение видовременных форм по текстам

%	Настоящее			Прошедшее			Будущее			Будущее в прошедшем		
	Х	П	Н	Х	П	Н	Х	П	Н	Х	П	Н
Простое	4,3	18,3	61	73	64,6	2,2	0,4	3,7	8,7	2,1	-	-
Длительное	1,3	1,2	2,2	2,5	-	-	-	-	-	-	-	-
Перфектное	-	1,2	4,3	9,9	2,4	-	-	-	-	-	-	-
Длительно-перфектное	-	-	-	0,4	-	-	-	-	-	-	-	-
Прочие	0,4	2,4	19,6	4,3	1,2	2,2	-	-	-	-	-	-

В статье священника заметное место занимает повествование о его приключениях в Каире, что и объясняет довольно большую долю форм прошедшего времени в этом тексте. Вместе с тем нетрудно обнаружить значительные качественные различия в употреблении форм прошедшего времени в художественном и публицистическом текстах. Дело в том, что в последнем прошлое мыслится с опорой на момент написания статьи, а в рассказе С.Моэма — на момент написания рассказа, а также на момент беседы автора повествования с незнакомцем.

Полагают, что характерной чертой повествования является сюжетное время, которое в русском языке конструируется с помощью форм прошедшего времени в аористных и имперфектных значениях [3, с. 332]. Нетрудно представить, какую большую нагрузку несли бы формы прошедшего времени в рассказе на русском языке, по своей структуре подобном "Сну" С.Моэма — ведь в нем, согласно определению, два сюжетных времени.

Можно было бы ожидать, что в рассказе на английском языке легче отличать аористные и имперфектные значения благодаря наличию перфектных и длительных форм. Тем не менее, доля перфектных и длительных форм прошедшего времени в рассказе С.Моэма невелика (соответственно 9,9 % и 2,5 % по сравнению с простыми формами прошедшего времени — 73 %). Таким образом, и в английском тексте аористные и имперфектные значения определяются в основном лексической частью глагола с опорой на контекст.

Среди категорий текста выделяют такие, как ретроспекция и проспекция [1, с. 105-113; 2, с. 37-43]. Причем данные категории

характерны и для устных разновидностей дискурса, так как и в этом случае коммуникант может отсылать адресата к тому, что будет сказано, и к тому, что было сказано. Следует подчеркнуть, что часть ретроспективных и проспективных значений совпадает с тем, что принято включать в категорию таксиса. В отличие от русского языка в английском языке существуют наборы грамматических форм, выражающих значения одновременности, предшествования и следования относительно точек отсчета, избираемых в сфере настоящего и в сфере прошедшего времени. В русском языке отношение предшествования формально не выражено, а следование выражается с помощью одной и той же формы будущего времени, независимо от того, находится точка отсчета в сфере настоящего или же прошедшего времени.

Таким образом, в русском и английском языках существуют два вида точки отсчета — в пределах настоящего и в пределах будущего времени. Временная многоплановость художественного текста достигается за счет того, что в нем время событий и время их воспроизведения и восприятия является плодом воображения — "сюжетное время есть время мира фиктивного, вымышленного, где за знаком нет конкретного единичного денотата" [6, с. 48]. В художественном тексте точка отсчета устанавливается независимо от реального момента речи, т.е. времени создания текста.

В связи со сказанным возникает вопрос о правомерности выделения регистров, или типов речи. Г.А.Золотова, например, считает, что в языке художественной литературы используется преимущественно изобразительный тип речи. Вместе с тем возможно сочетание этого типа с разновидностями информативного регистра. С другой стороны, в газетно-публицистическом тексте используются разновидности информативного регистра, которые могут сочетаться с разновидностями изобразительного регистра, хотя последним отводится подсобная, вспомогательная роль [3, с. 355]. При этом учитываются в основном формальные характеристики упомянутых регистров, например использование сюжетных временных форм в изобразительном регистре и несюжетных в информативном. Сравнив рассказ С.Мозма и публицистическую статью, заметим, что прежде всего формы, свойственные изобразительному регистру, употребляются в публицистической статье для описания реальных событий, а формы, свойственные информативному регистру, описывают события, являющиеся плодом воображения автора рассказа.

Пространственный элемент речи тесно связан с временным элементом, но, в отличие от последнего, не обнаруживает особых формальных различий в текстах разной жанровой и стилистической принадлежности. В основном средства пространственной локализации в художественном тексте отличаются тем, что имеют вымышленных референтов, а в публицистических и научных текстах они соотносятся с реальными денотатами.

Итак, субъект речи и средства временной и пространственной локализации отличаются в художественном, публицистическом и научном текстах. При этом формальные различия невелики и носят в основном количественный характер. В нормальной ситуации все нехудожественные тексты характеризуются набором координат, в котором все элементы отмечены знаком "+" относительно реальных ситуаций. В противоположность им художественный текст отличается тем, что все три элемента координатной схемы речи могут быть отмечены знаком "-", т.е. являться вымышленными. Естественно, возможны различные вариации (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Соотнесенность координат речи с действительностью
в художественном тексте

Субъект(ы) речи	Временные координаты	Пространственные координаты
1. -	-	-
2. -	+	+
3. -	+	-
4. -	-	+
5. ±	-	-
6. +	+	-
7. +	-	+

В сравнительных исследованиях, подобных данному, уместно ввести еще один элемент - персонажей, не являющихся субъектами речи, но участвующих в сообщаемых событиях. И здесь художественный текст будет отличаться тем, что участниками подлинных или вымышленных событий могут быть подлинные или вымышленные лица.

В свете сказанного представляется необходимым отметить, что "художественное время" — это не особая категория, так как в художественной литературе средства выражения времени и временных отношений употребляются в соответствии с принятыми в данном языковом коллективе канонами, произвольным является лишь выбор точки отсчета. С другой стороны, "художественное время" имеет и свои особенности: например, плотность временного пространства в художественном тексте может варьироваться в зависимости от намерений автора.

Список литературы: 1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981. — 138 с. 2. Гильдина А.К. К вопросу о ретроспекции в тексте // Межуровневая организация текста в естественном языке. — Челябинск, 1987. — С. 37–43. 3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982. — 368 с. 4. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. — М., 1986. — 215 с. 5. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. — М., 1985. — 332 с. 6. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. — М., 1979. — 186 с.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

И.И.КОВЬЛХ, А.П.МАРТЫНЮК, канд. филол. наук

СОТНОШЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО РОДА И ЕСТЕСТВЕННОГО ПОЛА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОБОБЩЕННОЙ РЕФЕРЕНЦИИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА (на материале английского языка)

Родовую систему английского языка называют "естественной" или логической, однако не все встречающиеся или (что еще более важно) предписываемые варианты родовых лингвистических форм логически соотносятся с естественным родом (полом) референта.

Предположение о том, что категория рода является не столько грамматической, сколько семантической, впервые было выдвинуто Эрвин-Трипп [4, с. 153], которая считает, что данные психологии и лингвистики подтверждают идею рода как свойства семантического содержания, нежели слова, рассматриваемого в теории как часть значения, нежели

грамматики [1, с. 34]. Эрвин-Трипп утверждает, что в "повседневном опыте явный атрибут объектов перевешивает любое приращение в ассоциации, полученное от рода" [3, с. 168]. Однако это не всегда так. Нетрудно смоделировать ситуацию, где половой подтекст, рождаемый грамматическим родом, обретает заметную значимость. Эрвин-Трипп демонстрирует этот факт на результатах эксперимента, в котором информантам было предложено дать семантические определения ряду несуществующих слов, список которых включал пары мужского и женского рода с единым корнем. Род являлся единственным, что отличало слова в каждой паре. В результате мужские и женские формы получили разные оценки и разные семантические описания. Оценки, данные каждому слову, следовали семантическому подтексту слов "мужчины" ("men") и "женщины" ("women") для мужских и женских слов соответственно. Таким образом, данные Эрвин-Трипп противоречат взглядам на род некоторых других лингвистов, считающих род формальным понятием, не могущим иметь "полной экстралингвистической базы" [8, с. 7], или утверждающих, что "род — это лингвистическое явление и никакие экстралингвистические факторы не участвовали в его появлении" [5, с. 27].

Проблема взаимоотношений между грамматическим и естественным родом (биологическим полом) актуальна для английского языка, имеющего "естественную" родовую систему [6; 7]. Миллер и Свифт, прослеживая историческое развитие и функционирование в современном английском некоторых маркированных (напр. *actor/actress*) и немаркированных (напр., *doctor, teacher*) по роду существительных, убедительно доказывают, что при переходе от грамматического к естественному роду слова, обозначавшие занятие или профессию, могли использоваться с референтами обоих полов без каких-либо различий. По мнению Миллер и Свифт, новые существительные женского рода вводились и принимались каждый раз, когда ощущалась необходимость закрепления мужского приоритета [7, с. 45]: при наличии двух обозначений представителя одной профессии одно из них становилось общим родовым термином, а второе обретало оттенок отклонения от нормы. Пара *actor/actress* в английском языке является примером подобного. Поскольку слово *actor* употребляется в обобщенном значении (как, например, в сочетаниях "*Actors Studio*", "*Actors Playhouse*"), то различие между двумя словами заключается не только в том, что они принадлежат к разному роду: их нельзя рассматривать как равноправные, поскольку женское родовое

понятие (напр., *actress*) относится к чему-то, на что не распространяется общее понятие. Такой вид дифференциации ведет к слишком жесткому разграничению на "женские" и "мужские" характеристики, общих для мужчин и женщин, "а смешение слов "род" и "пол" семантически размывает данное биологически чем-то приписанным социальным" [7, с. 47].

Явное смешение понятий рода и пола проявляется еще более ярко в английской системе местоимений. Особый интерес вызывает проблема использования местоимения мужского рода *he* (*his, him*) с немаркированным по роду антецедентом (напр., *Each singer must know how to use his voice*). Использование местоимений мужского рода в качестве общих предписывалось нормативными грамматиками на протяжении многих лет [2; 10], что, конечно, вовсе не означает, что эта норма всегда полностью принималась носителями языка. До того, как предписывающие грамматики XIX в. закрепили за *he* статус единственно "правильной" формы для обозначения немаркированного по роду антецедента, альтернативные формы *he or she* и *they* единственного числа имели широкое распространение и были общепринятыми [2]. Альтернативные формы существовали и использовались, поэтому остается только удивляться тому, что местоимение *she* не получило статуса общеродового. С середины девятнадцатого столетия к настоящему моменту положение только еще более обострилось в связи с тем, что предписывающие грамматики постулировали полную неприемлемость *he or she/they* единственного числа. Бодайн [2] исследует влияние этого процесса на современную практику обучения в обзоре 33 школьных книг по грамматике, 28 из которых прямо отказались от альтернативных форм: от *he or she* из-за громоздкости; а от *they* единственного числа ввиду его неправильности. Смит [9] возражает, что с точки зрения грамматической точки зрения довод о том, что *he or she* громоздко и неуклюже, неправилен, хотя большинство людей, видимо, согласится с возражением со стилистической точки зрения. Но как быть с заявлением о неправильности *they* единственного числа? Здесь все, по-видимому, зависит от того, что брать в качестве критерия грамматической правильности. На основе формального анализа системы местоимений, в которой *they* используется только во множественном числе, обвиняемый признается виновным в момент предъявления обвинения. Но с формальной точки зрения местоимение *he* при его обобщенном употреблении также не сочетается в грамматическом роде с антецедентом и, таким образом, грамматически несостоятельно

по той же причине, что и *they* единственного числа, которое не сочетается с antecedентом в числе.

Но если критерий грамматической правильности основывается на наблюдении и анализе употребления, то проблема становится эмпирической: как используются *he, they, he or she* в речи и являются ли они приемлемыми для носителей языка? В поисках ответа на этот вопрос был предпринят анализ частотности местоимений, заменяющих немаркированные по роду antecedенты в современной англоязычной публицистике. Согласно полученным данным наиболее частотно *he*, причем как с antecedентами-существительными, так и с antecedентами-местоимениями (66 %); за ним с большим отрывом следует *they* (23,3 %) и только затем *he or she* (10,7 %).

Представляется, что распределение местоимений во многом обусловлено факторами неязыковой природы, например, стереотипными представлениями о социальных ролях мужчин и женщин в обществе. Так, существительные, обозначающие конкретный род занятий, должность, профессию, многие из которых ассоциируются у носителей языка с референтом-мужчиной (напр., *pilot, president, miner, boss, patriarch*), заменяются на *he* гораздо чаще, чем существительные с обобщенным значением, исключаящим также ассоциации (напр., *person, individual, patient*).

Относительно распространения *he* в грамматиках как доминирующего общеродового местоимения существует мнение [10], что оно происходило по двум направлениям: "(1) поскольку традиционное правило местоименной замены требует, чтобы местоимение согласовывалось с существительным antecedентом в роде, числе и лице, и поскольку в соответствии с этими грамматиками большинство существительных английского языка были мужского рода, если только не были маркированы с помощью специального "женского маркера"; и (2) когда грамматисты начали замечать "неопределенные местоимения" *anyone, everyone, everybody* и т.п., они решили выбрать *he* в качестве общеродового местоимения" [10, с. 802].

Можно соглашаться с данными предположениями или приводить другие обоснования закрепления *he* в качестве заместителя немаркированного по роду antecedента, можно давать разные лингвистические и социальные оценки этому явлению, но следует признать тот факт, что для большинства носителей языка *he* является наиболее распространенным средством обобщенной референции 3-го лица единственного числа. В то же время все рассматриваемые варианты право-

меры, поскольку подобное использование *he* извлекает свое возможное рациональное зерно из ошибочной посылки уравнивания рода с биологическим полом и коррелятивной установки, что английский язык имеет систему классификации существительных, основанную на "естественном" роде.

Список литературы:

1. Bendix, E.H. Linguistic models as political symbols: Gender and the generic "he" in English // In Orasanu, J., M.K. Slater & L.L. Adler (eds). 1977. P.23-39.
2. Bodine, A. "Androcentrism in prescriptive grammar: Singular "they", sex indefinite "he", and "he or she". Language in Society 4, 1975. P.129-146.
3. Ervin-Tripp, S.M. Language acquisition and communicative choice: Essays by Susan M. Ervin-Tripp. Stanford: Stanford University Press. 1973.
4. Ervin-Tripp, S.M. Speech acts and social learning // In Basso, K.H. & H.A. Selby (eds). 1976. P.123-153.
5. Ibrahim, M.H. Grammatical gender: Its origin and development. The Hague: Mouton. 1973.
6. Key, M.R. Linguistic behavior of male and female // Linguistics 88. 1972. P.15-31.
7. Miller, C. & Swift, K. Words and women: New language in new times. Garden City, N.Y.: Anchor Press/Doubleday, 1976.
8. Newmeyer, F.J. Grammatical theory: Its limits and possibilities. Chicago: The University of Chicago Press. 1983.
9. Smith, P.M. Language, the sexes and society. Oxford: Basil Blackwell. 1985.
10. Stanley, J.P. Sexist grammar // College English 39(7). 1978. P.800-811.

Поступила в редколлегию 04.10.90.

К.И. ЛАНЕЦКАЯ, канд. филол. наук, В.И. ГРОМОВА

О НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРАЛИНГВИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Появившаяся во второй половине XX в. паралингвистика как само-

стоятельная отрасль языкознания обусловила значительный интерес лингвистов к невербальным коммуникативным средствам, поскольку, как утверждает З.Л.Витлин [4], совершенное овладение языком возможно только с учетом всех конкретных особенностей функционирования языка и прежде всего паралингвистических средств. Лингвистика располагает множеством средств, а именно: средствами языковой фонации, всеми элементами интонации, предметами обихода, присутствующими при речевом акте, а также кинесическими средствами, которые способны передавать до 40 % всей информации [4, с. 38].

Общелингвистическим вопросам о роли паралингвизмов посвящена работа Т.Т.Железановой [1]. Однако особенности употребления паралингвизмов в разговорной речи в этой работе не получили должного описания.

Задачей данной статьи является выявление лексико-грамматических типов немецких предложений с паралингвизмами, а также стилистических средств при создании коммуникативных и эмоциональных ситуаций с использованием паралингвизмов в различных сферах общения.

Целесообразным представляется исследование диалогической речи, так как этот анализ может затрагивать различные ее аспекты: грамматическую структуру реплик диалога, тесную взаимосвязь синтаксических единиц, обусловленных речевой ситуацией и сопровождаемых дополнительными неречевыми средствами (мимикой, жестами, телодвижениями). Важным является при этом исследование средств, обеспечивающих динамику диалога и построение диалогических реплик.

Например, Н.А.Шевченко исследует комбинаторные характеристики побудительных реплик, вызывающих ответную реакцию. На материале английского языка автор устанавливает, что реагирование на побудительную реплику может быть речевым, неречевым и комбинированным. Выбор средств зависит от факторов; "детерминирующих сочетаемость побудительной реплики с ответными репликами согласия" [3, с. 88]. Рассматриваются две группы факторов, влияющих на природу реакции человека на побудительную реплику.

1. Факторы, обуславливающие речевое реагирование на побуждение.

2. Факторы, блокирующие появление словесной реакции на побудительную реплику, но вызывающие поведенческую реакцию.

Так как предметом нашего анализа являются неречевые средства реагирования на диалогические реплики, то целесообразно выделить вторую группу факторов:

Первым явлением, блокирующим речевую реакцию на побуждение и вызывающим соответствующую поведенческую реакцию, названа эксплицитность, категоричность выражения побудительного значения [3, с. 89]. Вторым мотивом, блокирующим словесную реакцию на побуждение, являются семантические характеристики исходной реплики.

В художественных произведениях автор фиксирует не только словесные реплики участников диалога, но также и их невербальное поведение, которое сопутствует речи. Употребление средств невербального поведения при общении является дифференцированным. Определяющий фактор в выборе этих средств — ситуация как "совокупность реальных, временных, пространственных и предметных условий, служащая как бы своеобразным тематическим индексом всей коммуникации" [2, с. 23]. Обычно процесс вербальной коммуникации происходит в некоторой конкретной ситуации. От того, насколько хорошо знакомы коммуниканты, какие между ними сложились отношения, каково их социальное положение и при каких обстоятельствах происходит общение, зависят грамматическая структура построения реплик, выбор лексических средств, а также определенный набор паралингвистических средств при оформлении вербального высказывания.

Все многообразие ситуаций, в которых протекает человеческое общение, можно разделить на две группы: официальные и неофициальные. Каждая из них предполагает употребление тех или иных вербальных и невербальных средств для описания действий персонажей, их взаимоотношений в художественном тексте.

Для описания официальных ситуаций характерно употребление деловой, нейтральной лексики, отсутствие эмоционально окрашенной лексики: эпитетов, сравнений, метафор и т.д. Поведение собеседников сдержанно, что отражается на номинации паралингвизмов в данном тексте.

Trutmann... streckte ihr seine fleischige rötlich behaarte Hand entgegen, während er sich vorstellte. (E. Neutsch)

Таким образом, номинации в тексте невербального поведения персонажей произведения в официальных ситуациях немаркированы. Они в большинстве своем неэмоциональны, нейтральны.

Неофициальные, личные отношения между людьми предполагают, наоборот, употребление экспрессивной, эмоционально окрашенной лексики, стилистических фигур в номинациях паралингвизмов в худо-

жественном тексте. В отношениях родственников, близких, хороших знакомых проявляется все многообразие форм общения: вербального и невербального.

"Mensch, was für ein Tag! Komm an meine Brust!" Die beiden stürzten einander in die Arme. Alfons klopfte Ienz auf den Rücken, das es klang, als wäre nebenan eine Schmiede (E. M. Remarque).

Сравнение "als wäre nebenan eine Schmiede" усиливает эмоциональность в описании невербального поведения персонажей произведения.

В более широком смысле по отношению к понятию "ситуация" употребляется понятие "сфера общения". Как официальные, так и неофициальные ситуации могут быть включены в разнообразные сферы общения. Но независимо от характера каждая сфера общения обладает набором вербальных и невербальных средств, присущих только ей. Исследуемый материал позволил провести анализ таких сфер:

I. Общение военных.

Специфика поведения военных заключается в категоричности приказов и четком их выполнении. Категоричность приказаний старших по званию в большинстве случаев блокирует появление вербально оформленных реакций на выполнение императивного действия и заменяется поведенческой реакцией.

"Nehmen Sie Haltung an!"

Holt zog die Hacken zusammen. (D. Noll)

Для военных людей характерны также определенные жесты, которые имеют коммуникативное значение и получили стандартную форму, приобретая тем самым довольно строгую паралингвистическую однозначность.

Der Hauptmann legte mit nachlässiger Bewegung die Hand an den Mützenkirm... und rief... "Morn, Batterie!"

(D. Noll)

Данный жест обозначает отдавание чести при приветствии. Таким образом, в общении военных наблюдается четкость и категоричность в

вербальном оформлении приказаний. Словесная реакция на побуждение в большинстве случаев заменяется поведенческой. Жесты имеют однозначное толкование. При номинации поведения военных в тексте используется нейтральная лексика.

П. Спорт (на стадионе).

Широкое распространение жестовое поведение получило в спортивной сфере, где оно является не только реакцией на побуждение к действию, но и непосредственно побудителем к действию.

Der Schiedsrichter pfeift und zeigt auf den
Elfmeterpunkt.

Жестикуляция имеет коммуникативное значение, так как она сообщает информацию.

Im weiteren Verlauf des Spieles zeigt der Schiedsrichter
seinem Spieler die rote Karte.

Показ красной карточки во время футбольного матча означает приказание футболисту покинуть игровое поле за нарушение правил игры.

Невербальное поведение судей и игроков во время спортивных состязаний имеет большое значение для коммуникации вообще. Именно спорт объединяет людей многих национальностей, владеющих различными языками, и невербальное поведение в данном случае служит мощным коммуникативным средством.

Рассматриваемая спортивная сфера, в частности, футбольный матч, включает в себя элементы официальности и неофициальности. Невербальное поведение судьи официально и выражается в действиях, характерных для футбольной игры. Совершенно другое поведение зрителей и самих футболистов, которое является отображением их эмоционального состояния: радости, восторга, огорчения или негодования и соответственно описывается в тексте:

die Zuschauer springen auf, reißen die Arme hoch, klopfen den Nachbarn auf die Schulter; der Torschütze gibt seiner Freude Ausdruck durch das Hochreißen der Arme und durch eine dreimalige Vorwärtsrolle; der Trainer gestikuliert erregt mit den Armen, zeigt dem Schiedsrichter einen Vogel.

III. Школа (на уроке).

Поведение учителей и учеников во время урока также имеет свои особенности. Речевая коммуникация часто сопровождается поведенческой, а иногда может быть полностью заменена последней. Как правило, требования учителя на уроке блокируют появление речевой реакции.

"Lüge nicht! Geh nach vorn!" (M.-L. Weinert)

Поведение учащихся характеризуется также набором определенных жестов, имеющих коммуникативное значение.

"Herr Lehrer!" rief Zemtcki, und er stocherte mit dem Zeigefinger in der Luft herum... (D. Noll)

Ich melde mich. Erika. Mariechen und Gertrud schmalzen auch schon mit den Fingern. (M.-L. Weinert)

Особенно наглядно неречевое поведение учащихся проявляется во время проверки учителем домашнего задания. В зависимости от знания или незнания материала различно и невербальное поведение учеников: sie lehnt sich beruhigt auf den Stuhl zurück, ihr Gesicht ist entspannt; hastig greift er mit den Fingern in den gewölbten Buchausschnitt.

Данное исследование паралингвизмов в различных коммуникативных ситуациях и жизненных сферах общения проводилось на материале текстов художественной литературы. Наиболее широко в художественных произведениях описана сфера повседневного общения людей дома, на работе, в местах отдыха. Невербальное поведение в таких ситуациях очень разнообразно. Оно может быть нейтральным и сдержанным и проявляться в стандартной жестикуляции и мимике лица: er nickte, schüttelte den Kopf, machte eine abwerfende Handbewegung, а может выражать высокую степень эмоционального состояния человека. При номинации в тексте такого поведения персонажей автор использует различные экспрессивные средства и стилистические фигуры.

Gustav schmunzelte und boxte mich in die Rippen: "Siehst du, was habe ich dir gesagt". (E.M. Remarque)

"Verloren!" Er griff sich mit beiden Händen in seinen gelben Haarwald. (E.M. Remarque)

В данной статье были проанализированы те сферы общения, где наиболее наглядно представлена специфика употребления средств невербального поведения людей в каждой конкретной обстановке.

На основе анализа различных сфер общения с употреблением паралингвизмов можно установить особенности лексико-грамматической структуры предложений, содержащих паралингвизмы.

1. Для всех сфер употребления паралингвизмов характерны нераспространенные двусоставные предложения, построенные по формуле:

Subjekt (Substantiv, Pronomen) + Prädikat (Verb)

Pat nickte "Ja", sagte sie.

Sie sah mich an "So spät?" (E.M.Remarque)

Данная структура номинаций паралингвизмов стала разговорной формой, которая часто произвольно появляется в речи и сопровождает почти все реагирования человека. Лексическое оформление данных паралингвизмов нейтрально. Такие общеупотребительные паралингвизмы принято обозначать как узуальные. Чаще всего они обладают минимальной степенью эмоциональности и лишь сопровождают словесное высказывание, придавая ему однозначность восприятия и дополняя его содержание.

2. Широко распространены также двусоставные нераспространенные предложения, содержащие узуальные паралингвизмы с высокой эмоциональностью. Грамматическая структура номинаций этих паралингвизмов совпадает с грамматической структурой номинаций паралингвизмов, рассмотренных выше, где глагол-сказуемое является носителем эмоциональности. Как правило, это фонационные паралингвизмы, характеризующие личность с точки зрения произнесения ею прямой речи. Автор в своей речи при помощи средств языка выражает признак, связанный с особенностями звучания голоса человека, обусловленный характером коммуникативного намерения или внутренним эмоциональным состоянием говорящего.

1) Die Damen zischten wie ein Nest von Riesenschlangen
(E.M.Remarque)

2) "Fünf Uhr", quakte der Gehilfe (E.M.Remarque)

Узуальные эмоциональные паралингвизмы часто употребляются в отображении мимики лица.

...Aber das letzte Romantiker grinste nur... (E.M.Remarque)

3. Область употребления распространенных предложений, содержащих эмоциональные паралингвизмы с использованием экспрессивной лексики, несколько уже, чем у рассмотренных выше паралингвизмов. В основном данные паралингвизмы употребляются в неофициальных ситуациях при общении людей, хорошо знакомых друг с другом. В тексте данные паралингвизмы большей частью представлены глагольными словосочетаниями и строятся по формуле:

Subjekt (Substantiv, Pronomen) + Prädikat (Verb) +
+Nebensatzglieder (Substantiv, Präposition + Substantiv, Adjektiv, Partizip I, II)

Прямым носителем эмоционального содержания являются прилагательные, причастия, сравнительные обороты и в некоторой степени эмоциональный глагол.

"Nicht möglich", erwiderte Lenz und grinste von einem Ohr zum anderem. (E.M.Remarque)

Er machte Augen wie Teller. (E.M.Remarque)

Wolfgang zuckte wütend die Achseln. (E.M.Remarque)

Lenz schaute mit wildem Gesicht zum Himmel auf.

(E.M.Remarque)

Носители эмоциональности – экспрессивная лексика и стилистические фигуры: метафоры, эпитеты, сравнения.

4. Носителями высшей степени эмоциональности являются окказиональные или нестандартные паралингвизмы (unerwartete bildhafte Einmalbildungen) в различных синтаксических типах предложений.

In Bärlachs zusammengekniffenen Augen

wetterleuchtete es verächtlich. (F.Dürrenmatt)

"Tredeborns", sagte Tante Marianna, und keine Miene bewegte sich in ihrem hölzernen Gesicht. (D.Noll)

Нестандартные номинации этих паралингвизмов передаются в языке разнообразными средствами. Это могут быть свободные словосочетания или даже целые предложения. Значительное структурное разнообразие номинаций окказиональных паралингвизмов обусловлено индивидуальным подходом автора к их описанию и разными особенностями художественного стиля писателей.

Между узуальными эмоциональными паралингвизмами и окказиональными паралингвизмами нельзя провести четкой границы. Окказиональные паралингвизмы обладают большей степенью эмоциональности и своеобразием характеристик, это достигается благодаря употреблению автором разнообразных средств образности.

Окказиональные паралингвизмы являются стилистической особенностью каждого автора и служат как для создания общего эмоционального плана произведения, так и для характеристики отдельных персонажей.

Jochmann schüttelte seine Lockenmähne. (E. Neutsch)

Например, у Ремарка окказиональные паралингвизмы служат для характеристики социальной принадлежности персонажей и их индивидуальных особенностей:

1. Plötzlich sah ich Blumenthal wie einen ganzen Wald voll Affen grinsen. (E. M. Remarque)
2. "Schweig, Gottfried": Grau wischte ihn mit einer Bewegung seiner mächtigen Tatze beiseite. (E. M. Remarque)
3. Drei große Kognaks, brüllte der Unglücksvogel mit einer Stimme, als wollte er einem Gast im Grabe die Rechnung machen. (E. M. Remarque)

Анализ исследуемого материала дает основание сделать вывод о том, что для каждой из сфер общения характерны как общеупотребительные, так и индивидуальные лексические и паралингвистические средства. На выбор вербальных и невербальных средств оформления коммуникативного акта большое влияние оказывает ситуация, в которой происходит общение.

Список литературы: И. Железанова Т.Т. Номинация паралингвистических явлений в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд.

Филол. наук. - М., 1982. - 25 с. 2. Колшанский Г.В. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации // Вопр. языкознания. - М., 1973. - № I. - С. 16-25. 3. Шевченко Н.А. К вопросу о комбинаторных характеристиках диалогических реплик // Вестн. Харьк. ун-та. - 1984. - № 258. - С. 87-90.

4. Vitlin Z.L. Paralingvistische Mittel im Fremdsprachenunterricht. - Deutsch als Fremdsprache. - Leipzig: Herder-Institut, 1/1987, 24. Jahrgang. С. 37-40.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

В.В.ЛЕВИЦКИЙ, Т.А.РОМАНОВА

ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ЯЗЫКЕ

Изучению межуровневых отношений в языке в последнее время уделяется все более пристальное внимание. Заметных успехов советскому языкознанию удалось добиться в исследовании отношений между лексикой и фонетикой (см. работы С.В.Зорнина, А.П.Журавлева, Л.Г.Зубковой). Связь лексики и грамматики также уже неоднократно привлекала внимание лингвистов. Думается, однако, что дальнейшее исследование такого сложного и глубинного языкового механизма, которым является взаимодействие единиц различных уровней языка, не может оказаться успешным без применения специальных методов анализа, способных обнаружить языковые процессы, скрытые от внешнего наблюдения. К таким специфическим методам относятся статистические процедуры.

Попытаемся продемонстрировать возможность применения этих методов при исследовании взаимосвязи единиц лексического (наречий) и морфологического (темпоральных форм глагола) уровня на материале английского языка.

Можно выдвинуть гипотезу о том, что употребление наречий в сочетании с определенными глаголами зависит не только от семантики глагола, но и от грамматического времени, в котором употребляется этот глагол. Иначе говоря, можно предположить, что сочетание определенных лексических значений ("наречий") с определенными грамматическими значениями ("временами") носит неслучайный характер. Чтобы проверить эту гипотезу, необходимо: а) иметь перечень подклассов наречий (его можно взять из авторитетных пособий по

грамматике английского языка); б) иметь перечень грамматических форм глагола в английском языке; в) получить данные о частоте сочетаемости лексических и грамматических "значений" в тексте; г) осуществить статистический анализ полученных данных с помощью такой процедуры, которая позволила бы подтвердить или отбросить выдвинутую гипотезу.

Намеченная программа осуществлялась на материале выборок из поэтических и прозаических произведений английских и американских авторов, а также газет на английском языке, издаваемых за рубежом. Общий объем выборки составляет около полутора миллиона слов. Было получено около 10 тысяч примеров.

Частота совместной встречаемости 6 разрядов (подклассов) наречий с глаголами, употребленными в том или ином времени, отражена в табл. I.

Т а б л и ц а I

Группы времен	Неопределен- ные	Продол- женные	Перфект- ные	Перфект- но-про- долженные	Всего
Наречия					
Времени	1362/1441	94/71	271/216	6/5	1733
Повтор- ности	1326/1463	46/72	383/219	5/5	1760
Места	774/727	31/36	65/109	4/3	874
Образа действия	2998/2825	145/139	248/423	6/10	3397
Степени	286/288	15/14	41/43	4/1	346
Модальные	191/194	11/10	31/29	0/0,7	233
Всего	6937	342	1039	25	8343

В данной таблице представлены по два ряда частот. Первый ряд (например, числа 1362, 1326, 774, 2998, 286, 191) отражает фактически зафиксированные частоты совместной встречаемости наречий с глаголами в трех указанных выше группах текстов (проза, поэзия, газетная публицистика). Эти частоты принято называть наблюдаемыми или эмпирическими. Числа второго ряда (напр., 1441, 1463, 727, 2825, 288, 194) называются теоретически ожидаемыми и расчи-

тываются по специальной методике, изложенной, например, в книге В.В.Левичкого (с. 28-29). Из табл. I хорошо видно, что в одних случаях эмпирические частоты оказались выше теоретических, т.е. фактически в тексте наречия сочетаются с глаголами в том или ином времени чаще, чем это можно было бы ожидать; в других случаях - ниже теоретических. Например, наречия-места чаще теоретически ожидаемого (774 против 727) употребляются с неопределенными временами, а наречия времени - с перфектно-продолженными (6:5). Остается выяснить, в каких случаях те или иные превышения частот носят существенный (статистически значимый) характер. Это можно сделать с помощью статистической процедуры, которая называется хи-квадрат. Опуская детали статистического анализа (с ними можно ознакомиться в указанной книге), заметим лишь, что в выбранной нами процедуре полученные в итоге величины не должны быть меньше 3,84. В противном случае различие между частотами, а следовательно, и связь между исследуемыми явлениями (лексическими и морфологическими значениями) будут несущественными.

Из табл. 2 видно, что с глаголами в группе неопределенных времен проявили связь наречия места ($\chi^2 = 18,8$) и образа действия ($\chi^2 = 106,4$); с глаголами в группе продолженных времен установлена связь наречий времени ($\chi^2 = 9,76$), в группе перфектных времен - наречий времени и повторности. Все наречия, за исключением модальных, проявили статистически значимую связь с употреблением глаголов в той или иной группе времен. Степень связи изучаемых признаков или явлений может быть измерена с помощью специального коэффициента сопряженности K , величина которого рассчитывается на основании величины χ^2 (соответствующие данные представлены в табл. 3).

Т а б л и ц а 2

Наречия	Времени	Повторности	Места	Образа действия	Степени	Модальные
Группы времен						
Неопределенные			18,8	106,4	0,06	
Продолженные	9,76			0,42	0,05	0,23
Перфектные	20,31	177,02				0,16
Перфектно-продолженные	0,16		0,81		8,85	

Наречия	Времени	Повторности	Места	Образа действия	Степени
Группы времен					
Неопределенные			0,047	0,113	
Продолженные	0,034				
Перфектные	0,049	0,146			
Перфектно-продолженные					0,033

Таким образом, мы определили степень взаимосвязи между подклассами наречий с морфологическим значением "время глагола". Однако потребности теории и практики текстологии и других смежных дисциплин требуют ответа на вопросы более общего характера: какой морфологический фактор оказывает наибольшее влияние на сочетаемость наречий с глаголами? В каком функциональном стиле влияние того или иного фактора проявляется в большей степени? Эти вопросы можно сформулировать иначе, в терминах, связанных с понятием "селективность" (избирательность) сочетаемости. Под селективностью сочетаемости (понятие было введено, по-видимому, Б.И.Косовским) будем понимать способность лексической единицы - слова или подкласса слов - избирательно вступать или не вступать в синтагматические связи с другими единицами. Степень или мера селективности сочетаемости может быть измерена, как показано выше, с помощью критерия хи-квадрат и коэффициента сопряженности K . Проведенный анализ показал, что в целом величина K для фактора "время" равна 0,142 (значения коэффициента K лежат в пределах от 0 до ± 1), а, например, для фактора "залог" - лишь 0,06, т.е. фактор "время" более чем в 2 раза сильнее, чем фактор "залог". Что касается различий по функциональным стилям, то и они могут быть изучены с помощью статистических методов (табл. 4).

В табл. 4 знаком "+" отмечены существенные связи между лексическими и грамматическими значениями на основании величин коэффициента K .

Т а б л и ц а 4.

Группы времен		Неопреде- ленные	Продол- женные	Перфект- ные	Перфектно- продолженные
Наречия	стили				
Времени	проза		+	+	
	поэзия				
	пресса				
Повтор- ности	в целом		+	+	
	проза			+	
	поэзия			+	
	пресса			+	+
Места	в целом			+	
	проза	+			
	поэзия	+			
	пресса	+			
Образа дейст- вия	в целом	+			
	проза	+			
	поэзия				
	пресса	+			
Степени	в целом	+			
	проза				+
	поэзия				
	пресса				
	в целом				+

Преимущество предложенной методики состоит в том, что исследователь располагает возможностью получить точные количественные данные о связи лексических и грамматических величин в различных функциональных стилях.

Исследование сочетаемости наречий с другими грамматическими значениями (или, как показано выше, "факторами") показало, что наиболее значительное влияние на сочетаемость наречий с глаголами оказывают факторы "время" и "лицо". Факторы "залог" и "число" оказывают приблизительно одинаковое влияние на сочетаемость наречий с глаголами, о чем свидетельствуют статистические данные. Это говорит о том, что одни факторы являются основными (ведущими), а дру-

гие - сопутствующими. Так, "залог" является сопутствующим для фактора "время", а "число" - для фактора "лицо". Таким образом, прослеживается зависимость одного фактора от другого. Так, "залог" зависит от "времени", "число" - от "лица".

Избирательность наречий проявилась следующим образом: от ведущего для глагола морфологического фактора "время" наибольшую зависимость проявляют наречия "повторности" во всех трех стилях и в целом; наименьшую - наречия "степени" и "модальные". Эту связь можно считать закономерной, так как для действия характерно время, периодичность, повторяемость, цикличность. От фактора "лицо" наиболее зависимыми оказались наречия образа действия, так как для "лица" важен способ, образ выполнения действия.

При сравнении средних величин K можно заметить, что наибольшая селективность наблюдается в поэзии (0,123), в прозе и прессе она примерно одинакова, хотя в прессе несколько выше (0,099), чем в прозе (0,098). Это говорит о специфичности языка поэзии, его большей сложности по сравнению с языком прозы и прессы.

Список литературы: Левицкий В.В. Статистическое изучение лексической семантики. - Киев, 1989. - 155 с.

Поступила в редколлегию 10.12.90.

И.П.ЛИПКО, канд. филол. наук, Э.Н.ЛИПКО, канд. филол. наук

ВАРИАТИВНОСТЬ СТРУКТУРЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ *have* В ПОСЕССИВНОМ ЗНАЧЕНИИ
В АВСТРАЛИЙСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

(в сопоставлении с британским и американским вариантами)

В последние десятилетия заметно возрос интерес к изучению региональной дифференциации английского языка. Результатом этого интереса является ряд исследований (Г.А.Орлов, Г.С.Щур, Л.Д.Почепцова, Т.М.Беляева, И.А.Потапова и др.), посвященных национальным и территориальным вариантам полинационального английского языка, выявлению соотношения между их общими и различительными признаками.

Следует сказать, что не все национальные варианты изучены достаточно обстоятельно. Так, проблемы английского языка в Австралии, Новой Зеландии и других странах гораздо менее изучены в совет-

ском и зарубежном языкознании, чем английский язык в США. И это не случайно, так как "интенсивное исследование английского языка в Австралии началось лишь после второй мировой войны" [4, с. 3].

Для выявления существенных черт английского языка в Австралии (в дальнейшем *АиЕ*) представляется необходимым систематизированное синхронное рассмотрение различных подсистем и элементов *АиЕ* в сопоставлении с британским (*ВЕ*) и американским (*АЕ*) вариантами, так как "вследствие раздельного применения единого языка в своем территориальном и социальном пространстве в нем развиваются в каждом отдельном случае свои характерные черты, охватывающие с разной степенью интенсивности различные уровни и сферы системы языка, в соответствии с которыми язык данной национальной общности дифференцируется от данного языка другой национальной общности" [1, с. 92-93].

Настоящая статья посвящена рассмотрению варьирования структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом *have* в его основном посессивном значении в *АиЕ* в сопоставлении с *ВЕ* и *АЕ*.

Цель статьи - выявить общие и различительные черты *АиЕ* с точки зрения употребления вспомогательного *do* в отрицательных и вопросительных предложениях с *have* в сопоставлении с *ВЕ* и *АЕ*, установить причины сходства и различий, что представляется интересным в плане выяснения характера и направления развития единого полинационального английского языка в современном мире.

Актуальность указанной проблемы определяется, во-первых, сложностью и многомерностью варьирования, важностью его анализа для изучения своеобразия развития национальных вариантов полинациональных языков в современном мире, во-вторых, той особой ролью, которую играет полифункциональный глагол *have* в плане организации языковых структур, и, в-третьих, неизученностью этого вопроса.

Материалом для исследования послужили произведения австралийских авторов XX в. с общим количеством страниц около 5000.

Мы исходили из того, что в целом расхождения между *АиЕ* и *ВЕ* с точки зрения функционирования *do*-структур и структур без *do* с *have* в вопросительных и отрицательных предложениях не носят, по выражению Г.А.Орлова, "категориального характера, подтверждающего единство грамматической системы современного английского языка" [3, с. 156].

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что в *АиЕ*, как и в *ВЕ*, удельный вес структур без *do* в вопросительных и от-

рицательных предложениях больше, чем *do*-структур (данные для ВЕ и АЕ взяты из диссертации И.П.Липко [2]). Так, соотношение *do*-структур и структур без *do* в отрицательных предложениях в ВЕ равно 1:3 (24 % и 76 %); в АиЕ - 1:1,5 (39 % и 61 %), а в вопросительных предложениях в ВЕ - 1:2,6 (28 % и 72 %); в АиЕ - 1:1,5 (40 % и 60 %), т.е. примерно одинаковое.

Что же касается АЕ, то *do*-структуры доминируют над структурами без *do* с соотношением в отрицательных предложениях - 2:1 (66 % и 34 %), а в вопросительных - 1,5:1 (60 % и 40 %).

Следовательно, в целом и в вопросительных и в отрицательных предложениях с *have* наблюдается варьирование *do*-структур и структур без *do*, но если для АЕ нормой являются первые, то для ВЕ и АиЕ - структуры без *do*. Между ВЕ и АиЕ имеется больше общего, чем между АЕ и ВЕ. Можно предположить, что в основе этого явления - особенности социолингвистической обстановки в Австралии, где, в отличие от США, контингент заселялся, в основном, выходцами из Великобритании, тогда как в США британская норма в известной мере расшатывалась под влиянием притока различных этнических групп. Усвоение английского языка носителями других языков способствовало структурной унификации английского языка, в частности расширению сферы использования *do*-структур.

Аналитическая тенденция захватывает как отрицательные, так и вопросительные предложения, примерно с одинаковым удельным весом *do*-структур относительно структур без *do* в каждом варианте.

Так, в ВЕ *do*-структуры в отрицательных предложениях составляют 24 %, в вопросительных - 28 %, в АиЕ *do*-структуры в отрицательных предложениях составляют 39 %, в вопросительных - 40 %; в АЕ *do*-структуры в отрицательных предложениях составляют 66 %, в вопросительных - 60 %.

Процесс аналитических образований обусловлен взаимодействием интра- и экстралингвистических факторов. С одной стороны, действие внутренних процессов (налицо аналитическая тенденция, проявляющаяся в развитии *do*-структур), с другой - воздействие на этот процесс социальных, культурных и других факторов.

Варьирование *do*-структур и структур без *do* в АиЕ - это проявление неустойчивой литературной нормы АиЕ, функционирование в ее пределах синтаксических вариантов (в нашем случае *do*-структур и структур без *do*), т.е. проявление тенденции, по выражению Г.А.Орлова, "...к перемешиванию, нивелировке, выравниванию ... особенностей английского языка в новых условиях" [3, с. 158].

Следовательно, литературная норма *AmE* находится в процессе формирования.

Тот факт, что в *AmE* удельный вес *do*-структур в отрицательных (39 %) и вопросительных (40 %) предложениях больше, чем соответствующих структур в *BE* (в отрицательных - 24 %, в вопросительных - 40 %), свидетельствует, вероятно, об усилении аналитической тенденции на этом участке синтаксиса; в известной мере этому процессу способствовало проникновение в Австралию американских средств массовой информации.

Раздельное рассмотрение различных типов вопросительных предложений обнаруживает иное соотношение *do*-структур и структур без *do* в исследуемых нами национальных вариантах. Так, в общих вопросах: в *BE* - 1:4; в *AmE* - 1:1,5; в *AE* - 1,5:1; в специальных вопросах: в *BE* - 1:1,5; в *AmE* - 1:2; в *AE* - 1:1,5; в вопросительно-отрицательных: в *BE* - 1:1,4; в *AmE* - 1:2,3; в *AE* - 1,5:1; в разделительных вопросах: в *BE* - 1:2,6; в *AmE* - 1:2; в *AE* - 1,3:1.

Из этих данных следует, что структуры без *do* доминируют во всех типах вопросительных предложений в *AmE*, так же, как и в *BE*, но с различными количественными характеристиками. И в этом также проявляется близость *BE* и *AmE*. Что касается *AE*, то структуры без *do* доминируют только в специальных вопросах, в остальных типах вопросов они уступают *do*-структурам, что свидетельствует о том, что инновация не проникает одновременно во все сферы изучаемых языковых структур и является примером отклонения от ведущей аналитической тенденции.

Приводим ряд примеров рассматриваемых структур:

Отрицательные предложения

BE: 1. They didn't have proper buttonholes but horrid little fabric loops. (Drabble, A Summer..., p.27). 2. I hadn't any great passion for acting as baker's boy (Graves, The Shout, p.31).

AmE: 1. Here are a few things, just in case you don't have time to think about shopping (Brand, Plays, p.184). 2. I haven't any time to spare for him now (Cusack, Say..., p.36).

AE: 1. Oh, he doesn't have a gun (O'Hara, The Instrument, p.92). 2. I haven't any papers for you (Hemingway, Farewell..., p.54).

BE: 1. Do you have milk or custard this feed?(M.Dickens, One...,p.173).

2. How much money have you,Lizzie?(Lawrence,Three..., p.190).

3. Had they any news for him? (Snow,New..., p.69).

AmE: 1. Did you have any lunch? (Brand, Plays, p.188). 2. Why do you have those caps hanging up there above the bar?(Brand, Plays, p.39).

AE: 1. Do you have a car here, Cindy? (Hemingway, Airport, p.210).

2.How much money have you?(Hemingway, Farewell..., p.245).

Таким образом, проведенный количественный и качественный анализ вопросительных и отрицательных предложений с *have* в трех национальных вариантах современного английского языка дает основания для следующих выводов: 1) в BE, AmE и AE наблюдается варьирование *do*-структур и структур без *do* в отрицательных и во всех типах вопросительных предложений, но с различным удельным весом; 2) обнаружены общие черты AmE и BE в том, что структуры без *do* доминируют над *do*-структурами в отрицательных и во всех типах вопросительных предложений, в отличие от AE, где первые уступают последним; 3) инновация не проникает одновременно во все типы предложений (примером являются специальные вопросы, где доминируют структуры без *do* во всех исследуемых нами вариантах); 4) варьирование *do*-структур и структур без *do* в AmE и BE с большим удельным весом *do*-структур в BE, в отрицательных (39 % и 24 %) и в целом в вопросительных (40 % и 28 %) предложениях, но меньшим, чем в AE, в отрицательных (39 % и 66 %) и в вопросительных (40 % и 60 %) предложениях свидетельствует о том, что формирование литературной нормы в AmE находится в стадии становления, занимая промежуточное место между BE и AE при сохранении единства идиотических характеристик.

Список литературы. 1. Домашнев А.И. К понятию варианта языка // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. - М., 1982. - Ч. 1. - С. 92-95. 2. Липко И.П. Варьирование структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом-сказуемым *have* в британском и американском вариантах английского языка в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1985. - 24 с. 3. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии. - М., 1978. - 172 с. 4. Печенцова Л.Д. Австралийские диалектизмы: (к вопросу о специфике английского

Поступила в редколлегию 01.10.90.

И.Б.МОРОЗОВА, канд. филол. наук

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СТРУКТУРНО-НЕПРЕДИКАТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТИПА "Yes" и "No" В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Характерное для современной лингвистики обращение к смысловой стороне языковых явлений открывает широкие возможности в изучении категории оценочности и позволяет по-новому рассмотреть ее содержательный аспект в акте речевой коммуникации.

Подтверждение или опровержение говорящим сообщения, заключенного в высказывании, является субъективной оценкой истинности данного высказывания. К.Маркс и Ф.Энгельс замечают по этому поводу, что там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня [1, с. 18]. Иными словами, оценка говорящим истинности высказывания может рассматриваться как выражение его субъективной модальности.

Отметим, что наличие модальности в утвердительных и отрицательных предложениях признается далеко не всеми исследователями. Так, если, например, В.Г.Адмони считает, что указанные предложения модальны [2, с. 164], то Е.А.Крашениникова категорически заявляет, что "... отрицание и утверждение нельзя рассматривать как модальные значения" [3, с. 88].

Наблюдения Е.А.Крашениниковой касаются лишь предложений-сообщений и ни в коем случае не распространяются на высказывания, коммуникативный смысл которых сводится лишь к утверждению или отрицанию. Такие минимальные изолированные речевые отрезки в лингвистике обычно называют "словами-предложениями". В специальной литературе, однако, особое место среди других видов высказываний отводится только оппозициям "Yes" и "No", которые иногда даже выделяют в особую часть речи [6, с. 390].

Изучение фактического материала позволило нам причислить к указанным единицам их модификации "Yeah", "Nix", "Nay", а также их семантические аналоги "Of course", "O'K" и др. Данные речевые построения объединены нами в одну группу не только

на основе схожести их семантического наполнения, но также и потому, что по своему синтаксическому оформлению они не допускают восполнения до полной структуры предикации, или подлежаще-сказуемого ядра. При сравнении синонимичных подтверждений "True" и "Yes" очевидно, что первое легко и однозначно восстанавливается в "It's true" и является по сути предикатным эллиптическим предложением. Второе же с определенностью такого восполнения не допускает и, следовательно, может рассматриваться только как структурно-непредикатное. Напр. 1) Surely you don't believe in dreams? - It's true. (D. Hammet.) 2) You'll do it for me? - Yes. (J. Lark).

Естественной сферой функционирования истинно-оценочных высказываний (в том числе и непредикатных) является диалогическое общение, в котором исследуемые высказывания употребляются в качестве реплик реакций.

Известно, что текст художественного диалога представляет собой превращенную форму речевого общения, максимально приближаясь к живой разговорной речи. И, следовательно, наблюдения, сделанные на материале художественного диалога, можно в достаточной степени отнести к спонтанному диалогу. Обычно в ходе передачи и приема информации имеют место так называемые дисперсионные потери, вызванные перекодированием мыслей в слова и предложения.

Говорящему необходимо время от времени убеждаться в правильности восприятия его собеседником. Одной из форм контроля восприятия является постановка так называемых "закрытых вопросов" (термин П. Мициха [5, с. 6]), т.е. таких, на которые ожидается ответ "Yes" или "No".

Анализ функционирования всех видов истинно-оценочных высказываний в художественном англоязычном диалоге (6000 речевых образцов) позволил заключить, что основной формой как отрицания, так и утверждения является структурно-непредикатная реплика (а). Эллиптические предикатные высказывания употребляются примерно в 1,5 раза реже (б). Что же касается неэллиптических (полных) предложений, то они засвидетельствованы лишь в каждом девятом случае субъективной оценки (в). Ср. напр.: а) - *Going home, Mac?*

- *Yeah. (L'Amour)* - структурно-непредикатная реплика; б) - *Could I give you a lift, Miss?*

- *You could. Why not? (Carter Brown)* - эллиптическая структурно-предикатная реплика; в) - *He is your nephew, eh?*

-I believe so (G. Heyer) - неэллиптическое (полное) предложение.

Отметим также, что непредикатные утвердительные реплики употребляются в среднем в 2,5 раза чаще предикатных высказываний той же коммуникативной семантики (а). Отрицательные же высказывания непредикатной структуры засвидетельствованы в 13 раз чаще соответствующих предикатных форм (б). Напр.: а) 1. *-Want a cup of coffee? -Yes. (J. Lark)* - структурно-непредикатная реплика. 2. *-Maybe you pick the wrong kind? -I agree with you (D. Hammet)* - структурно-предикатная реплика; б) 1. *-But you will come back, Mac? -No. (L'Amour)* - структурно-непредикатная реплика. 2. *-You'll be sorry for that, Mac. -Never (L'Amour) -I'll be never sorry* - структурно-предикатная реплика.

В процессе исследования удалось также установить следующую закономерность: в англоязычном художественном диалоге утвердительные реплики превалируют над отрицательными в среднем при соотношении 4,8:1. Объяснение этого явления мы усматриваем в психологической природе самой речевой коммуникации, которую вместе с А.Н. Леонтьевым понимаем как "одну из сторон социального взаимодействия людей в процессе их деятельности" [4, с. 28].

Основой этой деятельности в психологии принято считать наличие контакта между коммуникантами. Поэтому вполне естественно, что для поддержания этого контакта коммуниканты интуитивно строят свое общение соответствующим образом.

Венгерский исследователь П. Мицич отмечает, что с помощью закрытых вопросов собеседники добиваются благоприятной атмосферы для беседы и в подавляющем большинстве случаев задают вопросы, согласные с мнением партнера по общению. "Так мы облегчим себе задачу получения согласия в деловой беседе и завоём доверие собеседника", - заключает П. Мицич [5, с. 64-65].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. - 2-е изд. - Т. 3. - С. 18. 2. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. - М., 1955. - С. 164. 3. Крашенинников Е.А. Ирреальная модальность в немецком языке // ВЯ. - 1960. - № 3. - С. 86-90. 4. Леонтьев А.Н. Психолингвистические проблемы. - М., 1974. - С. 28. 5. Мицич П. Как проводить деловые беседы. - М., 1987. - С. 6, 64-65. 6. М.А. Ganshina, N.M. Vasilievskaya. English Grammar. - М., 1964. - С. 390.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ЛЖИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ложь, наряду с истиной (правдой), принадлежит к числу основных мировоззренческих концептов. Опираясь на положение о том, что "язык есть знак, обозначение явления и акт познания человеком окружающего мира" [3, с. 82], рассмотрим, какие его аспекты раскрывает современный английский язык, позволяющий проникнуть в сознание индивида, уяснить восприятие им данного понятия. К данной цели можно идти разными путями - через изучение наиболее употребительных контекстов лексических единиц, выражающих данное понятие, через систематизацию направлений, по которым идет преобразование семантики этих единиц, в том числе и метафорические сдвиги, через детализацию их лексикографического представления с учетом этимологии и т.д.

В предлагаемом, небольшом фрагменте концептуального анализа лексем с корнем *LIE*- преследуется цель выявления тех общих концептов, которые подведены под этот знак и предопределяют его бытие как известной когнитивной структуры [2, с. 86] путем наблюдений над их функционированием в современном английском языке.

К числу наиболее типичных синтаксических контекстов лексем с корнем *LIE*- относятся те, в которых они включены в состав предиката и отражают процесс проникновения в суть конкретного явления его познания [1, с. 332]. Высказывания типа *You're lying; It's a lie* являются реакцией на высказывание или ряд высказываний, содержание которых представляет положение вещей в намеренно искаженном свете (ср. определение С.И.Ожегова: "Ложь - намеренное искажение истины"). Особенностью функционирования таких высказываний в тексте является их входжение в структуру регрессивной анафоры. Синтаксические отношения между завершающим высказыванием такого рода и обобщаемыми высказываниями не однообразны. Они могут как входить в состав одного предложения /1/, так и являться самостоятельными предложениями /2/:

/1/ Paul, what Frank said to you this morning was one long lie.

(E.Ambler)

/2/ 'He is telling me again that I have been Number One all the time. The Number One Anarchist!'

'Why should it disturb you?'

'It's a lie.' (Ibid.)

В вышеприведенных примерах лжец и обличитель лжи - разные лица. В случае самообличения структуры, содержащие ложь и ее изобличение, как правило, принадлежат к разным повествовательным типам - в примере /3/ это прямая и авторская речь соответственно. Они адресованы разным реципиентам:

/3/ 'I'm dying to hear all the news'. Which was a lie, but that's the local dialect. (D.Steel)

При самообличении, предназначенном тому же реципиенту, что и ложное высказывание, имеет место так называемый "парадокс лжеца":

/4/ 'Aren't you being overly curious? I already told you - I'm an engineer, here to study ways to prevent the place from sliding into the sea.'
'This is solid rock, Jeff.'
'Then I'm lying,' he said caustically. (Ibid.)

Семантический объем анафоры также варьирует от простого предложения (слова-предложения в случае тотальной лжи /5/) до пространного текста.

/5/ 'I can't foresee anything that can stop it, can you, Halt?'
... 'No, sir.'

The first lie I have ever told the Chief. (J.Archer)

Высказывание, содержащее лексему с корнем **LIE**-, - супрасентенциональный сегмент речевого действия, которое может состоять как из одного речевого акта (см., например, /5/), так и их последовательности. Достаточно одного речевого акта, в котором искажено действительное положение вещей, чтобы охарактеризовать всю совокупность как ложь:

/6/ 'WHAT kind of account do you charmers say you put in it?'
'A deposit account.'

He made his spitting noise again. 'Now I KNOW you're lying.

If you had opened anything at all in my behalf, it would have been a discretionary investment account.' (E.Ambler)

Появление лексемы с корнем *LIE*- в высказывании имплицитно предшествующего речевого акта (актов), а именно, констатив, среди многообразных акторечевых проявлений которого особо выделяются акты утверждения, а также похвалы, хвастовства, угрозы и обвинения. Однако искажение действительного положения вещей возможно и в речевом акте квеситивного типа, в котором такое искажение носит пресуппозиционный характер:

/7/ 'At what moment of time did you decide to murder the deceased?'

Yarr sat up in his chair. 'Never' he said. 'In the first place,

I didn't murder him and in the second your assumption that I did shows a degree of bias... (T.Sharp)

/8/ "Может, вам дать и ключ от квартиры, где деньги лежат?" Молодой человек солгал. У него не было ни квартиры, ни ключа, ни, тем более, денег. (И.Ильф и Е.Петров).

Для высказываний с предикатом с корнем *LIE*- в целом нехарактерно вхождение в структуру прогрессивной анафоры, так как трудно не согласиться с тем, что невозможно прогнозировать с достаточной степенью вероятности последующее появление лжи. В случае необходимости предсказания лжи предикат, как правило, имеет разного рода модальные оттенки и значения:

/9/ They (the Jewish leaders) planned to lie so that they could

arrest Jesus and kill him. (Matthew 25:3)

/10/ Today you will have to lie with much more skill if you expect to be taken seriously, much less believed.

(E.Ambler)

/11/ They tried to find people to lie and say that Jesus had done wrong. (Matthew 25:59).

Для предикатов с корнем *LIE*- особо характерно наличие семы отрицательной деонтической модальности типа:

/12/ You must not murder anyone, you must not do the sin of adultery, you must not steal anything, you must not tell lies about other people... (Matthew 19:19)

/13/ ...you must not lie, you must not cheat... (Mark 10:19)

В том случае, когда предикат с корнем *LIE*- выражает обычное для субъекта действие, он утрачивает акциональный характер и сближается с качественно-характеризующими предикатами:

/14/ It didn't occur to him that men like K and T ...lie to the consultants they employ as readily as they lie to revenue authorities they hope to cheat. (E.Ambler)

Для лексем с корнем *LIE*- характерно сочетание с атрибутами, несущими сему отрицательной оценки. Особо показательны в этом плане существительные: а. *LIE* -- bald-faced, bare-faced, blatant, brazen, deliberate, downright, monstrous, outright, transparent, whopping, eighteen-carat, etc; б. *LIAR*-- dirty, stinking, rotten, filthy, etc.

Эти сочетания, образованные в результате процессов вторичной номинации (Телия, 1977), представляют ложь как морально порицаемое, негативно оцениваемое явление, что в целом характерно для европейской культурной традиции. В этой связи интересны результаты эксперимента по определению критериев ложности высказывания, проведенного Линдой Колмэн и Полом Кэем, которые обнаружили, что испытуемые нередко руководствовались признаками не только намеренности и осведомленности говорящего при искажении им действительного положения вещей, но и серьезности последствий и моральных аспектов такого искажения (Coleman, Kay, 1981).

Обстоятельства при глагольных предикатах с корнем *LIE*- преимущественно вносят дополнительные смысловые оттенки:

/15/ ...Whenever India tried to telephone her the only person she could reach was Angelica who had developed an interesting talent of lying convincingly. "Ma's working and absolutely can't be disturbed", she'd said each time, and if India didn't have a profound knowledge of her friend's character she would have believed that child. (J.Krantz)

Атрибуты, относящиеся к существительному *LIAR*, также нередко вносят смысловые оттенки:

/16/ He is not even a good liar. (E.Ambler)

/17/ Our delinquent is an inveterate as well as a resourceful Liar.

(Ibid.)

Однако лишь атрибут *white*, который образует с существительным *lie* устойчивое сочетание терминологического плана, может быть охарактеризован как несущий сему положительной оценки:

/18/ In spite of my occasional white lies on the subject, Carlo had always known that the island had bored me. (Ibid.)

В связи с оценочностью представляет интерес употребление лексем с корнем *LIE*- в устойчивых словосочетаниях, где сема отрицательной оценки актуализирована в самом существительном: *to live a lie* - продолжать поступать нечестно; *to tell a pack of lies* - наврать с три короба; *to swap lies* - амер.разг. трепать языком, сплетничать и т.д.

В целом высказывания, содержащие *LIE*- в составе предиката, отражают ментальный акт. Вынесение суждения здесь основывается на догадке, внутреннем видении. Даже в субъектной и объектной позиции соответствующая лексема появляется в сочетании с "подкрепляющим" контекстом. Например:

/19/ This blatant lie shocked everybody.

/20/ He flapped the lie into their teeth.

Она выступает как "свернутый", вторичный предикат и в случае обобщения:

/21/ Gossiping and lying go hand in hand.

/22/ A liar is not believed even when he speaks the truth.

Однако значение обобщенности может отходить на задний план. При этом оживляются семы, относящиеся к периферии информационного потенциала соответствующего слова:

- материальность: *a pack (tissue, web) of lies*;

- исчисляемость: *one lie needs seven lies to wait upon it; one lie makes many*;

- одушевленность: *lies have short legs*.

Формальным показателем изменений такого рода может служить способность соответствующего существительного употребляться с неопределенным артиклем или во множественном числе. Семы одушевленности /а/ к предметности /б/ могут быть актуализированы и в метафорических атрибутах соответствующего существительного:

/a/ a bold-faced (bare-faced, blatant) lie, etc.;

/b/ a transparent (white, eighteen-carat) lie, etc.,

а также в существительном в объективной позиции: to give the lie, to use some lie, etc. Варьирование такого рода может быть объяснено тем, что в сознании англоязычного социума ложь представлена как продукт деятельности одушевленного мыслящего субъекта.

В заключение отметим, что наблюдения над функционированием лексем с корнем **LIE** в современном английском языке позволяют заключить, что к когнитивным основаниям первого порядка, фиксируемым словарями в описании понятия "ложь" - "искажение", "сознательность", "намеренность", - можно добавить такие как "продукт (умственной деятельности)", "обобщение", "ретроспективность", "отрицательная оценка".

Список литературы: 1. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация: Виды наименований. - М., 1977. 2. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова ПАМЯТЬ // Лексический анализ языка: Культурные концепты. - М., 1991. - С. 85-91. 3. Потебня А.А. Мысль и язык // Полн. собр. соч. - Одесса, 1922. - Т. I. - С. 81-167. 4. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. - М., 1977.

Поступила в редколлегию 10.12.90.

Л.С.ПИХТОВНИКОВА

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ И РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ СТИХОТВОРНОЙ БАСНИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ БАСЕН XVIII В.)

Басня относится к мало изученным жанрам литературы. В немецкой филологии менее всего исследованы структурные и стилистические особенности басни. Отсутствие интереса к исследованию стиля этого жанра объясняется тем обстоятельством, что басня долгое время считалась составной частью риторики и дидактики [5, с. 9]. Изучение структуры и стиля некоторые авторы рассматривают как новое направление в исследовании басни [6, с. 12], структура и язык которой нуждаются в дальнейшем основательном анализе.

В отечественной германистике единственным фундаментальным исследованием басни в лингвостилистическом аспекте является диссертация Н.М. Анненковой [2]. Но эта работа касается прозаической басни, к тому же проблема композиции басни затронута в ней лишь фрагментарно.

В последние десятилетия усилился интерес к композиции как к лингвостилистическому явлению. Композиция рассматривается как непосредственный реализатор стиля, как один из основных дифференциальных элементов стиля [1, с. 37]. Композиция литературного произведения — это первый уровень, на котором реализуются стилиевые черты определенного жанра. Поэтому исследование композиционной структуры (КС) басни, в частности стихотворной басни, является одной из центральных проблем изучения данного жанра.

Объект нашего исследования — формально-содержательный аспект композиции стихотворной басни, а именно выявление соотношений авторской речи и речи персонажей в КС басни во взаимосвязи с изменчивостью стилиевых черт. С этой целью исследовано около 200 стихотворных басен наиболее известных немецких баснописцев XVIII в.: Геллерта, Хагедорна, Лихтвера, Глейма, Пфейфеля, Лессинга. При изучении композиционной структуры стихотворной басни мы исходим из классического подхода к текстовому строению, т.е. из традиционного деления текста на авторскую речь и речь персонажей. Обычно авторской речью называют части литературного произведения, в которых автор описывает события от себя, а не через речь персонажей. Речь автора противопоставляется речи персонажей, функции и формы которой многообразны. Соотношение этих двух контекстовых приемов рассматривается как оппозиция. В современной прозе происходит нейтрализация этой оппозиции — динамический переход одного плана в другой [3, с. 240]. В басне же как сравнительно небольшом по объему и простом по строению тексте план рассказчика и план персонажей четко разграничены.

Речь автора и речь персонажей — самые крупные архитектурно-речевые единицы. Они вбирают в себя все остальные речевые формы и являются связующим звеном между содержательным и формальным аспектом композиции. В целом авторская речь и речь персонажей составляют языковой уровень, на котором реализуются как содержательные, так и формальные компоненты композиции. Это тот языковой материал, в котором непосредственно материализуются композиционно-стилистические особенности стихотворной басни.

Соотношение авторской речи и речи персонажей в стихотворной басне характеризуется большим динамизмом. Изменения происходят в очень широком диапазоне. Авторская речь может быть сведена до минимума; составлять приблизительно равное соотношение с речью персонажей; значительно преобладать над речью персонажей; наконец, басни могут быть переданы исключительно авторской речью. Несмотря на многочисленные вариации в пределах такого большого диапазона, можно установить устойчивые типы соотношений "авторская речь - речь персонажей", что служит основой для нашей классификации басен по композиционной структуре.

Соотношение "авторская речь - речь персонажей" обуславливает основные стилистические особенности стихотворной басни: эпичность, диалогичность, драматичность, динамичность. Если преобладает прямая речь персонажей, то усиливается диалогичность, а вместе с ней драматичность и динамичность. С увеличением доли авторской речи усиливается эпичность, повествовательность, что не исключает таких характеристик как драматичность и динамичность, однако условий для их реализации становится меньше. Если басня передана лишь авторской речью, то степень драматичности и динамичности всецело зависит от характера авторской речи, от динамизма авторского повествования. Различные соотношения авторской речи и речи персонажей, а также характер изложения авторской речи и прямой речи, т.е. наполнение их другими речевыми формами, создают и разные сочетания стилистических характеристик соответствующих типов КС. Таким образом, оппозиция "авторская речь - речь персонажей" в стихотворной басне сохраняется. Она в свою очередь создает предпосылки для оппозиций стилистических черт: эпичность - драматичность; монологичность - диалогичность; статичность - динамичность.

Речь персонажей в исследуемых немецких баснях представлена в следующих разновидностях прямой речи: 1) прежде всего в непосредственном диалоге - диалогическая прямая речь; 2) в виде отдельных высказываний, не связанных в диалог, - недиалогическая прямая речь; 3) в виде произнесенной речи - внутренняя речь, иногда - внутренний монолог. Изредка речь персонажей в стихотворных баснях передается косвенной речью. Внутренняя речь и косвенная речь не являются здесь типичным явлением. Примеры их использования немногочисленны (соответственно 5 и 12 басен из 200).

Наиболее важными и определяющими тип композиционной структуры являются две первые разновидности. Они представляют собой

своеобразную оппозицию: диалогическая прямая речь — недиалогическая прямая речь. Диалогическая прямая речь, в свою очередь, представлена двумя основными разновидностями в виде: 1) кратких или относительно кратких реплик; 2) монологических высказываний и пространных монологов. Сочетание этих разновидностей прямой речи в пределах диалога создает соответствующие типы композиционных структур, а в целом обуславливает оппозицию стилевых черт: монологичность — диалогичность.

Недиалогическая прямая речь персонажей наряду с диалогической также играет важную роль во многих типах КС. Зачастую она создает предпосылки для возникновения так называемого косвенного диалогизма (термин А.Н.Васильевой [4, с. 81]). Это явление настолько распространено в исследуемых стихотворных баснях, что мы вправе говорить о существовании еще одной оппозиции стилевых черт: собственно диалогичность — косвенная диалогичность.

Авторская речь в стихотворных баснях выполняет ряд функций описательно-изобразительного характера: описание ситуации и хода действия; описание состояния природы; характеристика персонажей; описание внутренних переживаний персонажей; оформление речи персонажей; формулирование вывода, морали басни. В зависимости от того, как автор излагает события: конкретно или обобщенно, с быстрой сменой акций/реакций или с констатацией фактов, — композиционная структура басни характеризуется соответствующим соотношением двух полярных стилевых черт: динамичности — статичности.

Описывая и изображая, автор, в основном, находится на втором плане, где-то "за кулисами". На переднем плане — действия персонажей и сцена действия. Но "авторская мысль может отделяться от ближайшего предмета изображения, расширять свои пределы и обращаться к читателю непосредственно, не "прячась" за изображение, хотя и будучи связанной с ним. Это — авторская прямая речь" [4, с. 98].

Авторская прямая речь в исследуемых стихотворных баснях играет чрезвычайно важную роль. Она является основой для косвенного диалогизма между автором и читателем. Прагматическая установка автора — убеждать, воспитывать, внушать определенную нравственную ценность, совершенствовать внутренний мир человека — находит в авторской прямой речи свое самое непосредственное выражение. Основные стилистические разновидности авторской прямой речи (аналитическая и эмоциональная), выделенные А.Н.Васильевой [4, с. 99], присущи также и жанру стихотворной басни. Аналитическая разновидность вклю-

чает в себя пространные рассуждения автора по теме басни, в которых преобладает логическая экспрессивность. Она встречается реже, чем эмоциональная. Последняя выражается в эмоционально окрашенных призывах и обращениях, отступлениях, риторических вопросах, восклицательных интонациях. Использование приема авторской прямой речи наблюдается у всех авторов исследуемого периода. По частотности использования авторской прямой речи перечень наиболее известных баснописцев можно расположить в такой последовательности: 1. Геллерт. 2. Хагедорн. 3. Лихтвер. 4. Пфейфель. 5. Глейм. 6. Лессинг. Чаще всего прямая речь автора располагается перед басней или в конце ее, но нередко — и в середине. Таким образом, авторская прямая речь является неотъемлемой частью композиционной структуры стихотворной басни, апеллирующей к разуму и чувствам читателя и рассчитанной на диалог с ним.

Итак, соотношение авторской речи и прямой речи персонажей, а также их разновидностей явилось исходным критерием при классификации басен по КС. Полученные нами соответствующие типы КС стихотворных басен отличаются разным набором стиливых черт, находящихся, в основном, в оппозитивном отношении друг к другу.

Список литературы: 1. Аврасин В.М. Несколько замечаний о сущности и трактовке композиции // Вопросы немецкой филологии. — Челябинск, 1973. — Вып. 3. — С. 35-43. 2. Анненкова Н.М. Лингвостилистическая характеристика прозаической басни (на материале басен Лессинга и немецких писателей XX в.): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977. — 189 с. 3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. — Л., 1973. — 303 с. 4. Васильева А.Н. Художественная речь. — М., 1983. — 256 с. 5. Hasubek, P. *Einleitung // Die Fabel: Theorie, Geschichte u. Rezeption e. Gattung*. Berlin, 1982. — S. 7-12. 6. Linder, H. *Fabeln der Neuzeit: Kritische Information*. München, 1978. — 422 s.

Поступила в редколлегию 10.11.90.

В.А. ПОДМИНОГИН, канд. филол. наук

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА

Морфологическое варьирование, понимаемое как следствие объе-

динения в одном парадигматическом ряду грамматических форм, разновременных по своему происхождению или различных по своей грамматической структуре, а также как результат включения диалектных форм в нормальное литературное употребление, является наименее исследованной областью общей теории вариативности [4, с. 18].

Актуальность данной проблемы применительно к современному состоянию немецкого языка объясняется также тем, что здесь прослеживается тенденция к совмещению черт различных языковых типов с преобладающей тенденцией к аналитизму наряду с сохранением существенного количества "старых" форм (ср. соотношение кондиционалиса и флективного ирреалиса, возможность спряжения части глаголов по сильному и слабому типу и др.).

При этом было бы неправомерным считать, что в теоретическом и практическом плане главным является изучение новых форм, а в отношении старых можно ограничиться констатацией того, что они "разрушаются". "Процесс разрушения старых форм представляет собой не меньший интерес в плане изучения закономерностей развития языка. Оставаясь элементами системы, старые формы меняют свой системный статус, не просто и не всегда отмирают, а перерождаются, иногда регенерируют и при этом "ведут себя" далеко не одинаково в языках, обнаруживающих расхождения в общих типологических тенденциях их развития. И, напротив, сохраняясь в некоторых языках в течение более длительного времени, старые формы придают этим языкам целый ряд специфических черт" [3, с. 43-44].

Здесь мы подходим к проблеме изучения границ вариативности, ее места в системе научного описания языка. До сих пор не исчезло стремление закрепить изучение вариативности за каким-то определенным разделом языкознания: стилистикой (функционирование сосуществующих вариантов), историей языка (смена вариантов), социалингвистикой (социальная стратификация вариантов).

Пока альтернативной остается и сама оценка существования вариантов в языке: "хорошо" это или "плохо"? Не изжита еще и тенденция в языковой политике к "искоренению" вариативности, устранению колебаний, неправильно понятой стандартизации, т.е. абсолютной инвариантности норм. При этом не учитывается, что образец правильности исторически изменчив, что в функционирующем языке мы сталкиваемся с двумя противоположными универсалиями: с варьированием языковых средств со стороны носителей языка и общей

тенденцией к системности в целях обеспечения коммуникации. "Ошибок и ошибочных тенденций развития в языке нет ... Все новое, что пробивает себе дорогу, всегда соответствует общественной потребности" [5, с. 23].

Дальнейшая разработка теории языковой вариативности как общего онтологического свойства языковой системы нуждается в обогащении за счет материала языков различных типов. Типологическая принадлежность данного конкретного языка неизбежно проявляется во всех звеньях его системы.

Выбор в качестве предмета исследования морфологического варьирования глагольных форм современного немецкого языка обусловлен недостаточной изученностью и недостаточным теоретическим обоснованием современных фактов такого варьирования как в нормативном, так и в коммуникативном аспекте, потому что как бы ни были различны непосредственные принципы вариативности, ее различные проявления переплетаются вследствие целостности языковой структуры и того, что корни всех языковых явлений в конечном счете лежат в истории и социальной структуре языка [2, с. 20]. Тем более заслуживает внимания объяснение наличия значительного количества вариантов глагольных форм в немецком языке, имеющего место несмотря на относительно медленную изменяемость морфологического строя, наличие внутриязыковых противоборствующих сил и несовпадение общественных оценок, функциональную загруженность и коммуникативную оправданность многих вариантов, т.е. факторы, обуславливающие длительность сохранения морфологического варьирования.

Оправданным представляется изучение морфологических вариантов глагольных форм с позиций функционального подхода к анализу языковых явлений, согласно которому взаимодействие единиц различных уровней языковой системы, приводящее в процессе функционирования языка к определенным сдвигам в его структуре, "не только не отрицает автономности уровней, но и само по себе возможно лишь благодаря такой автономности, столь же относительной, сколь относительны границы всех языковых явлений" [1, с. 43].

Осуществление комплексного подхода к изучению морфологического варьирования глагольных форм требует решения следующих общетеоретических задач, определяющих методику исследования:

решение вопроса о том, определяется ли морфологическое варьирование свойствами одного уровня языка или здесь имеет место взаимодействие и взаимодополнение уровней, что сказывается на изменении их функций за счет и в дополнение друг к другу;

сравнение понятия "варьирование" в фонологии и морфологии, большая сложность данного явления на морфологическом уровне, обусловленная двухсторонностью его единиц;

выяснение сущности и причин возникновения в морфологии а) обязательного варьирования, при котором употребление того или иного варианта не зависит от выбора говорящего, а навязывается ему закономерностями функционирования системы, б) факультативного варьирования, при котором выбор того или иного варианта не является строго детерминированным, появление его в речи говорящего случайно, т.е. определяется суммой разнообразных факторов (напр., языковыми привычками, языковой ситуацией речи, языковыми воздействиями и т.д.), ролью и влиянием контекста в этом процессе;

разграничение критериев установления отношений оппозитивности и вариативности, рассмотрение возможности преобразования в ходе развития языка отношений вариативности в отношения оппозитивности и наоборот, используя при этом понятия "тождественность/нетождественность", "эквивалентность/антиэквивалентность";

описание морфологического варьирования глагольных форм современного немецкого языка с привлечением понятия нормы как уровня репрезентации системных единиц. Рассмотрение таких свойств нормы как множественность, демократичность, стабильность, динамичность, соотношений "норма и литературный (национальный) язык", "нормативный/ненормативный", "продуктивный/непродуктивный" вариант;

попытка прогнозирования тенденций развития вариантов в морфологии с учетом их продуктивности и в связи с практическими задачами в области языковой культуры и культуры речи.

Конкретными задачами исследования являются:

выявление корпуса всех ныне существующих вариантов в глагольной системе современного немецкого языка;

определение статуса вариантов в отношении синхронии/диахронии, статики/динамики;

выяснение влияния синтаксической обусловленности вариантов на процессы морфологического варьирования;

анализ частотности употребления различных морфологических вариантов с учетом стилистических и нормообразующих факторов при широком привлечении данных психо- и социолингвистики.

Таким образом, комплексная разработка проблемы морфологического варьирования глагольных форм на материале современного немецкого языка позволяет по-новому взглянуть на происходящие

ним процессы, связанные с изменением грамматического строя, типа, определением тенденций дальнейшего развития. Изучение процессов морфологического варьирования имеет также теоретическое и практическое значение, поскольку оно является необходимым звеном в изучении вариативности как онтологического свойства языковой системы.

Список литературы: 1. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. - М., 1987. - 128 с. 2. Зиндер Л.Р., Строева Т.В. О вариативности морфем // Сб. науч. трудов. МГПИИЯ. - 1975. - № 91. - С. 20-25. 3. Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. I. Из истории атрибутивных отношений. - М.; Л., 1949. 4. Ярцева В.Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка // Вопр. языкознания. - 1983. - № 5. - С. 17-24. 5. Sprachstörungen. Beiträge zur Sprachkritik. München, 1986, - 131 S.

Поступила в редколлегию 05.10.90.

Ж.Е.ПОТАПОВА, канд. филол. наук (Харьков), В.М.ТУРЧИН, канд. филол. наук (Ивано-Франковск)

ЧАСТИЧНЫЕ СИНОНИМЫ В ТЕРМИНОСИСТЕМАХ БИОЛОГИИ И МЕДИЦИНЫ*

Одно и то же понятие биологии и медицины может обозначаться терминами-синонимами (ТС), которые частично совпадают семантическими дифференциальными признаками. К ним относятся полисемичные термины, представляющие собой совокупность различных означаемых (дифференциальных) признаков, присущих одному означающему и составляющих основу многозначного термина. Эксплицитное и имплицитное присутствие различных дифференциальных признаков в одном означающем отмечалось многими лингвистами, исследовавшими синонимические отношения между полисемичными словами. П.С.Александров [1, с. 38-42], В.Н.Андреева [2, с. 164], А.А.Реформатский [9, с. 93], Л.Н.Саркисова [10, с. 43-58], М.Д.Степанова, И.И.Чернышева [11, с. 186] и многие другие лингвисты пришли к выводу, что полисемичные слова в синонимической парадигме совпадают не во всех значениях в целом, не во всем семантическом объеме, а только в отдельных значениях. При этом некоторые языковеды уделяют внимание в основном лишь

*В статье исследуются частичные синонимы, образованные вследствие эллиптического, деривативного и фомоморфологического варьирования.

содержательной структуре полисемичного слова и не рассматривают план выражения языковой единицы. Так, С.Г.Бережан, употребляя термин лексико-семантический вариант (ЛСВ) [4, с. 246], впоследствии отказывается от первой части данного термина [5, с. 46], мотивируя это тем, что термин лексический вариант связан с планом выражения. Но, как справедливо пишет Г.Г.Ивлева, "лексические системы нельзя рассматривать как совокупность "чистых означаемых", где теряется специфика слова как реальной самостоятельной единицы языка, представляющей единство звучания и значения" [8, с. 37-38]. В этой связи следует напомнить слова Э.Бенвениста, что план содержания и план выражения определяются друг через друга, поскольку в языке они членятся совместно [3, с. 443]. Следовательно, термин ЛСВ нужно рассматривать неодносторонне не только в плане содержания, но и в плане выражения.

Если рассматривать частичные синонимы в терминах семантических оппозиций, то для них характерны два их вида, а именно: нулевые, маркирующиеся показателями одного и того же признака, и дизъюнктивные, не образующие коррелятивных терминопар. Основой для дизъюнктивных оппозиций служат нулевые (т.е. совпадение ТС в одном ЛСВ), при которых другие значения полисемичных терминов в одной парадигме противопоставляются совпадающим синонимам в одном ЛСВ или между собой при условии, что ТС располагает несколькими ЛСВ. Графически данный вид оппозиций можно изобразить с помощью нескольких несовпадающих колец и двух, которые полностью совпадают.

Образование частичных синонимов вследствие эллипсиса исходного термина. Эллипсис одного из компонентов композита или словосочетания не только ведет к образованию структурных вариантов, но и может способствовать возникновению частичных синонимов в парадигмах биологической (БЛ) и медицинской (МД) терминосистем. Понятийное изменение эллиптического термина проявляется в частичном совпадении дифференциальных признаков с исходным. Следовательно, частичное совпадение дифференциальных признаков находится в прямой зависимости от материального изменения языковой единицы. Правильно, таким образом, принятый нами тезис, что при изучении синонимов полисемичных терминов нужно учитывать не только план содержания, но и план выражения как две части целого, не отрывая их друг от друга. Так, исходный термин включает специфический и основной дифференциальные признаки. Специфический признак способствует уточнению специального значения, отграничивает его от полисемии. В эллиптическом тер-

мине специфический признак отсутствует, что и является часто причиной его семантического сдвига, который, по мнению С.И.Гладковой, ведет не только к полисемии, но и к омонимии [6, с. 16]. Таким образом, основной дифференциальный признак, представляющий семантику эллиптического термина и совпадающий с исходным в одном ЛСВ, может соответствовать и другим ЛСВ, выражающим другие понятия. Поэтому тенденциозна позиция В.П.Даниленко, который сомневается в приписании к синонимам "подобных вариантов", так как в кратком варианте используется тот же языковой материал, но в количественно сокращенном виде [7, с. 12], и не принимает во внимание наличие других ЛСВ эллиптического термина, не отличающих этот термин от других видов частичных синонимов в парадигме.

Как показал языковой материал, существует три основных типа частичных эллиптических синонимов. К первому типу относятся частичные эллиптические синонимы с усечением определяющего компонента как в композитах, так и в словосочетаниях. Напр.: *gemeines Bilsenkrout*, *Ackerbilsenkrout*, *schwarzes Bilsenkrout*, *Bilsenkrout* - белена черная, *Hyoscyamus niger* L. → *Bilsenkrout* - белена, *Hyoscyamus* L., *Chromosomenbruch*, *Bruch* - разрыв хромосомы → *Bruch* → 2. перелом, 3. грыжа; *Brunnenkresse*, *echte Brunnenkresse* - жеруха аптечная, *Nasturtium officinalis* L./R. Br. → *Brunnenkresse*, *gemeine Brunnenkresse* - 2. жеруха, *Nasturtium* R. Br.

Второй тип охватывает частичные синонимы с эллипсисом части атрибутивного конституента в композитах (синкопирование центрального элемента трехчленного соединения). Напр.: *Moorschneehuhn*, *Moorhuhn* - белая куропатка, *Gallinula chloropus* L., → *Moorhuhn* - тетерев, *Lyrurus tetrrix* L., 3. тундровая куропатка, *Lagopus mutus* Mont. *Sauvostokkraut*, *Saukraut* - любисток аптечный, *Leristicum officinale* Koch. → *Saukraut* - горчица шишковатая, *Scrophularia nodosa* L. - паслен черный, *Solanum nigrum* L.; *Schotenhornklee*, *Schotenklee* - ляд-венец, *Lotus* L. → *Schotenklee* - тетраноглобус, *Tetranoglobus* Scop.

Третий тип включает частичные эллиптические синонимы с усечением определяемого без изменения определяющего; в редких случаях определяемое вытесняется суффиксальным дериватом, образованным на основе предыдущего определяющего. Напр.: *Eulenfalter*, *Eulensom*, *Noctuidae* → *Eulen* - совы, *Strigidae*; *Nonnenspinner*, *Nonne* - монашенка, *Ocnaria monacha* L. → 2. *Nonne* -

славка черноголовка, *Sylvia atricapilla* L.; Kletterbeuteltiere;
Kletterbeutler - лазающие сумчатые, *Phalangeridae* →
2. Kletterbeutler - кукусы, *Phalangeridae*.

В ЕЛ терминосистеме обнаружены также примеры усечений как
означаемого в композитах, так и означающего конститuentов в ком-
позитах и словосочетаниях. Исходные термины совпадают с эллипти-
ческими по разным ЛСВ. Напр.: *Aprikosenbaum, gemeiner Apriko-
senbaum* - абрикос обыкновенный, *Armeniaca vulgaris* Lam. → *Ap-
rikosenbaum, Aprikose* - абрикос, *Armeniaca* Mill.; *Eibe, gemeine
Eibe, Roteibe, Beereneibe* - тис европейский, *Taxus baccata* L., →
2. *Eibe, Eibenbaum* - тис, *Taxus* L.

Нами обнаружены также примеры терминопар, в которых полисеми-
чен не эллиптический, а исходный термин. Значит, вместе с обнаружен-
ной тенденцией эллиптических терминов приобретать значение существ-
вует также стремление исходного полисемичного термина к моносемии,
выражающейся в усечении одного из его конститuentов. Напр.: *Kohl-
distel, Kohlgänsedistel* - бодяк огородный, *Cirsium ole-
raceum* /L./ Scop. → 2. *Kohlgänsedistel* - осот овощной, *Sonchus
oleraceus*; *Goldbart, Goldbartgras* - золотобородник,
Chrysopogon Trin. → 2. *Goldbartgras* - золотобородник цикадовый,
Chrysopogon gryllus /L./ Trin.

Подводя итоги рассмотренного материала, нетрудно увидеть, что
полисемичность эллиптических терминов возникает вследствие того,
что терминосистемы ограничены языковыми средствами для обозначе-
ния новых понятий. Эллиптический термин совпадает с исходным в од-
ном ЛСВ, поскольку отсутствие специфического дифференциального при-
знака как в эллиптическом, так и в исходном порядке приводит к се-
мантическому сдвигу, ведущему к полисемии термина. Исходный и эл-
липтический полисемичный термин - это самостоятельные слова. Один
из этих терминов становится преградой для развития полисемии, что
по сути явление позитивное, так как устраняет путаницу понятий в
рассматриваемых терминосистемах.

Образование частичных синонимов в результате деривативного
и фономорфологического варьирования. Лингвисты всегда причисляли
к структурным вариантам терминопары, не отличающиеся семантически
и видоизменяющиеся лишь на словообразовательном или фономорфологи-
ческом уровне. Однако внешняя сторона вариантов тесно связана с
внутренней; это выражается в том, что они могут располагать не

только инвариантными, но и вариантными значениями. Так, материаль-
но различные языковые единицы с тождественными значениями всегда
признавались синонимами, в то время как языковые единицы с тождест-
венными значениями, различающиеся на словообразовательном и фоно-
морфологическом уровне, синонимами никогда не признавались. Воз-
никает вопрос: как классифицировать терминопары, которые различа-
ются на словообразовательном и фonomорфологическом уровне, совпа-
дают между собой в одном ЛСВ, но располагают и другими значениями?
При этом никакой разницы между ними и другими видами частичных си-
нонимов не наблюдается. Следовательно, необходимо ограничить
структурные варианты, которые семантически совпадают, от вариантов,
семантически различных. По нашему мнению, включение вариантов в
разряд синонимов допускается уже в случае их стилистической окра-
шенности: они приобретают статус самостоятельных слов, не говоря уже
о других значениях вариантов, как это имеет место при их исследова-
нии в БЛ и МД терминосистемах. Что касается структурных вариантов,
то они связаны с языковой нормой и не входят в проблему терминологической синонимии. Итак, приобретение деривативными и фonomорфо-
логическими вариантами новых значений показывает, что всякое фор-
мальное изменение языковой единицы может вести к внутреннему измене-
нию. Поэтому очень важно рассматривать исследуемые варианты не ме-
тафизически, как однажды навсегда данные, но — диалектически,
в движении, поскольку граница между деривативными и фonomорфологиче-
скими вариантами с полным совпадением дифференциальных признаков,
т.е. структурными вариантами, и с совпадением частичным истори-
чески изменчива.

Приведем сначала немногочисленные примеры частичных синонимов,
выявленных на уровне дериватов:

а) полисемичные префиксальные дериваты однокорневых терминов с
возможным включением в парадигму терминов с нулевым префиксом. Напр.:
Abartung, Entartung — вырождение → *Abartung* — извращение,
Entartung — порча; *Abbindung, Unterbindung* — наложение
лигатуры → *Abbindung* — затвердевание гипса, *Unterbindung* —
перевязка;

б) полисемичные суффиксальные дериваты композит с возможным
включением в парадигму полисемичных терминов с нулевым суффиксом.
Напр.: *Linienzucht, Linienzuch* — линейное разведение →
Linienzucht 2. выпедение линий; *Zwergsumpfskühn, Zwerg-*
sumpfskühnchen — курочка крошка, *Porzana pusilla Pall.* →

2. *Zwergsumpfhühnchen* - малая курочка, *Porzana parva* Scop.; *Schattenblümchen*, *Schattenblume* - веснянка, *Majanthemum* Wigg. → 2. *Schlattenblüme* - смилацина, *Smilacina* Desf.

В БЛ терминосистеме обнаружены частичные синонимы, образованные в результате морфологической разнооформленности первого конституента в композитах. Напр.: *Felsenkresse*, *Felskresse* - двусемянник скальный, *Hutchinsonia petrae* L./R.Br. → *Felskresse* - двусемянник, *Hutchinsonia* R.Br.; *Mannstreu*, *Männertreu* - синеголовник, *Eryngium* → 2. *Mannstreu* - синеголовник приморский, *Eryngium maritimum* L.; 3. синеголовник полевой, *Eryngium canpestre* L. 2. *Männertreu* - вероника, дубравка, *Veronica chamaedrys* L., 3. пупочник весенний, *Omphalodes verna* Moench.

В отличие от медицинской, в биологической терминосистеме не слишком редки синонимы, образованные вследствие фонетического (чаще вокального, чем консонантного) и морфологического (формально-грамматического) варьирования. При этом, как свидетельствуют примеры, фонетические и морфологические варианты могут сосуществовать в одной парадигме. Следует заметить, что примеров этого рода немного. Основную долю частичных синонимов образуют фонетические варианты:

вокальные - *a-ä* → *Latsche* - сосна горная, *Pinus montana* Mill → *Lätsche* - латук, *Latuca* L.; *i-e* → *Gilbkraut*, *Gelbkraut* - резеда красильная, цerva, *Reseda luteola* L. → *Gelbkraut* - 2. дрок красильный, *Genista tinctoria* L.

3. чистотел большой, *Chelidonium majus* L.; *ei-ie* → *Schmeile*, *Schmiele* - луговик, *Deschampsia* Beauv. → 2. *Schmiele* - аира, *Aira* L.; *o-ö* → *Stocker*, *Stöcker* - ставрида, *Trachurus trachurus* → *Stöcker* - каранкс, *Caranx* Lacep;

консонантные - *b-w* → *Ingber*, *Ingwer* - имбирь, цингибер, *Zingiber* Adans. → 2. *Ingwer* - имбирь лекарственный, *Zingiber officinale* Rox.; *sch-st* → *Porsch*, *Porst* - багульник, *Ledum* → 2. *Porst* - багульник болотный, *Ledum polustre* L.;

фонетические и морфологические → *tz-tt* → *Ratz*, *Ratte*, *Ratze* - крыса, *Rattus* Fitz. → *Ratz* - хорек, *Putorius* L.; *e-o* → *Breppe*, *Groppe*, *Gropp* - подкаменщик, *Cottus gobio* L. → *Greppe* - бычок подкаменщик, *Cottus* Art.

Орфографическая разнооформленность может также явиться причиной образования частичных синонимов. Нами зарегистрирован лишь

един пример в БЛ терминосистеме: *Seckelblume, Säckelblume* - :
цеанотус, *Ceanothus* L → 2. *Säckelblume* - эпимедиум,
Epimedium L.

Таким образом, вопреки широко распространенной тенденции сводить рассмотренный вид терминопар лишь к вариантам не всегда правомерно, ибо различие в семантике делает их самостоятельными словами и дает основание причислить к частичным синонимам.

Список литературы: 1. Александров П.С. О понятии синонима // Лексическая синонимия. - М., 1967. 2. Андреева В.Н. Лексикология современного французского языка. - М., 1955. - 3. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа // Новое в лингвистике. - М., 1963. 4. Бережан С.Г. К семасиологической интерпретации явления синонимии // Лексическая синонимия. - М., 1967. 5. Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. - Кишинев, 1973. 6. Гладкова С.И. Изменение в семантике в связи с усечением слов // Вопросы немецкой филологии. - М., 1970. - № 366. 7. Даниленко В.П. Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии // Терминология и норма. - М., 1972. 8. Ивлева Г.Г. О синонимических отношениях многозначных слов // Вестн. Моск. ун-та. - 1971. - № 2. 9. Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М., 1967. 10. Саркисова Л.Н. К вопросу о понимании сущности синонимов как явления языка // Ученые зап. Таганрог. пед. ин-та. - Вып. I. - Таганрог, 1956. 11. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. - М., 1962.

Поступила в редколлегию 10.10.90.

А.А.ПРОКОПЧУК, канд. филол. наук

ТЕКСТ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вопрос о соотношении текста и предложения рассматривается в лингвистической литературе в нескольких аспектах. В период становления лингвистики текста, когда предложение считалось относительно изученной величиной, а текст - неизученной, исследователи шли от предложения к его свойствам и обнаруживали параллелизм формального и содержательного построения этих двух видов образований.

И.А.Фигуровский, например, подводя итог сказанному о соотношении соединений законченных предложений (компонентов целого текста), отмечает, "что основные отношения компонентов сходны с отношением членов предложения и несамостоятельных предложений в составе сложного и что отношения компонентов отличаются большой глубиной, охватом множества лексических и грамматических значений, большой степенью обобщения и отвлеченности" [4, с. 67].

По мнению Ю.А.Левицкого, сложное предложение можно рассматривать как некоторую минимальную модель текста, а процесс порождения сложного предложения — как аналог процесса порождения текста [2, с. 23; а также 6, с. 140].

Такого рода исследованиям противопоставлены работы, в которых внимание акцентируется на установлении принципиальной разницы между текстом и предложением. Х.Изенберг называет следующие свойства предложения, не совпадающие со свойствами текста: предложение рассматривается как единое языковое действие; есть языковые действия, которые не осуществляются внутри одного предложения (например, переход с обращения на "вы" к обращению на "ты"); предложение, даже сложное, представляет собой единство в рамках одного языкового действия, а не временную последовательность ряда микродействий, каждое из которых имеет свои предпосылки; предпосылки для осуществления действия с помощью предложения должны быть логически непротиворечивыми (в рамках одного предложения нельзя отменять, отрицать выраженных уже предпосылок); выражая языковое действие, предложение не обязательно характеризуется коммуникативной законченностью; формирование предложений осуществляется по грамматическим правилам. Текстам, особенно тем, которые состоят из некоторого количества предложений, присущи противоположные свойства (они содержат последовательность языковых действий, в них возможен переход от одних форм обращения к другим, есть возможность изменения логических предпосылок путем признания своей ошибки, изменения мнения, они коммуникативно завершены, строятся по правилам, отличающимся от грамматических) [7, с. 141-143].

Может показаться, что в отдельных разновидностях предложений реализуются особенности, отнесенные Х.Изенбергом к свойствам текста. Сравните предложения типа "Речка движется и не движется", "Песня слышится и не слышится". Однако эти предложения противоречивы лишь внешне, в чисто логическом смысле. Как высказывания они не содержат противоречия, они "являются свернутыми номинациями и

подразумевают членение предмета речи субъектом, в них самих не обозначенное; будучи лишь элементами общего ситуативного контекста, они в этом и не нуждаются" [5, с. 67-68]. Их смысл в том, чтобы передать деятельностную динамику восприятия, движение мыслей и чувств. Не опровергают установленных Х.Изенбергом различий и предложения типа "Если вы не возражаете, я тебя познакомлю со своим братом", обращенные к одному лицу. Они могут отражать несформированность прагматических установок относительно адресата, небрежность речи, но никак не особенность структуры предложения.

Еще один аспект проблемы текста и предложения — это вопрос о наличии корреляции между определенными коммуникативными типами текстов и семантико-структурными особенностями предложений, формирующих данные тексты. Исследование данного вопроса важно не только в теоретическом, но и в практическом плане. В настоящее время в обучении иностранным языкам преобладает работа над усвоением единиц языковой системы, употреблением их в отдельных высказываниях. Значительно меньше места отводится тому, как строить речевые образования, определенные типы текстов. В этой области учащимся чаще всего приходится опираться на свой опыт речевой деятельности на родном языке, на некоторые знания из области литературоведения, стилистики. Но если изучающий иностранный язык и наметил план действий в определенной коммуникативной ситуации, то "языковое обеспечение" в реализации этого плана он может осуществить лишь стихийно, интуитивно, так как грамматика не дает сведений о том, какие языковые единицы, структуры и в каком употреблении могут выполнять доминирующие, вспомогательные функции в выражении той или иной коммуникативной направленности текста. Имеющиеся утверждения относительно корреляций семантико-синтаксической структуры предложения и типа текста нередко слишком общи и носят умозрительный характер. Такими являются, например, выводы о том, что сложноподчиненные предложения можно рассматривать как своего рода различительные признаки текстов-рассуждений, а сложносочиненные (обратимые и необратимые) — соответственно описаний и повествований. В действительности же связи синтаксических структур и текстов значительно многообразнее и сложнее. При рассмотрении обсуждаемой корреляции целесообразно прежде всего опираться на более детальную классификацию текстов.

В качестве критериев классификации текстов адекватными представляются признаки, установленные Х.Изенбергом. По его мнению,

с одной стороны, текст определяется целями межличностного взаимодействия (научное познание, установление межличностных отношений, решение делового вопроса, развитие человеческого воображения и т.д.). С другой стороны, текст подвергается (автором и воспринимающим) проверке на правильность, приемлемость, он характеризуется определенным оценочным критерием (научная адекватность, корректность, конструктивность, эстетическая функция и др.) [8]. Такие признаки текста, как повествовательность (повествование, описание, рассуждение), побудительность, вопросительность, характеризуют его внутреннюю форму (в понимании А.А.Потебни), но не определяют его коммуникативную сущность. Текст-вопрос, адресованный докладчику, юридической консультации, кардинально отличается от художественного, поэтического или прозаического текста, полностью состоящего из вопросительных предложений. Цель взаимодействия, осуществляемого с помощью побудительных (апеллятивных), интеррогативных [1] поэтических текстов, не в формулировании вопроса, побуждения, а в представлении художественной действительности, в оценке и переоценке жизненного опыта воспринимающим. Вопрос, побуждение здесь — лишь форма выражения художественного (поэтического) смысла. Поэтому вопросительность, апеллятивность для таких текстов скорее побочная характеристика.

Разграничивая в тексте, как и в предложении [3, с. 13-19] (логическое) содержание и смысл (сообщение), можно констатировать, что и в тексте содержание и смысл (сообщение) могут в той или иной мере совпадать или расходиться. Последнее нередко как раз и характерно для поэтических текстов. В текстах, нацеленных на информирование, получение информации, побуждение к действию, смысл (сообщение) может равняться содержанию. При таком понимании семантического плана текста предложение со всеми его лексическими и грамматическими особенностями соотносено прежде всего с содержанием текста как его внутренней формой. И если в основе текста интеррогативное содержание, то в нем доминирующее положение будут занимать вопросительные предложения, хотя смысл текста может быть разным.

Привлечение критериев межличностного взаимодействия и оценки приемлемости позволяет различать тексты типа просьб, рекомендаций (советов), библейских заповедей, которые нередко объединяются под названием побудительных (директивных, апеллятивных, текстов воздействия). Такое разграничение достигается за счет того, что оценочный критерий формулируется как результат анализа ситуации общения, в которой используется соответствующий текст.

Так, по сравнению с рекомендациями просьба более конкретизирована относительно связываемых ею лиц, временных и локальных характеристик, реакции на нее адресата, реакции просителя на выполнение/ невыполнение просьбы. Просителем может быть каждый, в то время как для рекомендаций важен признак компетентности автора в соответствующей сфере духовного или материального мира. Для библейских заповедей характерен признак каноничности, установленности, непополняемости. Побуждение к действию в рекомендациях осуществляется на основе аргументации, указания на нормы, оценочные критерии (хорошо-плохо) при отсутствии факторов, вынуждающих адресата следовать рекомендациям. Обратная связь между автором и адресатом в этом случае может отсутствовать, степень моральной ответственности, возлагаемой рекомендациями на адресата, значительно ниже по сравнению с ответственностью, возлагаемой на адресата просьбой, безотносительно к тому, как адресат реагирует на просьбу.

Названные особенности упомянутых разновидностей текстов находят свое языковое выражение, определяют требования к построению предложений — составляющих данных текстов. Ниже мы остановимся на языковых особенностях текстов-рекомендаций, адресованных немецким студентам.

Для них характерно наличие сведений об авторе (авторском коллективе) с указанием ученой степени, звания, должности, сведений об издателе, о коллективном адресате (специальность, курс(ы)), естественно, без территориальных, хронологических ограничений действия указаний. Ряд предложений (в заглавии, подзаголовке, тексте) включают слова перформативной семантики типа *Ratschläge, Hinweise, Regeln, Anforderungen, beraten, Berater, Begleiter*. В некоторых текстах эксплицируются задача указаний, отсутствие в них приказной специфики, категоричности (*Anforderungen an den heutigen Studenten, zum Nachdenken anregen, Denkanstöße für ein Verhalten etc.; sie erheben keinen Anspruch auf Vollständigkeit, nicht endgültig; man muß vermeiden, diese Hinweise als Rezepte zu betrachten, die gedankenlos übernommen werden können*).

В указаниях преобладают предложения с информирующей и побудительной функциональной нагрузкой. Последние могут иметь форму императивных (*Arbeite konzentriert, und sichere Dir dadurch die notwendige Zeit für Erholung!*), инфинитивных (*Vielseitig sein!*)

Freude am Studium finden!) или повествовательных предложений, содержащих лексику побудительной семантики (*dürfen, man darf nicht, erforderlich, notwendig sein, brauchen, sollen, müssen, verlangen, Aufgabe etc.*).

Предложения побудительной семантики образуют грамматическую доминанту текстов-указаний. Однако без уточнения специфики данных предложений теоретическая ценность этого утверждения незначительна, так как такая же доминанта характеризует тексты-инструкции, рецепты, просьбы, заповеди и др. Особенность побудительных предложений в текстах-указаниях состоит в том, что они не конкретизируются относительно времени, места, личности адресата (хотя и адресуются ограниченному кругу лиц). Предложения указанной семантики исключают контекст, в котором отражалось бы выполнение/невыполнение соответствующих указаний (противоположное типично для просьб). Эти предложения в указаниях, в отличие от побудительных предложений в инструкциях, рецептах, опираются на предложения причинно-следственной, оценочной семантики, выражающие аргументацию и усиливающие обязательность того, к чему побуждается адресат:

... muß man wissen, was man will. Wer nicht weiß, warum er eigentlich studiert, wer sich treiben läßt, immer nur darauf wartet, daß man ihm sagt, wie er sich verhalten soll; wer nicht weiß, worauf es ankommt, der wird sich nicht zurechtfinden:

Man muß auch fähig sein, so effektiv wie möglich auf das gesteckte Ziel zuzugehen. ... Wer nun aber glaubt, ein effektiver Arbeitsstil entwickle sich von selbst, ist einem großen Irrtum erlegen [9].

Условные сложноподчиненные предложения и предложения с относительным подчинением, между составляющими которых устанавливаются причинно-следственные отношения с положительной или отрицательной оценкой (положительно оцениваемый согласно социальным нормам antecedent - положительно оцениваемый konsekvent, отрицательный antecedent - отрицательный konsekvent), аргументирующие побудительные предложения, могут сами в текстах-указаниях, текстах-заповедях приобретать контекстное побудительное значение. Так как в иных разновидностях текстов у указанных сложных предложений такое побудительное значение может отсутствовать, его следует рассматривать лишь как контекстное, а не как парадигматическое значение.

- Список литературы: 1. Егорова З.А. Грамматический анализ текста: .
Интенциональная доминанта // Сб. науч. трудов Московск. ин-та
иностран. языков им. М.Тореза. - М., 1988. - Вып. 318. - С. 23-32.
2. Левицкий Ю.А. Синтаксическая система языка. - Пермь, 1983. -
88 с. 3. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. - Киев,
1987. - 132 с. 4. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и уче-
нические письменные работы. - М., 1961. - 172 с. 5. Эйхбаум Г.Н.
Экспонентно противоречивые высказывания и их смысл // Языковое
общение: Единицы и регулятивы. - Калинин, 1987. - С. 58-68.
6. Dijk T.A. van. Some Aspects of Text Grammars: A Study
in Theoretical Linguistics and Poetics. - The Hague-Paris, 1972.
375 p. 7. Isenberg H. "Text" versus "Satz" // Probleme der Text-
grammatik 2. - Berlin, 1977. - S. 119-146.
8. Isenberg H. Texttypen als Interaktionstypen: eine Texttypolo-
gie // Zeitschrift für Germanistik. - Berlin, 1984. - N 3. - S. 261-
270. 9. Rationell studieren: Ratschläge für neuimmatrikulierte Di-
rektstudenten an den Ingenieur- und Fachschulen der Deutschen Demo-
kratischen Republik. - Berlin, 1980. - 84 S.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

Н.В.ПРОКОФЬЕВА

О КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ВТОРОЙ РЕПЛИКИ ОППОЗИТИВНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Коммуникативная функция как естественного, так и искусствен-
ного языка заключается в том, чтобы с использованием заложенных в
языке средств описать реальную действительность и тем самым служить
средством передачи о ней [3, с. 22]. Говорящий перерабатывает
объективно существующую экстралингвистическую ситуацию и передает
собеседнику свою интерпретацию этой ситуации, которая может не со-
падать с субъективной интерпретацией этой же ситуации реципиентом.

Сигнализируя о несоответствии своей когнитивной структуры релевантной структуре партнера, коммуникант вступает с ним в коммуникативную оппозицию. Минимальной единицей речевой интеракции выступает в данном случае обмен речевыми действиями вида "стимул - негативная реакция". Реплики в диалогическом единстве такого рода связаны контррадикторной связью, при которой интенция второго высказывания не соответствует желаемой и ожидаемой нормативной реакции [5, с. 64]. Блок реплик с контррадикторной функциональной связью такого типа назовем оппозитивным диалогическим единством (ОДЕ), а реактивную реплику - оппозитивной.

Сентенционная соотнесенность [7, с. 105] реплик ОДЕ носит разноплановый характер. С формальной, количественной точки зрения оппозитивная реплика может быть направлена на отрицание всего высказывания /1/ или его части /2/.

/1/ "Martin, my boy, I've been acting too long, and- as the youngsters like to say, I've had it".
"Nonsense, Alfred!" /J.B.Priestley/

/2/ "Well, the fever's left you with a good hangover, anyway,"- said Margo.
"It's not a hangover". /G.Durrell/

С качественной точки зрения реплики ОДЕ характеризует пропозициональная общность при несовпадении модусных или предикационных значений [7, с. 110]. Пропозициональная соотнесенность (там же) проявляется в том, что оппозитивная реплика может быть направлена как на имплицитно, так и на эксплицитно выраженную в диктальной части информацию. В первом случае это негативная реакция на импликацию /3/ и пресуппозицию /4/ и /5/.

/3/ "I didn't give my orders. I haven't seen the damned servants and I haven't seen George".
"Then who moved the furniture?" /A.Bennett/

/4/ Andrew: My dear old Col: your children are children of the professional classes.
Colin: I have no children. /D.Storey/

/5/ The King was saying, I assure you, my dear, I turned cold to the very ends of my whiskers. "To which the Queen replied, "You haven't got any whiskers". /L.Carroll/

При несогласии с presupпозицией оппозитивная реплика имеет целью коррекцию соответствующей когнитивной структуры партнера, если высказывание с ложной presupпозицией совершено им ошибочно /4/, и обличение во лжи, если такое высказывание интенционально /5/.

В плане имплицитной предикативности примечателен ответ на вопрос. Как справедливо замечает Л.А.Матвеева, всякий вопрос, наряду с незнанием, содержит в себе некоторую информацию о предположительном положении вещей в мире [6, с. 340]. Отрицательный ответ на общий вопрос свидетельствует о несогласии реципиента со сделанным предложением, а в примере /6/ присутствует и его корректировка: /6/

"Mama, said little Linda, 'Do all fairy tails begin with "once upon a time"?
"No, darling," said Mama grimly. "Sometimes they begin, "My love, I will be detained at the office pretty late tonight".
/G.G.Pocheptsov/

При отрицании эксплицитно выраженной предикации в диктальной части может отмечаться различная модусная установка коммуникантов относительно вербализованной характеристики денотативной ситуации: /7/

"I wanted to read all about the Wolverhampton murder, so I borrowed your "Times". I knew you would'n mind."
"But I do mind. I mind very much." /S.Maugham/

Отрицание соответствия предикации инициальной реплики действительности является в то же время ядром модусной соотнесенности реплик ОДБ. Оппозитивная реплика может содержать при этом как утвердительную/отрицательную модальность в чистом виде, так и ее различные аспекты [2, с. 26], например, реальность/ирреальность /8/, уверенность/сомнение /9/.

/8/
"O Tiger-lily, /.../ I wish you could talk".
"We can talk," said Tiger-lily /L.Carroll/

/9/

Andrew /to his brother carrying a tray/: Couldn't knock a fly off a rice pudding..

Colin: Don't be too sure. /D.Storey/

Помимо направленности на эпистимистический план реплики-сти-мала (см., напр. /7/, /8/), оппозитивная реплика может быть направлена на аксиологический компонент стимула; образуя ОДЕ экспрессивно-констативного типа [5, с. 124], например, комплимент - его отклонение /9/ или упрек - несогласие с упреком /10/.

/10/

"If you made sensible suggestion, I wouldn't disagree".

"I don't see anything ludicrous in anything I suggested."

/G.Durrell/

Оппозитивная реплика может соотноситься с различными модусными категориями стимулирующего высказывания, причем модусы при этом являются одновременно и категориями предложения, и параметрами самого акта речи [2, с. 26]. Кроме соответствия предикации действительности, В.Г.Гака выделяет следующие типы модусов предложения: коммуникативную и информативную установки, структуру и условия акта речи, эмотивность (там же). Остановимся подробнее на первых двух.

Выражая несогласие с коммуникативной установкой (или интенциональной направленностью) стимула, оппозитивная реплика входит в состав ОДЕ директивно-констативного типа [5, с. 123], например, требование - возражение на требование /11/, совет - несогласие с советом /12/.

/11/

"I think, you should apologize to me,- she blubbered.

"Yes, I really do".

"Why should I apologize to you?" /A.Bennett/

/12/

"Sell it, while it's still untarnished, then."

"Don't be ridiculous, dear". /Durrell/

Информативная установка высказывания рассматривается, по мнению В.Г.Гака [2, с. 26], в терминах актуального членения. С точки зрения коммуникативно-динамической организации высказывания [4, с. 9] выделим следующие типы оппозитивных реплик: отрицание стимула ОДЕ, не несущее новой информации, коррекцию стимула, модифицирующую заложенную в нем информацию, реплики, формирующие новые когнитивные и ценностные структуры.

Высказывания, не содержащие никакой информации, кроме отрицания предшествующего высказывания, являются несогласием, модифицирующие и формирующие новые концептуальные смыслы — возражением.

Коммуникативная ценность несогласия ниже, чем возражения. Оно не содержит новой информации, кроме отрицания содержания инициальной реплики. Несогласие является базой развития категории отрицания, включая тему и рему предшествующего высказывания, связанные отрицательной связкой.

/I3/ " you are looking more decrepit and hagridden every day".
"Indeed I am not". /G.Durrell/

Несогласие типа "*Nonsense*", "*I don't beleive it*", "*Don't be absurd*" можно рассматривать как утверждение об утверждениях, метаясуждения [1, с. 178], оценивающие истинное значение инициальной реплики.

Возражение, вводя новую информацию, обладает более высокой коммуникативной ценностью. При этом информационная установка стимула может модифицироваться при сохранении его темы и добавлении новой ремы /I4/, а также в случае введения новой темы при сохранении ремы стимула /I5/.

/I4/ "My precious Lily! My imperial kitten!"
"Imperial fiddlestick! said the King /L.Carroll/

/I5/ "That's the trouble with the family" said Larry bitterly.
"No give or take, no consideration for the others."
"You don't have much consideration for the others,"
said Margo. /G.Durrell/

В последнем случае оппозитивная реплика направлена на формирование новой ценностной структуры в сознании продуцента инициальной реплики. Еще более высока коммуникативная ценность возражений, содержащих тему и рему, которые отсутствуют в реплике-стимуле. Они связаны с расширением общего информационного поля коммуникантов за счет более полного рассмотрения денотативной ситуации.

/I6/ "She can live with one of the natives".
"In weather like this a native hut must be rather uncomf
place to live in". /S.Maugham/

Итак, проанализировав лишь некоторые аспекты природы оппози-
тивных реплик, мы убедились в их несомненной когнитивной обуслов-
ленности. Их сентенциональная и функциональная соотнесенность с
высказыванием-стимулом ОДЕ требуют дальнейшего детального изучения.

Список литературы: 1. Арутюнова Н.Д. Феномен второй реплики или о
пользе спора // Логический анализ языка: Противоречивость и ано-
мальность текста. - М., 1990. - С. 175-189. 2. Гак В.Г. О катего-
риях модуса предложения // Предложение и текст в семантическом ас-
пекте. - Калинин, 1978. - С. 19-26. 3. Гончаренко В.В., Шингаре-
ва Е.А. Фреймы для распознавания смысла текста. - Кишинев, 1984. -
198 с. 3. Каднельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопр. языко-
знания. - 1984. - № 4. - С. 3-12. 5. Комина Н.А. Оппозитивный неод-
нородный блок реплик в диалоге // Языковое общение: Единицы и ре-
гуляторы. - Калинин, 1987. - С. 120-125. 6. Матвеева Л.А. Роль ло-
гического анализа вопросов в теории аргументации / Философские
проблемы аргументации. - Ереван, 1986. - С. 333-343. 7. Прокоп-
чук А.А. Сентенционная соотнесенность и ее разновидности // Языко-
вое общение и его единицы. - Калинин, 1986. - С. 105-114.

Поступила в редколлегию 10.12.90.

Е.Н.СТАРИКОВА, д-р филол. наук, И.В.ТРОПИНОВА, канд. филол. наук

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПОСЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ПосеССИВНОСТЬ в современном английском языке представляет
собой обобщенную серию разноуровневых средств, фиксирующих один
из фрагментов концептуальной картины действительности. Категория
посеССИВНОСТИ раскрывает притяжательные отношения в самом общем
виде, обозначая отнесенность одной субстанции к другой. В основе
посеССИВНОСТИ, таким образом, лежит ситуация, включающая 3 ком-
понента: N_1 - субъект обладания (посеССор), R - предикат
(т.е. знак отношения) и N_2 - объект ($N_1, R N_2$). ПосеССИВНАЯ
ситуация отражает обладание материальными объектами, обладание
в терминах родства, социальные отношения, принадлежность части
целому, а также физические, психические свойства, качественные

признаки и состояние субъекта. Таким образом, категория посессивности несет информацию о человеке и о его внешнем и внутреннем микромире, передавая значение как нестесняемой, так и отчуждаемой собственности.

Конституенты ФСП посессивности по-разному репрезентируют ситуацию посессивности.

Лексические конституенты поля могут репрезентировать от одного до всех компонентов посессивной ситуации. Глаголы, например, представляют только знак отношения субъекта к объекту (R) (*have, possess, get, belong*), существительные же отражают посессивную ситуацию либо полностью ($N_2 R N_1$), либо частично (*possession* либо R_1 , либо N_2). Морфолого-синтаксические и синтаксические конституенты также по-разному представляют посессивность, сравним: *his book* ($N_1 R N_2$), *John's book* ($N_1 R N_2$) *the book of John* ($N_2 R N_1$), *the girl with blue eyes* ($N_1 R N_2$), *coal production* ($N_2 N_1$). В конструкции $N_1 N_2$ посессивность представлена в наиболее общем виде и вытекает из семантической соотнесенности компонентов N_2 и N_1 (*coal production* - production refers to coal).

Анализ семантики посессивных глаголов в английском языке дает основание выделить у них интегральную сему посессивности, конкретную сему "обладание" и целый ряд дифференциальных сем. Дифференциальные семы характерны как для каждой из выделенных групп в целом, так и для отдельных глаголов внутри группы.

К дифференциальным признакам посессивных глаголов относятся не только те признаки, которые непосредственно входят в их семантическую структуру (и обычно отражены в словарных дефинициях), но и те, которые обычно не отражены в словарных дефинициях. К ним относятся: активность/инактивность, одушевленность/неодушевленность, конкретность/абстрактность субъекта и объекта, а также признаки глагола: запланированность/незапланированность действия (*I'll keep this toy until you learn to behave - We had an accident on the road*), его санкционированность/несанкционированность (*The road crew maintains the highways. /The thief robbed the bank*) и ряд других.

Посессивные глаголы могут быть двух видов: статичные (*have, belong* и др.) и динамичные, выражающие переход из состояния невладения в состояние обладания - "начинать иметь", "получить в собственность" (*gain, take, grasp, inherit* и т.п.).

Статичная посессивность предполагает инактивный процесс с субъектом-бенефициантом, динамичные посессивные ситуации связаны с субъектом-агентом. Посессивные глаголы характеризуются в ряде случаев синкретичностью динамичного и статичного признаков. Например, глагол *have*, представляющий доминанту всех выделенных групп посессивных глаголов, может выражать как динамичность, так и статичность процесса: He has many friends - what shall we have for dinner? (=take).

Статичные посессивные глаголы характеризуются наличием вневременного или длительного характера процесса; значение обладания нередко переходит в значение качества, свойства: to have pride, possess courage, retain dignity.

Динамичные посессивные глаголы образуют несколько групп, каждая из которых имеет свой дифференциальный признак: приобретение путем приложения усилий (gain, win, earn, obtain, acquire, get, take, procure), несанкционированное приобретение (rob, steal, usurp, capture, take, get), захват с использованием силы и дальнейшее обладание (grasp, grip, clasp), добровольное приобретение (buy, take), постепенное и целенаправленное приобретение (collect, gather), вневременное получение (borrow, rent), приобретение, получение без определенных усилий (inherit, receive, accept, get, take).

Дифференциальные признаки, свойственные определенным глаголам, отражают различные способы возникновения посессивной ситуации: длительность/кратковременность действия, его целенаправленность/нецеленаправленность (*occupy, seize*), различная интенсивность действия (*take-seize*) и т.д. Дифференциальные семантические признаки носят как ингерентный, так и адгерентный характер. В большинстве случаев посессивный глагол в зависимости от контекста может выражать признаки, образующие оппозицию в системе языка. Лексическое значение глагола, таким образом, не только выражает ситуацию обладания, но и указывает на способы ее возникновения, сопутствующие условия ее реализации, включающие и межличностные отношения.

Группы посессивных глаголов носят характер открытых подсистем, характеризующихся определенными пересечениями - ряд глаголов (*get, take*), выражая различные семантические признаки, может, естественно, входить в различные группы. Посессивные глаго-

ды принадлежат к тем единицам языка, которые способны наиболее подробно передавать посессивное значение, отображая многообразие возможных путей и способов возникновения ситуации обладания в объективной действительности.

Как и другим конституентам ФСП посессивности, глагольным посессивным номинациям присущи семантико-синтаксические значения бенефактивности: Ed Sullivan gained a prize (M.Harris); агентивности: Sullivan gathered all the statements made on his Sunday (M.Harris) и квалификативности: She has pride.

В область лексических конституентов ФСП посессивности входят также производные имена существительные, представляющие следующие образования: 1) существительные с суффиксом *-er, or* или бессуффиксальные единицы, обозначающие посессор и предикат обладания: *owner, proprietor, thief*; 2) сложные существительные, в которых выражен не только посессор и предикат обладания, но и объект: *householder, shipowner*; 3) предметные и процессуальные существительные с суффиксами *-ship, -ty, -ion*, обозначающие понятие посессивности как знак отношения между субъектом и объектом обладания или объект обладания: *reception, possession, acquisition* и т.д.

В силу гибкости своей семантической структуры существительное способно выражать признаки, характерные для посессивного глагола: процесс: *possession, lordship, accumulation*; действие: *stealing, robbery, capture*; каузативность субъекта, конкретность/абстрактность объекта: *the reception of guest/the interitance of bad temper*; запланированность/незапланированность действия: ср., *stealing, robbery - heirship, purchase*; константность/транзиторность процесса обладания: ср., *collection, property-reception, income* и т.д.

Подобно глаголу, имя существительное способно передавать дифференциальные признаки ситуации обладания не только в силу того, что оно обладает специфическим характером семантической структуры, но и в результате способности абсорбировать эти признаки из предложения, в котором они представлены целым набором морфологических, лексических и лексико-грамматических индикаторов: His acceptance of their invitation; Ed got an obtainment he wanted (M.Harris).

Конструкции $N_1, 'sN_2$, являющиеся морфолого-синтаксическими конституентами ФСП посессивности, наряду с категориальным признаком посессивности выражают субкатегориальные значения: (I) конкретную принадлежность (бенефактивные отношения) -

John's face, the room's corners. В рамках конкретной принадлежности выделяются отношения отчуждаемой собственности: *Miss Dilmeyer's address, Paolæ's coffee*; неотчуждаемой собственности: *Carla's mind, a person's body*; часть целого: *plane's cabin*, межличностные отношения: *the farmer's wife, Mary's sister*.

После конкретной принадлежности наиболее частотными являются отношения квалификативные (*Mary's pride, ocean's vastness*), далее следуют отношения агентивные (*Tom's arrival*), значение состояния (*Mary's sleep*), цели (*women's footwear*), темпоральные отношения (*yesterday's match*), отношения сравнения (*her fox's activity*), локативные (*London's carriage*), пациентивные (*the boy's invitation*), инструментальные (*hand's work*).

В зависимости от семантики конstituентов конструкция N_1 's N_2 может выражать ряд признаков, характерных для глагольных предложений, выражающих посессивные отношения: статичность/динамичность (*Reg Belwood's rudeness - Ferdy's approach*), однократность/многократность действия (*Port's shot - the heart's beatings*), его запланированность/незапланированность (*the boy's aim - the girl's fall*), желательность/нежелательность (*Jimmy's love - John's jealousy*), санкционированность/несанкционированность (*Forster's right - Ferdy's black business*), константность/транзиторность (*Mary's eyes - Reg's outburst*).

По сравнению с посессивными глагольными номинациями (N_1 , VN_2) конструкции N_1 's N_2 выражают ряд дополнительных субкатегориальных признаков: цель, темпоральные, локативные, инструментальные отношения, сравнение. Компонент N_2 , если он представляет собой номинализированный предикат, обладает глагольными признаками, не свойственными компоненту N_2 в глагольных посессивных номинациях.

Субкатегориальные признаки конструкции N_1 's N_2 характеризуются синкретизмом: *week-end's fishing* (темпоратив-качество), *mother's kiss* (агенса-качество) и т.п.

Конструкции с притяжательными местоимениями, как и N_1 's N_2 , выражают ряд субкатегориальных признаков: агентивные отношения (*his departure*), пациентивные (*his bankruptcy*), носителя состояния (*his sleep*), квалификативные отношения (*her beauty*). Локативные, темпоральные и инструментальные признаки (*his house, his Monday, his knife*) носят неявный характер, сопутствуя основному признаку принадлежности. Признаки сравнения и цели, по нашим данным, данная конструкция не выражает. Объем субкатегориальных

признаков у местоименных конструкций, таким образом, меньше, чем у конструкции N_1 's N_2 .

Характерной особенностью местоименных посессивных конструкций является многозначность их мотивирующих номинаций, каждая из которых обладает потенциальной возможностью составить основу посессивной именной единицы, сравним: My University $\leftarrow$ (1) I studied at this University; $\leftarrow$ (2) I work (worked) at this University; $\leftarrow$ (3) I built this University.

К синтаксическим конституентам ФСП посессивности относятся конструкции N_1 of N_2 , N_1 N_2 и N_1 with N_2 . Для всех конституентов, кроме N_1 with N_2 , характерны признаки как индивидуальные посессивные, так и обобщенные, нередко переходящие в квалификативные: *woman's beauty, the beauty of the woman, woman beauty*.

Субкатегориальные значения в выделенных конструкциях имеют различный удельный вес. Признаки обобщенности более характерны для конструкций N_1 of N_2 и N_1 N_2 , чем для конструкций N_1 's N_2 и N_1 with N_2 , основу которых составляют номинации индивидуального характера: *the room's atmosphere - the atmosphere of the room* и *the atmosphere of a room*.

Для всех синтаксических единиц наибольший удельный вес имеют субкатегориальные значения бенефактивности и квалификативности. Остальные субкатегориальные признаки менее характерны. Конструкции N_1 's N_2 , N_1 of N_2 выражают все субкатегориальные признаки, а конструкции *Poss. Prn.* N_1 N_2 и N_1 with N_2 ряд субкатегориальных признаков не выражают, что является свидетельством их периферийного положения в синтаксической зоне ФСП посессивности.

Конструкции N_1 's N_2 и N_1 of N_2 претендуют на роль доминанты синтаксического центра ФСП посессивности по высокой частоте употребления и объему выражаемых субкатегориальных признаков. Однако они характеризуются разными параметрами частотности употребления и возможностью взаимозамен. Проведенное исследование показало, что большая частотность употребления конструкции N_1 of N_2 по сравнению с N_1 's N_2 в целом и во взаимозаменяемых позициях дает все основания рассматривать конструкцию N_1 of N_2 в качестве доминанты синтаксического центра ФСП посессивности.

Общность инвариантного и дифференциальных субкатегориальных признаков N_1 's N_2 и N_1 of N_2 обуславливает их функциональное сближение. Анализ языкового материала дает основание выделить здесь следующие случаи:

полная функциональная эквивалентность, обуславливающая взаимозаменяемость: car's door - the door of the car, Mary's eyes - the eyes of Mary;

смысловая эквивалентность при отсутствии взаимозаменяемости, обусловленной фонетическими и синтактико-фонетическими факторами: one side of the station $\neq$ the station's one side;

смысловая дифференциация и ограниченная взаимозаменяемость: the love of life $\neq$ love's life, etc.

Конструкции $N_1 N_2$ и N_1 with N_2 , обладающие общими с N_1 of N_2 субкатегориальными и дифференциальными признаками, противопоставлены доминанте по частотности употребления и объему субкатегориальных признаков. Наименьшей семантической емкостью отличается конструкция N_1 with N_2 , которая нередко синонимически не связана с конструкцией N_1 of N_2 и сближается с лексическими конститентами ФСП (a man with blue eyes $\rightarrow$ a man who has blue eyes).

Таким образом, ФСП посессивности в английском языке представляет собой моноцентрическое образование с центром, околоядерной и периферийной областями. В основу определения позиции конститuenta поля мы включали следующие признаки: частотность, регулярность употребления, набор субкатегориальных семантико-синтаксических и дифференциальных семантических значений, синонимические связи единиц. Наибольший набор признаков свидетельствует о большей обобщенности значения конститuenta, о возможности замены им других конститuentов поля. Конституент N_1 of N_2 обладает наибольшей частотностью употребления, характеризуется наибольшей концентрацией всех субкатегориальных признаков и вытесняет, по нашим данным, конструкции N_1 's N_2 во взаимозаменяемых позициях. Все это дает основание считать данную единицу центром ФСП посессивности в английском языке. Околоядерные и периферийные конститuentы представляют собой образования с некомплектным числом субкатегориальных признаков (напр., N_1 with N_2 или Poss. Prn. N) или же характеризующиеся ограничениями в выражении этих значений (ср., напр., ограниченное употребление N_1 's N_2 в пациентивном значении при посессоре - неодушевленном существительном: discussion of nominalization $\nrightarrow$ nominalization's discussion; an utterance of an expression $\nrightarrow$ an expression's utterance).

Наиболее дифференцированно ситуация посессивности передается лексическими конституентами, которые, хотя и обладают ограниченным набором семантико-синтаксических признаков, выявляемых в предложении, характеризуются тем не менее весьма разнообразными лексическими дифференциальными признаками, конкретизирующими посессивную ситуацию с точки зрения целенаправленности/произвольности действия; его статичности/динамичности; санкционированности/несанкционированности и т.п.

Морфолого-синтаксические и синтаксические конституенты, обладают, естественно, меньшим набором дифференциальных лексических признаков предиката, поскольку нередко представляют посессивность как результат определенных действий, как статичную картину соотношенности двух субстанций.

Поле посессивности в английском языке охватывает в целом основные ролевые функции, реализуемые в предложении: агентивные, пациентивные, локативные, квалификативные, темпоративные, инструментальные, целевые, сравнение. У разных конституентов объем и удельный вес данных функций неодинаков. Темпоральные и инструментальные значения у всех конституентов поля встречаются редко. Конституент N_1 with N_2 не имеет этих значений вообще.

В целом конституенты ЦП посессивности характеризуются отношениями: 1) функционального тождества, лежащего в основе синонимии, — *man's secret — the secret of the man*; 2) сходства, частичного пересечения функциональных зон, лежащего в основе вариативности, — *a girl with blue → a girl who has blue eyes*.

В синтагматическом плане конституенты характеризуются как корреляционными связями (напр., N_1 of N_2 , N_1 's N_2 , $N_1 N_2$ — *the method of grice — grice's method — grice method*), так и некорреляционными, при которых конституенты, парадигматически связанные друг с другом, не обладают способностью к взаимозамене в речи:

Bob has a book ≠ Bob's book.

Атрибутивные отношения, характерные для синтаксических конституентов ЦП посессивности, включают все основные типы семантико-синтаксических связей английского предложения. Диалектический характер взаимосвязи формы и содержания синтаксической посессивной номинации заключается в том, что иерархия синтаксических отношений конституентов посессива далеко не всегда изоморфна иерархии их семантических связей. Нарушение изоморфизма семантических и синтаксических связей составляет основу семантического варьирования посессивных единиц в современном английском языке.

Список литературы: 1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л., 1976. - С. 47. 2. Старикова Е.Н. К вопросу о номинализации в современном английском языке // Номинализация в современном английском языке. - Киев, 1982. - С. 11-21.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

Н.Н. СТАРЦЕВА

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОДЕРЖАНИЕМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как известно, наивные представления человека о мире реализуются и проявляются в языке. Дополняя семантический анализ метафор речевой деятельности (МРД) в современном английском языке их концептуальным анализом, мы преследуем цель выявления тех общих концептов, которые подведены под знак МРД и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры [3, с. 85].

Когнитивная метафора – достаточно обширное и многоаспектное понятие. Основной ее особенностью является то, что она функционирует на уровне понятийного мышления. Когнитивная метафора призвана давать новые наименования возникающим реалиям, особенно в сфере отображения непредметной действительности, и определять взаимосвязи между сущностями, явлениями, понятиями. В когнитивной метафоре фиксируются возникновение, изменения, направления приспособления одних понятийных структур к другим. Новый концепт, появляющийся благодаря когнитивной метафоре, нуждается в языковом оформлении. Возникает ряд языковых метафор, т.е. буквальных, устоявшихся языковых выражений, которые раскрывают суть данного понятия. Языковые метафоры представляют собой возможные формы существования когнитивных метафор в языке. Например, содержание когнитивной метафоры *Speech is Physical Activity* реализуется в ряде языковых метафор: *to make a speech, to carry out a statement, to break the news, to put a question, etc.*

Когнитивные основания языковых метафор представляют собой своеобразный сгусток мыслительной деятельности. Каждое конкретное языковое воплощение когнитивного основания (языковая метафора) отражает типовую микроситуацию, закрепленную в долговременной

памяти [5, с. 6]. Однако наряду с фиксацией некоторой типовой ситуации действительности когнитивная метафора выражает и минимальный мыслительный акт: акт предикации какого-то признака определенной реалии (см. там же).

Мы попытались проанализировать основные значения ядерного глагола речевой деятельности в современном английском языке – глагола *to speak* – и на этой основе создать его когнитивную карту, с тем чтобы выявить основные направления, по которым идет образование метафор речевой деятельности в английском языке.

Среди основных значений данного глагола выделяются следующие [2, с. 507]:

1. Говорить, т.е. владеть устной речью, языком.

В этом значении отражена инструментальная функция языка как средства общения.

2. Изъясняться, словесно выражать мысли.

Данное значение подчеркивает двунаправленность речи, ее ориентированность, во-первых, на сознание, где происходит формирование мысли, и, во-вторых, на речевой аппарат, посредством которого мысли получают языковое оформление. Образуется триада: Сознание – Речь – Речевые органы, где как сознание, так и речевой аппарат осуществляют целенаправленное воздействие на речь, и речь, в свою очередь, воздействует и формирует каждый из них.

3. Произносить.

В зависимости от цели, которую преследует говорящий, его состояния, как эмоционального, так и физического, и ряда других факторов одно и то же высказывание может быть произнесено в разной форме: доступной для восприятия адресатом и завуалированной, создающей препятствия для нормального восприятия речи.

4. Высказываться, выражать мнение, обсуждать.

В этом значении также подчеркивается инструментальная функция языка.

5. Отзываться, характеризовать.

Здесь представлена функция характеристики.

6. Служить свидетельством, доказательством чего-то, говорить о чем-то.

7. Воздействовать на что-либо, кого-либо.

8. Грохотать, греметь (об орудиях), звучать (о музыкальных инструментах); глагол *to speak* употребляется в переносном смысле, будучи примененным к тем сущностям, предметам и явлениям,

которые при нормальном положении вещей не способны выполнять речевые действия.

Основываясь на анализе признаков глагола *to speak*, мы построили когнитивную карту этого глагола. На первом, базисном уровне классификации выделяется оппозиция "сообщение - несообщение". К несообщению можно отнести следующее: 1) отказ от сообщения; 2) неспособность к сообщению; 3) фиксация наличия речевого процесса; 4) изменения в ходе речевого процесса; 5) сопутствующие эффекты и ряд других. На следующей ступени сообщение подлежит классификации с двух сторон: с внутренней, т.е. выделению основных способов его построения, и внешней, т.е. указанию на форму, в которой оно протекает. Среди основных способов формирования сообщения можно выделить следующие: 1) фиксация информации; 2) ввод новой информации; 3) запрос информации (вопрос); 4) требование информации (просьба - приказ); 5) качественная оценка информации. Внешняя классификация предполагает разделение информации с точки зрения ее оформления. Сюда относятся: 1) эмоционально окрашенная речь; 2) невнятная речь; 3) витийственная речь; 4) многословная речь; 5) нелогичная речь; 6) пересеченная речь; 7) шутливая речь; 8) ласкательная речь и другие качественные характеристики речевого процесса.

Когнитивная схема глагола речевой деятельности *to speak* была использована нами при анализе МРД, были выделены основные признаки, которые послужили базой для формирования языковых метафор, и определены основные направления создания последних.

Так, в соответствии с когнитивным основанием "Язык - есть инструмент" формируется своеобразное видение речевого процесса как некоторого физического действия, а непосредственно речь может быть представлена как некий материальный объект, с которым производят разного рода операции. Возникает целый ряд метафорических номинаций, основанных на этой аналогии. Например,

to push one's claims, to mince one's words, to pledge one's words, to shape an answer, etc.

Когнитивное основание "Речь есть продукт умственной деятельности и органов речи" порождает такие языковые метафоры, как *to speak one's mind, to speak one's thoughts, etc.* Такая качественная характеристика речевого действия как "произносить некоторое высказывание отчетливо" в ходе ее переосмысления дает

возможность представить речь в иной форме, а именно как видоизмененную речь, звукоподражание. Например, *to snort out a reply, to stammer out a request, to roar somebody down, the old man squawked to the police, etc.* Качественно характеризуют речевой процесс и метафоры, созданные по когнитивным основаниям:

Язык есть оружие; речевые действия есть военные операции: *to shoot a line; to retort an argument; to intrude one's views; to inveigh against somebody, etc.*

Речевой процесс есть проявление природной стихии: *Questions were showered upon the new arrival; to inundate with requests for help; to bring a storm about one's ears, etc.*

Речевое поведение есть внешнее поведение человека: *Don't shuffle, give a clear answer; to smooth down somebody; to snap at somebody.*

Анализ МРД позволил внести некоторые коррективы в предложенную когнитивную карту глагола *to speak*. В наиболее общем виде информация может рассматриваться как сообщение со знаком плюс (+) и как сообщение со знаком минус (-) или несообщение. Сообщение (+) указывает на наличие определенного речевого высказывания, например: *To give somebody good words; He regaled us with the story*, а сообщение (-) - на его отсутствие: *To hold back information; to lose one's tongue; to leave something unsaid, etc.*

К несообщению, кроме того, можно отнести и информацию, которая фиксирует наличие речевого процесса, его ход, изменения в ходе речевого процесса и т.д., не передавая, однако, конкретного семантического содержания речевого высказывания. Например: *Don't let me monopolize the conversation; His voice rose in anger; Their dispute resulted in war, etc.*

Внутренняя классификация сообщения (см. 5 групп, выделенных выше) подлежит дальнейшему делению на подгруппы. Так, в группе I - фиксация информации - выделяются, например: а) собственно сообщение: *to render an account of one's behavior*; б) акцентирование: *to qualify a man as an ambitious self-seeker*; в) аргументирование: *to reason a person into a sensible course of action*; г) жалоба: *to moan out a plea for help*; д) информация-показ

to sketch out proposals for a new road; е) дезинформация: *to slant the news*. К группе 2 – ввод новой информации – можно отнести: а) заявление, объявление: *to take one's stand*; б) разглашение: *to splash news about*; в) разоблачение: *to split on somebody*; г) признание: *to reveal a secret*. Группу 3 – запрос информации – можно проиллюстрировать такими метафорическими номинациями: *to put a question to somebody*; *to raise a query*. Группа 4 – требование информации – объединяет: а) просьбу: *to solicit help*; б) приказ: *to shut one's mouth*; в) подстрекательство: *to solicit somebody to a revolt*; г) наставление, навязывание: *to insinuate one's ideas into somebody*; д) предупреждение, угрозу: *to splutter out a threat*. Группа 5 – качественная оценка информации – включает: а) упрек: *she heaped reproaches upon her sister*; б) брань: *to raspan insult*; в) перебранку: *to retort insult for insult*; г) восхваление: *to soft-soap*; *to sing somebody's praises*. Внешняя классификация МРД отражает форму, в которой подается информация. Например: 1) громкая речь: *to roard somebody deaf*; 2) быстрая речь: *to reel off a list of names*; 3) нелогичная речь: *she raved about the food she had in France*; 4) пересеченная речь: *he spatch-cocked into his speech a curious passage about...*

Таким образом, анализ значений ядерного глагола речевой деятельности – глагола *to speak* – позволил выделить те основные направления, по которым осуществляется процесс метафоризации речевой деятельности в английском языке. Признаки, которые в результате их переосмысления породили наиболее продуктивные звенья метафорических наименований, являются когнитивными основаниями данных языковых метафор. Когнитивная схема лексических единиц со значением речевой деятельности позволяет с большей степенью достоверности восстановить происходящий в сознании человека процесс порождения и воспроизведения сообщений. Этот процесс может быть объективно представлен через последовательное развитие когнитивных процессов, находящих свое воплощение в языковой форме.

Список литературы: 1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс (вступит. статья) // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32. 2. Большой англо-русский словарь. – М., 1979. – Т. 2. 3. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова "память" // Логиче-

Анализ языка: Культурные концепты. - М., 1991. - С. 85-91. " :
4. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления
// Вопр. языкознания. - 1990. - № 6. - С. 125-134. 5. Сергеева В.И.
Пропозитивно-истинностная номинация // Язык, дискурс и личность. -
Тверь, 1990. - С. 3-8.

Поступила в редколлегию 10.12.90.

Л.Я.СУВОРОВА, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ О СОЧЕТАЕМОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОЦЕНОЧНЫМИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ С ДОМИНАНТОЙ *good* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРЕХ ПОДЪЯЗЫКОВ)

В лингвистических исследованиях последних лет большое внимание уделяется проблеме сочетаемости слов. В ряде работ освещаются теоретические и практические аспекты этой проблемы. Однако еще не разработана теория сочетаемости языковых единиц, не сформулированы правила сочетаемости слов [3]. Изучение сочетаемости лексических единиц рассматривается как одна из важнейших задач современной лингвистики. Интерес исследователей к проблеме сочетаемости объясняется большими возможностями, которые дает изучение сочетаемости в плане исследования значения слова, его смысловой структуры, реальных и потенциальных связей слов, функционирования слов в различных типах предложений или словосочетаний.

Изучение закономерностей сочетаемости слов должно содействовать как разработке проблем теоретической лексикологии и грамматики, так и методике обучения иностранному языку [1; 2].

Единица языка, слово, не существует в языке изолированно, оно вступает в лексические и синтаксические сочетания по законам языковой структуры, которые носят вероятностный характер, в соответствии с сочетательными возможностями.

При изучении значения слова необходимо учитывать совокупность его употреблений, сочетаемость его с другими словами, совокупность контекстов изучаемого слова, словосочетания [6]. Семантика слов детерминирует их сочетаемость. Значительный интерес в этой связи приобретает сочетаемость имен существительных с прилагательными, и, в частности, с оценочными прилагательными с доминантой *good*.

Большое внимание в нашей работе уделяется лексической сочетаемости исследуемых оценочных прилагательных, выявлению их окружения, слов, с которыми они сочетаются в речи-тексте, условиям реализации сочетаний. Исследование лексической сочетаемости анализируемых языковых единиц дало возможность определить семантическую близость оценочных прилагательных и их синонимов.

Для определения сочетаемости рассматриваемых слов важно было установить, какие сочетания изучаемых слов широко используются, являются наиболее типичными; эту задачу помог выполнить валентностный и структурно-вероятностный анализ с применением ЭВМ ЕС-1066.

Валентность рассматривается нами как способность к сочетаемости, а сочетаемость — как реализованная в речи-тексте валентность.

Изучение функционирования определяемых существительных имеет важное значение для исследования семантики определяющих прилагательных: дифференциальные признаки, отличающие один семантический компонент значения анализируемых прилагательных от другого, устанавливаются в зависимости от семантического класса (СК) и конкретного лексического содержания определяемых существительных.

Из общего числа существительных, синтаксически и семантически связанных с исследуемыми прилагательными, нами выделены для исследования семь СК существительных:

1) имени деятеля, лица (*Sm*), например: *a girl, a boy, a poet, father, a wife*;

2) обозначения процесса, действия (*Sp*), например: *celebration, return, selection, support, start*;

3) названий предметов, изготовленных человеком (*Sf*), например: *suit, magazine, bed, house, table*;

4) названий объектов и явлений природы (*Sn*), например: *day, land, rain, seashore, weather*;

5) названий абстрактных понятий (*Sa*), например: *care, belief, life, knowledge*;

6) названий животных (*Sz*), например: *pig, bird, animal, dog, fish*;

7) названий коллективов (*Sc*), например: *company, society, party, class, club*.

Исследование проведено на большом текстовом массиве (83 произведения современных английских и американских авторов, 998 английских и американских газет) трех подязыков: авторской речи, драмы (диалога), общеполитического. Объектом исследования послужили оценочные прилагательные с доминантой *good: fine, nice, honest, beneficial, favourable, excellent, honourable*.

Как показали данные статистического исследования, анализируемые прилагательные распределялись в рассматриваемых подязыках следующим образом: в основную подгруппу подязыков авторской речи и драмы (диалога) вошли прилагательные: *good, fine, nice, honest*; в основную подгруппу общеполитического подязыка: *good, beneficial, favourable, excellent, honourable*; в периферийные подгруппы подязыков - остальные прилагательные из названного ряда.

В работе рассматривается сочетаемость имен существительных с оценочными прилагательными основных подгрупп. Так, у существительных, определяемых исследуемое прилагательное (III) *good*, в трех подязыках проявилась тенденция к отрицательной валентности, что является общим вероятностным признаком (ОВП) трех подязыков.

Положительная валентность или тенденция к положительной валентности обнаружена у существительных, определяемых III *nice, fine, honest* в подязыке диалогической речи и *nice* в подязыке авторской речи.

Для иллюстрации сказанного приведем примеры из подязыка диалогической речи:

I think him... the *honestest* man (Russel I. "Nelson and the Hamiltons". - London: Penguin Books, 1972. - 516 p.

You were always the *honestest* woman I ever knew (Banks "The L-Shaped...", p. 127)

He was a *fine* fellow (Greene "Travels...", p. 48)

He's a very *nice* person (Wilson "Live...", p. 44).

Положительная валентность или тенденция к положительной валентности у существительных, сочетающихся с III *honest, nice*, является ОВП двух подязыков: драмы (диалога) и авторской речи.

Характер сочетаемости исследуемых прилагательных с существительными семакласса имени деятеля (СК Sm) в рассматриваемых подязыках обусловлен главным образом языковыми закономерностями. Положительная валентность названных существительных,

сочетающихся с ИП *fine, nice, honest* в подъязыке диалогической речи, с ИП *nice* в подъязыке авторской речи, и отрицательная валентность существительных с ИП *good* в авторской речи и ИП *good, favourable, excellent* в общеполитическом подъязыке отражают внутрисистемные отношения. Имеет место вероятностная дополнительная дистрибуция (ВДД) между существительными, сочетающимися с ИП *good* и ИП *nice* в подъязыке авторской речи: чем ниже коррелятивная функция второго порядка (КФ) у существительных, определяемых *good* (0,92), тем выше КФ у существительных с ИП *nice* (1,86).

Существительные семакласса названий предметов, изготовленных человеком (СК *Sf*), сочетающиеся с ИП *good, nice, fine* в подъязках авторской и диалогической речи, *good, favourable* в общеполитическом подъязыке, проявляют сходство валентностных характеристик. Оно выражается в тенденции к отрицательной валентности, о чем можно судить по их КФ меньше 1 и их интервалам вариаций КФ, находящимся в нейтральной и отрицательных зонах. Названная тенденция является ОВП трех изучаемых подъязыков.

У существительных, определяемых ИП *excellent* в общеполитическом подъязыке, обнаружена тенденция к положительной валентности в пределах указанного семакласса. Эта тенденция является вероятностным дифференциальным признаком (ВДП) этих существительных.

Существительные СК названий коллективов (СК *Sc*) и обозначений процессов, действий (СК *Sp*), сочетающиеся с ИП, распределяются в рассматриваемых подъязках равномерно.

У существительных семакласса названий коллективов (СК *Sc*) с ИП *good, favourable* в общеполитическом подъязыке проявляются сходные валентностные характеристики: отрицательная валентность и тенденция к отрицательной валентности.

Тенденция к положительной валентности обнаружена у существительных СК *Sp* с ИП *honourable, beneficial* в общеполитическом подъязыке.

Количественные показатели сочетаемости определяемых существительных с ИП свидетельствуют о том, что сочетания существительных СК названий абстрактных понятий (СК *Sa*), названий объектов и явлений природы (СК *Sn*), названий животных (СК *Se*) с большинством ИП не характерны для анализируемых подъязыков.

Существительные *CK Sa* вступают в сочетания с ИП *good*, *favourable* в общеполитическом подязыке. У этих существительных проявляется тенденция к положительной валентности (их КФ соответственно: 2,66; 1,92).

Таким образом, количественно-качественный анализ сочетаемости существительных с оценочными прилагательными с доминантой *good* в трех подязыках дал возможность обнаружить наиболее характерные для подязыков сочетания имен существительных с оценочными прилагательными и выявить имена существительные выделенных семакласов, не характерные для рассматриваемых подязыков.

Список литературы: 1. Вільямс В.Г. Про синоніми (на матеріалі сучасної англійської мови) // Іноземна філологія. - Львів, 1967. - С. 35. 2. Волкова Н.О., Гинзбург В.З., Перебийнос В.И. Исследование сочетаемости и некоторые проблемы изучения словарного состава // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Тез. докл. - М., 1977. - Ч. 1. - С. 80-81. 3. Костина Л.Т. Исследование группы прилагательных возраста в современном английском языке (в сопоставлении с русским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1978. - С. 5. 54. Моисеев А.И. Некоторые вопросы теории словосочетаний // Филол. науки. - 1977. - № 2. - С. 57. 5. Полянский А.Н. Смысловая и лексическая сочетаемость // Там же. - 1981. - № 3. - С. 72. 6. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. - М., 1956. - 260 с. 7. Тер-Минасова С.Г. Словосочетания в современном английском языке // Филол. науки. - 1978. - № 5. - С. 68.

8. Banks L.R. The L-Shaped Room. - New York : Simon and Schuster, 1961. - 320 p.
9. Green G. Travels with My Aunt. - New York: Viking Press, 1970. - 244 p.
10. Russell I. Nelson and the Hamiltons. - London: Penguin Books, 1972. - 516 p.
11. Wilson M. Live with Lightning. - Moscow: Languages Publishing House, 1957. - 584 p.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

ЕЩЕ РАЗ О БУДУЩЕМ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ И ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

Как утверждают обществоведы, категория будущего чем дальше, тем больше выдвигается на первый план в современной жизни и научном познании. Будущее тесно связано с одним из ценнейших свойств человеческого коллектива – со свойством активности [2, с. 68]. Неудивительно поэтому, что эта категория как никогда ранее привлекает сегодня внимание физиологов и психологов, о явлении упреждения говорят кибернетики, усилению обсуждаются вопросы прогнозирования в социальных, в частности экономических, науках.

В лингвистике (суб)категория будущего времени также принадлежит к числу явлений, интерес к которым не ослабевает у языковедов на протяжении десятков лет. Будущее представляет собой обширный и коммуникативно важный участок языка, тесно соотносящийся со сферой деятельности человека. Человек по своей природе устроен так, что все его надежды устремлены в будущее, без которого жизнь становится бесперспективной. "Все наши действия рассчитаны на удовольствие в будущем – насколько вероятно оно и долго ли ждать. От этого зависит, стоит ли напрягаться сегодня" [1, с. 13].

Специфика языкового будущего в английском языке обусловлена существованием многих сложных, не до конца разрешенных проблем. Вопрос о статусе футуральности и месте будущего времени в английской видовременной системе вызывает в англистике многолетние споры по ряду причин. Основная причина разногласий заключается в так называемой "слабости" категории будущего, с которой пересекаются модальные категории. Эту "слабость" усматривают и в своеобразии морфологического оформления (аналитическая конструкция), которое стимулировано смысловой стороной данной категории, содержащей сильный модальный оттенок (выделение *sculan* и *vilan* прозрачно мотивировано их модальным значением), и в том, что английский язык стратифицирует будущее не так детально, как зону прошедшего или даже настоящего, и в полифункциональности форм передачи будущего и их разнообразии. Поэтому как грамматическая категория английское будущее время – *shall/will Future* – либо вообще отрицается рядом ученых, либо рассматривается как одно из средств выражения модальности в английском языке.

В правильной интерпретации временных отношений в языке важна роль принадлежит диалектико-материалистическому принципу от-

ражения. В отражении же действительности всегда участвует субъект, без которого не может быть правильного отражения окружающего мира. Поэтому на первый план в исследованиях последних лет закономерно выдвигается эгоцентрический аспект использования временных форм в общении, тексте, когда точкой отсчета в темпоральном дейксисе выступает Я, представленное говорящим.

В сознании говорящего субъекта — индивидуальном и коллективном — время отражается как совокупность трех времен: перцептуального настоящего, перцептуального прошедшего и перцептуального будущего, которые представляют собой "слепки" с отношений событий в реальной действительности и раскрывают, по-видимому, универсальные свойства ее временной структуры. В теории отражения постулируется, что языковое время есть отражение (конечно, в преломлении через сознание) реального, физического времени. Поэтому разгадку такого своеобразного явления как футуральность следует искать в самой "действительности жизни". В действительной же жизни будущее не определено, события, относящиеся к нему, эвентуальны. Отсюда — проблематичность, связанная в человеческом сознании с будущим, его "бесплотность", нематериализованность как не данного в опыте.

Будущее онтологически и эпистемологически несопоставимо с прошедшим в том смысле, что "процесс в прошедшем — это факт, о котором говорят объективно; процесса в будущем нет, на него надеются или его опасаются; невозможно говорить о будущем, не внося в свою речь определенного оттенка аффективности" [9, с. 262]. Некоторые исследователи [8, с. 22] считают эту разницу в статусе между будущим и прошедшим основной причиной того, в частности, что дети обычно овладевают формами будущего времени, более подверженными модальным интерпретациям, позже, чем формами прошедшего.

Однако в практике людей, в конкретных коммуникативных ситуациях будущее время всегда обозначает вполне определенные события, иначе люди не могли бы планировать свои действия [4, с. 223]. Человеку в процессе своей жизнедеятельности приходится постоянно обращаться к будущему, соотносить с ним свой сегодняшний день. Не вполне правы, на наш взгляд, те лингвисты, которые утверждают, что *the Future is a tale untold, a mirage of events unfulfilled*.. [7, с. 92]. Будущее для человека реально, потому что в нем осуществляются реальные возможности, выражающие тенденции объективных закономерностей, направленность процесса развития. Следовательно, органическое слияние понятий будущности и модальности как универсальное явление объясняется физическим фоном: будущее —

это то, что должно быть, но чего еще нет. Отсюда рефлекс в грамматике языка — конкуренция форм будущего времени и модальности — также как универсальное явление.

Известно, что словосочетания, узуально относящие процесс к временному плану будущего, во всех современных германских языках менее полно включены в парадигму, чем другие аналитические формы, что объясняется общеизвестным историческим фактом развития будущего времени из модальных форм. В большинстве как индоевропейских, так и неиндоевропейских языков будущее время имело в основном общие тенденции развития и строилось на основе слов, семантика которых была связана с фактором эмоциональности — выражением желания, намерения и т.п. Историками языка было доказано, что в вульгарной латыни синтетическое будущее время классической латыни было повсеместно замещено перифрастическими формами с *habeo* и *volo*; это было, по сути, аналитическое будущее с модальной или видовой направленностью. Причем такая трансформация синтетической формы будущего произошла не только в вульгарной латыни, но и в других языках, в частности, современном греческом, болгарском, албанском, сербохорватском, персидском. В дальнейшем же во многих языках, в том числе романских, эти вновь образованные аналитические формы опять становились временными, иногда сливаясь при этом в одно слово, иногда сохраняя аналитическую структуру. Затем они обычно вновь "замещаются" либо формами настоящего времени, либо новыми модальными перифразами типа франц. *j'ai à faire, je vais faire*.

Чем же объяснить такие всегда осуществляющиеся в одном и том же направлении замены? Объяснение кроется, по-видимому, в свойственной человеческой психике и человеческому языку двойственности этой категории, которую Л.Шпитцер [10, с. 176] определил как "вечную пропасть между логическим и аффективным. Будущее колеблется между двумя полюсами: чисто временным и модальным полюсом" [5, с. 257]. Ибо, с одной стороны, говорящий занимает по отношению к будущему субъективную позицию и соответственно стремится выразить это понятие посредством модальных форм, "потому что этого требует аффективное", с другой стороны, эти модальные формы неизбежно "грамматикализируются" и становятся временными, "потому что этого требует логика".

По причине этой двойственности, предполагающей две разные цели выражения — как субъективную (проявление позиции говорящего), так и объективную (описываемое фактическое положение вещей), —

футуральный дейксис "вынужден" проявлять тонкую контекстную чувствительность, ибо в каждом конкретном случае употребления он более чем любая другая форма языкового времени обязан подчиняться воле говорящего, связывая смысл и интерпретацию будущего действия с данным человеком. Следовательно, в каждом отдельном случае форма будущего должна контекстуализироваться и осмысливаться в зависимости от прагматических факторов — обстоятельств произнесения, имплицитного содержания и пр., и эта ситуативность представляется наиболее выразительной особенностью футурального дейксиса в любом языке.

Недаром наибольшая частота употребления *shall/will* структур отмечается в английской прямой речи, главным образом в диалоге, что опять же имеет под собой прагматическую основу, ведь именно диалог, как известно, более всего подчинен психологии межличностных отношений.

Из сказанного следует, что, так же как формы прошедшего или настоящего, *shall/will* будущее вполне способно фигурировать в высказываниях о фактических событиях, если говорящий делает акцент на объективной стороне сообщаемого факта: *It'll be spring soon. She'll be able to come. I'll be forty next year.*

В подобных высказываниях вряд ли можно усмотреть какие-либо модальные коннотации волеизъявления, желания или возможности, как нет их и в аналогичных случаях употребления, например, презенса: *It is spring now. She is able to come. I'm forty this year.*

Не обладая типичными коннотативными значениями, футурум в подобных употреблениях не влияет также и на экспрессивно-стилистическую информацию высказывания. К сказанному можно добавить, что в любом языке, имеющем, например, императив и будущее время индикатива, приказ, отданный в форме будущего времени, звучит более категорично и безапелляционно, чем в форме императива: *You'll leave my mother alone, Heron. I won't have her upset (Rance),* так как представляет будущее действие как констатируемый факт, и, следовательно, зависимость действия от инициативы его субъекта, так же как и от других факторов, представляется равной нулю [6]. Другим убедительным показателем возможности устранения субъективного модуса у *shall/will Future* можно считать довольно обычное употребление данных форм в научных текстах — формулировках, описаниях опытов, изложениях теорий и закономерностей, для чего модально мотивированные футуральные значения совершенно

непригодны. В качестве аргумента в пользу парадигматизации *shall/will* структур можно привести и их прогрессирующее влияние на глагол, когда десемантизация, происходящая в форме, привлекает в данный процесс и собственно модальные единицы: *She'll want to get married. I'll need to have new clothes. I'll have to be content with that, won't I? (Rance)*. Непредким является также употребление *shall/will Future* в сопровождении лексических единиц типа *I'm sure, I expect, I hope, It is possible that..., Probably, Perhaps* и т.п. В тех случаях, когда говорящий чувствует необходимость придать чисто временным формам будущего необходимый в подобных высказываниях оттенок модальности: *Come and see the barn, I hope it'll make a lovely tea-shop (Rance)*.

Таким образом, основания для сведения сущности английского будущего к модальности представляются не вполне четкими (т.е., конечно же, допускается модальность английского языкового будущего в том смысле, в каком модально любое будущее).

Для оценки роли модализирующих факторов в функционировании футуральных форм следует подчеркнуть, что различные атемпоральные функции глагольных форм времени вовсе не снимают их темпоральных значений, поскольку функция любой грамматической формы вообще шире, чем ее значение. Ведь если мы станем признавать грамматический статус только за теми формами глагола, для которых временная референция действия является их единственной функцией, то тогда нам вообще придется отказаться от понятия "грамматическая временная форма" (*tense*) в английском и других языках. Абсолютно прав В.Я.Плоткин (цит. по: [3, с. 39]) в том, что в полной десемантизации вспомогательных глаголов вообще нет необходимости: у них должны быть исключены только семантические признаки, не совместимые с основной функциональной ролью в грамматической системе, а все то, что не препятствует выполнению этой роли, может быть сохранено. Следовательно, семантическая неоднородность и многозначность (вообще характерная для многих аналитических и не только аналитических словоформ) также не могут служить препятствием для включения *shall/will* будущего в парадигму английского глагола.

В прагматическом смысле для футуральных дейктических единиц более, чем для других форм темпорального дейксиса, характерны "шифровые свойства", т.е. подвижность, варьирование референции в личностном плане в связи со сменой ощущения говорящим характера

будущего действия или события, степени его реальности и объективности. Если же точку зрения говорящего игнорировать, то это как раз и приведет к отрицанию грамматического будущего в любом языке и отождествлению категорий модальности и фyuтyральности.

Список литературы: 1. Амосов Н.Ф. Коэффициент реальности будущего // Лит. газ. - 1988. - № 40. 2. Аскин Я.Ф. Категория будущего и принципы ее воплощения в искусстве // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. - Л., 1974. 3. Биренбаум Я.Г. О форме будущего времени грамматической категории времени английского глагола // Филол. науки. - 1983. - № 1. - С. 28-35. 4. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Морфология. - М., 1986. - 244 с. 5. Кюсеру Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. - М., 1963. - С. 143-343. 6. Сабанеева М.К. К проблеме наклонения в связи с лингвистической концепцией Г.Гийона // Филол. науки. - 1979. - № 2. - С. 31-40. 7. Close R.A. English as a Foreign Language. - London: George Allen & Unwin, 1962. - 371 p. 8. Fleischman S. The Future in Thought and Language. Cambridge: Univ. press, 1982. 9. Meillet A. Esquisse d'une histoire de la langue latine. - Paris, 1928. 10. Spitzer L. Über das Futurum cantare habeo // Aufsatz zur romanischen Syntax und Stilistik. - Halle. - p. 17-45.

Поступила в редколлегию 03.10.90.

И.Е. ФРОЛОВА, канд. филол. наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ РЕАКЦИЮ

В настоящее время значительно возрос интерес исследователей к собственно языковым особенностям разговорной речи в их взаимосвязи с экстралингвистическими условиями ее функционирования. Одним из аспектов такого изучения разговорной речи является анализ влияния эмоционального состояния говорящего на структурирование процесса речевой деятельности, выявление зависимости особенностей речевых характеристик от особенностей состояния говорящего. Изу-

чении данного аспекта разговорной речи является несомненно важным и необходимым, так как невозможно представить себе человеческое общение без эмоционального компонента. В.И. Ленин отмечал, что "без "человеческих эмоций" никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины" [1, с. 112]. Особенность эмоций, как подчеркивает А.Н. Леонтьев, состоит в том, что они выполняют роль внутренних сигналов, отражающих "... оценочное личностное отношение субъекта к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и к своим проявлениям в них" [2, с. 37]. По мнению К.А. Долинина, "... всякая речь, даже сугубо интеллектуальная, должна протекать на определенном эмоциональном фоне, сопровождаться и поддерживаться эмоцией до тех пор, пока речевое действие не завершено, цель не достигнута" [3, с. 230].

Известно, что эмоции человека различны по степени своей интенсивности, в зависимости от характера ситуации и других экстралингвистических факторов. При этом повышение степени интенсивности эмоции, связанное, как правило, с эмоциогенной ситуацией, оказывает дезорганизующее воздействие на процесс речевой деятельности. "Можно, по-видимому, утверждать, что чем речь эмоциональнее, тем более зыбким и неопределенным является ее предметно-логическое содержание" [3, с. 233]. Исходя из этого, ряд исследователей как английского, так и других языков избрали объектом изучения речевую деятельность человека, находящегося в состоянии стресса, эмоциональной напряженности. В качестве примера можно привести интересное экспериментальное исследование Э.Л. Носенко [4], сравнившей речевую деятельность нескольких групп испытуемых в обычном состоянии и в состоянии эмоциональной напряженности.

Однако целью настоящего исследования является изучение выражения эмоций в обычных, повседневных ситуациях общения, не характеризующихся высокой степенью эмоциональной напряженности. Мотивировкой данного выбора может служить тот факт, что речевые акты, выражающие эмоциональную реакцию, являются менее изученными, чем речевые акты других типов. Кроме того, в плане практического применения такое исследование представляется более полезным, так как обучение выражению эмоций на иностранном языке в обычных ситуациях возможно и необходимо, в то время как довольно трудно представить себе обучение выражению эмоций на иностранном языке в состоянии стресса.

Необходимо отметить, что речевой акт может отражать эмоцию лишь попутно, помимо своей основной иллокутивной направленности. Эмоциональный компонент в таких случаях дополняет или модифицирует основное прагматическое содержание высказывания. В то же время в других речевых актах выражение эмоции представляет собой основную иллокутивную роль речевого акта, ради которой он предпринят. (Отметим, что не всегда возможно четко провести границу между первыми и вторыми).

Речевые акты, основным коммуникативным содержанием которых является выражение эмоций, нам представляется возможным обозначить термином "экспрессивы", так как по определению Дж. Серли "иллокутивная цель этого класса — в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условиями искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания" [5, с. 191].

Исследуя класс экспрессивов, в первую очередь приходим к выводу о том, что иллокутивная сила в них может быть представлена как поверхностно, эксплицитно (в случае наличия перформативного глагола либо других средств, эксплицирующих интенцию говорящего), так и имплицитно. Ср.: *Thank you! What a lovely lot of money!* Однако даже в случае наличия в экспрессиве средств эксплицитного выражения иллокутивной силы необходим учет общего контекста для однозначного определения характера эмоции. В случае иронии, например, только общий контекст дает возможность правильно понять интенцию говорящего. Кроме того, наличие перформативного глагола в составе экспрессива не всегда связано с экспликацией характера эмоции: если глагол *to thank* соответствует благодарности, то глагол *to congratulate* лишь свидетельствует о положительном знаке эмоции (в случае соответствия контекста этому знаку). Следовательно, наличие в составе речевого акта эксплицитных средств выражения эмоции (эмоционально маркированной лексики, в том числе ряд перформативных глаголов) позволяет сделать вывод только о том, что данный речевой акт относится к классу экспрессивов, знак и характер эмоции определить возможно лишь с учетом контекста. При этом необходимо отметить, что речь идет о формальных синтаксических моделях повествовательного типа, поскольку формально директивные, вопросительные и вокативные синтаксические модели могут выступать только в роли косвенных экспрессивов.

Помимо эмоционально маркированной лексики, чертами, позволяющими отнести речевой акт к классу экспрессивов, являются: интонация (в художественной литературе эксплицирующаяся авторскими ремарками); особенности синтаксической структуры (повторы, прерывистость): "It's awful, awful," she kept saying (A.Christie); особые синтаксические модели (в частности, номинативные и инфинитивные):

"Linnet as mistress of Charltonbury!" (A.Christie)

"To be treated like this!" (W.S.Maugham).

Для многих экспрессивов характерна форма восклицательного предложения.

Часто не одна, а более черт свидетельствуют об отнесенности речевого акта к классу экспрессивов (например, номинативное предложение, в составе которого имеется эмоционально маркированная лексика, и др.), поскольку наличие одной черты не является достаточным основанием для определения типа речевого акта. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим лишь, что, определяя класс экспрессивов как речевых актов, выражающих эмоциональную реакцию говорящего, представляется возможным отнести к данному классу все те речевые акты, содержание которых может быть передано при помощи модели: I estimate that X is good/bad.

I express my X (surprise, gratitude, etc.)

Вторая модель необходима для тех случаев, в которых затруднено определение знака эмоции (положительность/отрицательность). Хотя экспрессивы и выражают оценку ситуации, оценка, как известно, возможна не только по шкале хорошо/плохо [6] .

Рассмотрим также некоторые особенности функционирования экспрессивов, в частности, их синтагматические связи. Очевидно, что данные речевые акты имеют реактивный характер, поскольку эмоция есть реакция человека. При этом экспрессивы не обязательно представляют собой реакцию на вербальное действие, возможно выражение эмоции по поводу невербальных, экстралингвистических действий и ситуаций. Однако наиболее распространенными являются все же экспрессивы, представляющие собой реактивные речевые акты.

Если рассматривать их в системе коммуникативного взаимодействия, лежащего в основе диалога, предложенной О.Г.Почепцовым [7, с. 50-55], то экспрессивы, как правило, появляются на стадии получения сообщения оператором Y , после стадий: интенция - оператор X , формирование сообщения - оператор X , реализация сообщения - оператор X , отправление сообщения - оператор X , доставка сообщения - оператор X . Сообщение оператора X , которое может быть представлено речевым актом практически любого типа, вызывает эмоциональную реакцию оператора Y , реализующуюся при помощи экспрессива. После получения сообщения (оператор Y) происходят: обработка сообщения - оператор Y , интенция - оператор Y , формирование сообщения - оператор Y , реализация сообщения - оператор Y , отправление сообщения - оператор Y , доставка сообщения - оператор Y . На этом обычно процесс развертывания не обрывается, так как получение сообщения, представленного экспрессивом, оператором X вызывает, в свою очередь, со стороны оператора X ответное речевое действие. Причем реакцией на экспрессив могут быть речевые акты различных типов. Наиболее распространенными являются сочетания:

1) экспрессив- экспрессив:

-Congratulations!

-Thank you!

2) экспрессив - репрезентатив:

"What a lovely baby!"

"This is my cousin" (I.Shaw)

3) экспрессив - директив:

"It's awful, awful!"

"Stop this at once!" (A.Christie)

"It's so strange!"

"What surprises you?" (I.Shaw)

Комиссивы реже встречаются в качестве реакции на экспрессив, вокативы практически не встречаются.

Краткий анализ синтагматических связей экспрессивов приводит, таким образом, к выводу о том, что эти связи у класса экспресси-

вов более разнообразны, чем у речевых актов, относящихся к другим классам (например директивов).

В данной статье рассматривались лишь прямые речевые акты экспрессивы, в то же время в современном английском языке довольно широко распространены и косвенные экспрессивы, представленные формальными моделями директивного, вопросительного, вокативного типов, реже формально повествовательными синтаксическими моделями без маркеров эмоциональности. Исследование употребления косвенных экспрессивов показало, что в плане синтагматических связей они большей частью аналогичны прямым речевым актам экспрессивам, т.е. перечисленные выше характеристики свойственны также и им.

Даже столь краткое исследование характеристик речевых актов экспрессивов свидетельствует о перспективности их дальнейшего изучения с целью выявления корреляций между определенными лингвистическими моделями, служащими для выражения эмоционального состояния, и экстралингвистическими характеристиками их функционирования, описания потенциала языковых средств современного английского языка, использующихся для выражения эмоций, определения характера взаимодействия речевых актов экспрессивов с речевыми актами других типов, т.е. изучения их дискурсивных характеристик. Интересным и полезным как в теоретическом, так и в практическом плане представляется также сравнительное исследование прямых и косвенных экспрессивов.

Список литературы: 1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т. 25. - С.112. 2. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. - М., 1971. 3. Долиннин К.А. Стилистика французского языка. - Л., 1978. 4. Носенко Э.Л. Эмоциональное состояние и речь. - Киев, 1981. 5. Серль Дж. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16. - М., 1986. - С. 210. 6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. - М., 1985. 7. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. - Киев, 1986.

Поступила в редколлегию 11.10.90.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МИКРОПОЛЕЙ СФЕРЫ МАЛОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Факты различных языков свидетельствуют о том, что функционально-семантические категории сферы малости взаимодействуют. В этой связи можно выделить три взаимосвязанных области, соотносящих с оценкой количественных и качественных явлений.

1. Сфера чистого количества – функционально-семантическое поле количественности, которое имеет сложную структуру и членится прежде всего на два поля второго ранга: определенного количества и неопределенного количества. Первое из них состоит из двух полей третьего ранга: единичности и нумеральности. Второе также образуется из двух микрополей третьего ранга: множественности и оценки неопределенного количества [1]. Микрополе неопределенного количества включает в себя два микрополя: неопределенно большого количества (НБК) и рассматриваемое ниже микрополе неопределенно малого количества (НМК), формирующееся вокруг своего ядра – гиперлексемы (a) little.

2. Сфера качества – функционально-семантическое поле качественности, средства которого включают множество разновидностей этого смысла, например предметную качественность (отцовский дом), временную качественность (вчерашний хлеб), локальную качественность (здешний климат) и др. К данному классу явлений относят и параметрическую качественность (обозначение высоты, глубины, толщины, длины, ширины, веса и величины, размера). Значение параметричности, в частности размерности, нельзя отнести только к чисто количественным или чисто качественным явлениям. Параметричность (в частности размерность) – качественно-количественное явление, связанное с субъективной оценкой, выражением в языке наивной ("психологической" [2]) геометрии и наивной физики, что принципиально отличается от количественных и количественно-качественных определений точных наук. В пределах поля размерности выделяется микрополе малой размерности, формирующееся вокруг ядерных конститuentов little и small.

3. Поле интенсивности – преимущественно качественно-количественное поле, формирующееся вокруг функционально-семантической категории интенсивности, служащей для выражения количественных градаций

качественного признака в рамках данного качества, либо же — более узко в сфере чисто количественных явлений — для выражения градаций оценочно-количественного признака. Интенсивность следует ограничивать от квантификаторов и параметрических значений, так как квантификаторы и значения параметричности отражают непосредственные признаки предметов и явлений, а значения интенсивности выражают признаки признаков. Функционально-семантическое поле (ФСП) интенсивности включает в свой состав два микрополя: сильной интенсивности (интенсификации, усиления) и слабой интенсивности (деинтенсификации, модерации, ослабления). Рассматриваемое здесь микрополе слабой интенсивности содержит разноуровневые языковые средства, обозначающие снижение, убывание количества признака относительно определенной нормы качества. Ядром этого микрополя является та же гиперлексема *(a) little*.

Все описанные выше явления соотносятся между собой через категорию градуальности — особое свойство (как существующее объективно, так и данное в познании), способность проявляться в разной степени, большей или меньшей. Категория градуальности [3] в самом широком смысле связана со всеми явлениями, которые соотносятся с оценкой (аксиологической, параметрической, чисто количественной), и отражает способность признака выступать в той или иной степени своего проявления относительно нормы этого признака.

Таким образом, функционально-семантические микрополя сферы малости имеют сложное строение и расплывчатые, размытые границы, переходя друг в друга на основе общности семантики их конститuentов.

В английском языке рассматриваемые нами средства выражения понятия малости можно подразделить на четыре группы.

1. Языковые единицы со значением только малости количества — конститuentы микрополя НМК: *(a) few, a piece, a portion, a fragment, a crumb, a drop, a share, a sip, a handful, scanting* и др.

2. Лексические единицы со значением только малой параметричности; конститuentы микрополя малой параметричности: *narrow, short, shallow* и др.

3. Лексические единицы со значением только малой, слабой интенсивности — конститuentы микрополя ослабления: *faintly, slight(ly), somewhat* и др.

4. Языковые единицы, которые могут одновременно являться конститuentами нескольких полей со значением малости: малой параметричности, величины, малой, слабой интенсивности и малой количественности или находиться в зонах пересечения, переходов этих полей друг в друга: *small, little, less, low, light(ly), a bit, a trifle, half, semi-, partly, tiny, petty, puny* и др.

Эта последняя группа лексических единиц наиболее многочисленна и интересна для изучения.

В некоторых лингвистических работах понятия слабой интенсивности, малой количественности и малой величины вообще не разграничиваются [4], что является результатом смежности лексических смыслов единиц, входящих в оценочные поля малости. Положение о совместности многих проявлений "градуальности" впервые философски и лингвистически было проанализировано Э.Сэпиром.

Мы рассматриваем явления малой количественности, малой параметричности и малой, слабой интенсивности как взаимодействующие, переходящие друг в друга типы семантики языковых единиц, выражающие взаимосвязанные, но не тождественные функционально-семантические категории.

Данное утверждение можно подтвердить уже анализом гиперлексемы (a) little, ядерной для всех микрополей сферы малости.

Прилагательное little не раз становилось объектом лингвистического исследования. При этом одними авторами отстаивается точка зрения, согласно которой little практически перестало быть индикатором малости объекта речи, а передает информацию о ласковом или уничижительном отношении говорящего к денотату [5]. Другие же исследователи считают, что little наряду с прилагательным small является конституентом полей сферы малости, хотя по сравнению со small тяготеет к большей абстрактности [6].

По нашему мнению, ядерное слово (a) little многопланово. Наличие целого ряда ЛСВ в структуре его значений обуславливает его принадлежность к нескольким оценочным полям сферы малости.

Как конституент микрополя неопределенно малого количества (a) little означает: малость, незначительность количества (*give me a little butter*), короткие промежутки времени (*a little while*), малость расстояния (*a little way*), малый возраст (*a little child*).

В поле малой параметричности little обозначает незначительную величину, малый размер (*a little house, a little finger*).

Как конституент микрополя слабой интенсивности (a) little может обозначать: малость, слабость, незначительность проявления (*little advantage, I know him a little*), малую степень (*little-known authors, it's little more than speculation*).

В определенных контекстах при употреблении little с существительными, в том числе именами собственными, появляется

оттенок эмоциональности, а именно положительного или отрицательного отношения: "Little Norma, who'd she marry?" (I. Shaw).

"What a poor little creature!" (P. Wodehouse).

"You poor bloody little snob" (D. du Maurier).

Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что существуют случаи употребления слова (a) little, которые нельзя категорично отнести к одному лишь определенному полю сферы малости, например в таких словосочетаниях, как *to know a little*, *to do little*, *a little care would prevent it*, *her poor little efforts to please*, переплетаются семы неопределенно малой количественности и слабой интенсивности, т.е. подобные явления находятся на стыке двух оценочных полей.

Центральным конституентом микрополей сферы малости можно считать также прилагательное small, на первый взгляд имеющее значение только малой величины, малого размера (*a small boy*, *a small craft*). Однако прилагательное small служит детерминатором незначительности, малости количества (*a small debt*) и ярко проявляет себя при обозначении количественно-качественных явлений со словами градуальной семантики, например *small importance*, (J. Austen), *the smallest astonishment* (ibid.), *small miracle* (J. Fowles), *small fear* (ibid.), *small wonder* (P. Wodehouse).

Таким образом, прилагательное small также является центральным конституентом как микрополя малой параметричности, так и микрополей неопределенно малой количественности и слабой интенсивности, имея значения и чисто количественного, и количественно-качественного характера.

Наряду с общеразмерными аналогичную роль могут играть частно-размерные прилагательные. Так, прилагательное low аналогично small, относясь прежде всего к сфере размерности в основных значениях (*low hills / house / stature*), имеет, кроме того, ЛСВ "малое или незначительное количество" (*low wages*) и ЛСВ "неинтенсивный" (*low voice / whisper / fever / pulse*), являясь конституентом всех рассматриваемых микрополей сферы малости.

Отмечено, что общей закономерностью является проявление чисто количественного значения данных лексических единиц при самостоя-

тельном употреблении и в сочетаниях со словами преимущественно конкретной семантики. Со словами же абстрактной семантики они имеют количественно-качественные значения.

При исследовании оценочных микрополей неопределенно малой количественности и слабой интенсивности встречается группа слов количественной семантики (*an atom, a bit, a grain, a spot, a trifle, a particle*), входящих конститuentами в оба поля, причем в своем основном значении они относятся к микрополю неопределенно малой количественности, а в переносном, метафорическом – к микрополю слабой интенсивности. Основанием для переноса служит малый количественный признак.

Например, существительное *an atom*, имея основное значение "мельчайшая частица", при семантическом переносе может обозначать очень малое количество, а также малую степень интенсивности:

2 "There is not an atom of evidence/ truth in what he said (ALD: 49).

Существительное *a bit* в основном ЛСВ, обозначающее "малую частицу, кусочек, малейшее количество чего-либо" (*a bit of wood*), широко употребляется при обозначениях слабой степени признака как наречие: "*The Adelphi's a bit grand, isn't it?*" (S. Maugham).

A grain, являясь конститuentом микрополя неопределенно малого количества (*a grain of salt/sand*), представлено в микрополе слабой интенсивности в переносном, метафорическом значении.

Существительное *a spot*, имея одно из основных значений "малое количество", является конститuentом обоих рассматриваемых оценочных полей: неопределенно малой количественности (*a spot of whisky/work*) и слабой интенсивности (*He is having a spot of bother with his brother*) (ALD: 883).

A trifle как существительное входит конститuentом в микрополе неопределенно малой количественности (*I put a trifle of sugar in my tea; it costs a trifle*) (ALD: 924), как наречие – в микрополе слабой интенсивности: *She looked a trifle pale* (E. Segal).

Таким образом, в современном английском языке одни и те же языковые единицы в зависимости от микроконтекста могут выражать как чисто количественные, так и качественно-количественные явления.

Связь категорий количества, качества, параметричности и интенсивности уже отмечалась в лингвистической литературе [7]. Интересен тот факт, что при описании этих явлений используются два разных подхода: языковая оценка средствами оценочных полей пара-

метричности, количественности и интенсивности в общепарадном языке и точный количественный подход в языках для специальных целей, так как количественные, качественные и количественно-качественные явления можно измерять.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что функционально-семантические микрополя сферы малости, являясь открытыми, динамичными системами, по самой семантике ряда конститутентов взаимодействуют, образуя переходные зоны и перерастая друг в друга.

Список литературы: 1. Акуленко Л.Г. Выражение неопределенно большого и неопределенно малого количества в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Харьков, 1982. - 279 с. 2. Matoré G. L'espace humain. - Paris: La Colombe, 1962. - 299 p. 3. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - С. 43-79. 4. Пилоян Б.С. Основные средства выражения понятия малости в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1965. - 20 с.; Сушинский И.И. Средства выражения ослабления признака в современном немецком языке // Вопросы лексикологии немецкого и французского языков. - М., 1980. - С. 66-75. 5. Шаховский В.И. О некоторых различиях в семантической структуре прилагательных *little* и *small* // Исследования по романо-германскому языкознанию. - Волгоград, 1972, 1972. - Вып. 3. - С. 68-83. 6. Линник Т.Г. Параметричні прикметники I їх становлення. - Київ, 1982. - 198 с. 7. Категория количества в современных европейских языках / Под ред. В.В.Акуленко. - Киев, 1990. - 282 с.

ALD - Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.
Delhi: Oxford University Press. 1989. - 1037 p.

Поступила в редколлегию 01.12.90.

И.С.ШЕВЧЕНКО, канд. филол. наук

К ПРАГМАТИКЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.ШЕКСПИРА

В настоящее время необходимость объединения усилий исследователей в области прагмалингвистики и истории языка едва ли вызывает сомнения. Прагмалингвистическая ориентация в известной мере

позволяет преодолеть противопоставление синхронной и диахронической лингвистики. Что касается подходов к таким исследованиям, то здесь наблюдаются значительные различия: с одной стороны, методы прагмалингвистического анализа распространяются на изучение явлений истории языка, предпринимается исторический анализ речевых актов (историческая прагмалингвистика, *historischen Sprachpragmatik*), с другой стороны, традиционно-диахроническое описание тех или иных языковых феноменов дополняется сведениями об их речеактовом функционировании (*pragmatikorientierten Sprachgeschichte*) [5]. При очевидной разности данные подходы не противоречат, а дополняют друг друга: в частности, данные прагматического анализа конкретных историко-лингвистических аспектов значительно обогатили бы нарождающуюся историческую прагматику. Однако нельзя не учитывать, что при нынешнем состоянии науки цели исторической прагматики должны быть сформулированы достаточно скромно, так как возможности наблюдения путей исторического развития речевой интеракции и речевого поведения весьма ограничены в силу специфики имеющихся в нашем распоряжении данных, особенностей отбора письменных текстов; реальные условия устной коммуникации восстановимы лишь приблизительно и требуют сотрудничества с иными дисциплинами.

Вопросительные конструкции современного английского языка описаны достаточно полно как в структурно-семантическом, так и в прагматическом аспекте, между тем прагматика вопросительных предложений более ранних исторических периодов остается практически не исследованной. В ходе анализа функционирования вопросительных конструкций (далее – ВК) в произведениях В.Шекспира обнаруживаются определенные различия коммуникативно-функциональных характеристик ВК ранненовоанглийского и современного периодов. В наиболее общем виде это сводится к проблеме исторического развития косвенных речевых актов. По полученным данным, более 70 % ВК в XVI в. реализуют прямые РА – вопросительные /1/, и менее 30 % – различные косвенные РА: эмотивные /2/, побудительные, асертивные и т.д. (в порядке убывания их частотности), в то время как в XX в. это соответственно 54 % и 46 %. Например:

/1/ "What's his weapon?" /Hamlet, 5,II, v.142/

/2/ "I did not give the lie. Out o' your wits and hearing too?

A pox o' your bottle." /Tempest, 3,II, v.74/

Вероятно, в увеличении доли косвенных РА в аспекте диахронии отражается объективный процесс развития речевых структур с учетом

изменения принципа кооперации (изменения в обществе, его все большее расслоение обуславливают изменения основ коммуникации) и принципа вежливости (элитарность образования, необходимость эвфемистического выражения господства, определенная либерализация современной речи и пр.).

Определенные различия обнаруживаются и среди прямых РА, в частности, реализуемых вопросительными конструкциями. Одной из особенностей языка Шекспира является более высокая по сравнению с современным периодом частотность употребления специфических ВК со структурно-семантическим побуждением к говорению. По форме они представляют собой единство специального (реже общего) вопроса и побудительной структуры типа *Say, Speak, Tell me*. В роли вопроса в соответствии с нормами языка XVI в. выступают как неинвертированные /3/, так и инвертированные предложения с полной /4/ или частичной /5/ инверсией. Например:

/3/ Просперо – Ариэлю, расспрашивая о выполнении своего задания:

"Pro. Of the King's ship, the mariners, say how thou hast dispos'd, and all the rest o' th' fleet?

Ari. Safely in harbour is the King's ship...? /Tempest, 1, II, 224-227/.

/4/ Герцог Корнуолл – Освальду, слуге, выясняя причину его ссоры с Кентом: "Corn. Speak yet, how grew your quarrel?

Osw. This ancient ruffian, sir,...? /King Lear, 2, II, 56-57/.

/5/ "Lear. Tell me, my daughters, ...which of you shall we say doth love us most? ... Goneril, our eldest-born, speak first. Gon. Sir, I love you more than world can wield the matter..."

/King Lear, 1, I, 46-54/.

В отсутствие интонационных данных на вопросительный характер конструкции указывает с формальной стороны знак вопроса, а с коммуникативной – перлокутивный эффект высказывания и то, что оно функционирует в ситуации вопроса, в чем можно убедиться, сопоставив характеристики этих высказываний с условиями для ситуации вопроса (об этом см.: [2, с. 362-363]): адресанту неизвестен ответ на вопрос, он хочет, чтобы слушающий сообщил ему этот ответ и т.д. Наличие в высказываниях (3-5) презумпции вопроса (в том виде, как это понятие разработано Серлем [3, с. 66]) подтверждает их в целом вопросительный характер.

В анализируемых высказываниях присутствуют по меньшей мере две иллокуции – спрашивания и побуждения. Следует ли такие высказывания считать сложными? Вопросы нередко трактуются как разновидность просьб: "просьбы сообщить информацию" [1, с. 39], либо как директивы, поскольку "представляют собой попытку заставить слушающего совершить речевой акт" [4, с. 344–369]. В терминах формальной логики объем понятия директивы превышает и включает в себя объем понятия вопроса. В примерах /3/-/5/ иллокутивная сила побуждения "однонаправлена" с иллокутивной силой спрашивания, обе имеют целью вызвать перлокутивный эффект говорения и первая лишь усиливает вторую, следовательно, иллокуция побуждения в данном случае на первый взгляд избыточна. Особенностью реализации анализируемых РА у Шекспира является определенное соотношение социальных статусов коммуникантов: во всех обнаруженных примерах адресант имеет более высокий (реже равный) статус, чем адресат. Поскольку в ВК (/3/-/5/) нет прямых семантико-синтаксических показателей реализации коммуникативного принципа или принципа вежливости, иллокуция побуждения *Say, Speak, Tell me* может рассматриваться в них как специфичный маркер социальных отношений коммуникантов.

Разновидностью данных РА являются случаи их реализации двумя предложениями, составляющими единое высказывание, аналогичное по своим коммуникативно-функциональным характеристикам ВК (/3/-/5/): /6/ Герцог Корнуолл – Освальду:

"Corn. What is your difference? Speak.

Osw. I am scarce in breath, my lord." /King Lear, 2, II, 47–48/.

Характерно, что в примерах типа /6/ типичное для рассматриваемых РА соотношение социальных статусов коммуникантов сохраняется. Частотность ВК (/3/-/5/) среди всех ВК, употребляемых Шекспиром, составляет по нашим данным 3–5 %, в то время как в современном английском языке художественной прозы она значительно меньше (доли процента) и условие более высокого статуса адресанта является гораздо менее жестким.

На основании того, что каждый вопрос является в определенной мере побуждением к сообщению информации, и учитывая тот факт, что в РА, реализуемых ВК (/3/-/5/), элементы *Say, Speak, Tell me* служат более маркерами социальных статусов участников коммуникации, чем собственно побуждением, данные РА можно считать простыми рече-

выми актами спрашивания с доминирующей иллокутивной силой вопроса (иные иллокуции, в том числе побудительная, выступают как сопутствующие).

Историко-прагматический анализ ВК не только свидетельствует, таким образом, о диахронических изменениях прямых и косвенных РА, реализуемых этими высказываниями, но и позволяет выявить ряд характерных для различных периодов РА и их коммуникативные особенности. Однако объяснение причин происшедших изменений лежит, в основном, за пределами исторической прагмалингвистики, на стыке ее с иными дисциплинами.

Список литературы: 1. Jespersen O. *Analytic Syntax*. N.Y. etc.: Holt, Rineheart and Winston, 1969. 2. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1985. - Вып. 16. - С. 349-383. 3. Searle J.R. *Speech Acts* // an essay in the philosophy of language. Cambridge.: CUP, 1969. 203p. 4. Searle J.R. A taxonomy of illocutionary acts // *Minnesota studies in the philosophy of science*. Vol. 7. 1975. P. 344-369. 5. Sitta H. (Hg.) *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen: Max Nimeyer Verlag, 1980. 136p.

Поступила в редколлегию 10.11.90.

А.Л.ЭТЛИН

КОМПРЕССИЯ АНГЛИЙСКИХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПАРАДИГМАТИКЕ И СИНТАГМАТИКЕ

Коммуникативная направленность современной лингвистической теории предусматривает анализ системных связей языковых единиц прежде всего в сфере речевого функционирования. Предполагается, что хорошо изученные в парадигматическом аспекте синтаксические процессы, в частности компрессия, обладают в синтагматике своеобразием, определяемым линейностью текста. Задача настоящей работы заключается в сопоставлении компрессивов определительного придаточного предложения (далее - ОП) в парадигматике и синтагматике на материале современного английского языка.

Под компрессией понимается свертывание (сокращение) исходной единицы. Как известно, основными видами парадигматической компрессии являются номинализация и универбация. Номинализация предполагает преобразование предикативного ядра в именное высказывание [2]. Неполная номинализация глагольного предиката ОП ведет к образованию инфинитивных и причастных оборотов: The people (who are) sitting here in the sun are tourists [5, с. 93] I am not the man who should be frightened by such a threat. - I am not the man to be frightened by such a threat [9, с. 62]. В ряде нормативных грамматик английского языка [3, с. 13] перечень эквивалентов ОП исчерпывается причастными и инфинитивными оборотами. Однако представляется возможным расширить корпус компрессивов английского ОП. Полная номинализация (универбация) глагольного предиката ОП формирует однословные именованья - композиты или дериваты: a company which is owned by the state - a state-owned company [8, с. 112]; glass which can be broken - breakable glass [12, с. 112]. Редукция относительного местоимения и частично десемантизированного предиката ОП влечет за собой появление предложно-именных фраз, а также постпозитивных наречий и прилагательных: You have met our friends (who come) from Canada [10, с. 137]. The road (which led) back was dense with traffic [7, с. 251]. The people (who were) involved were reported to the police [7, с. 174]. Редукция связочного глагола в сочетании с обособлением субстантивного предиката обуславливает возникновение приложений: Fred Long, (who is) a neighbour of yours, will be visiting us this evening [7, с. 184]. В результате редукции связки, а также обособления адъективного предиката, создаются обособленные определения: The landscape, (which was) cold and bleak, stretched endlessly away [11, с. 279]. Компрессия ОП в сочетании с препозитивацией порождает препозитивные определения: Holiday resorts which are crowded are not very pleasant. - Crowded resorts are not very pleasant [4, с. 16]. К окказиональным, характерным для ограниченного класса лексем, трансформациям ОП относят также преобразование в притяжательную форму существительного: things which John did - John's deeds [6, с. 31].

В результате анализа 64 произведений английской и американской литературы выявлено 106 двучленных номинационных цепочек с ОП и компрессивами. Характерно, что приблизительно в 30 % случаев имеет место декомпрессия, при которой развернутое именование следует за свернутым. По структурным типам номинационные цепочки с ОП распределяются следующим образом:

Структурный тип	Абсолютное количество
1. ОП - причастный оборот (причастие)	10
2. ОП - инфинитивный оборот	2
3. ОП - предложно-именная фраза	7
4. ОП - приложение	7
5. ОП - существительное	12
6. ОП - прилагательное	26
7. Причастный оборот (причастие) - ОП	9
8. Инфинитивный оборот - ОП	-
9. Предложно-именная фраза - ОП	2
10. Приложение - ОП	6
11. Существительное - ОП	9
12. Прилагательное - ОП	15

Относительно высокая частотность корреляций ОП и прилагательного объясняется их значительной функционально-семантической близостью, что позволило Э.Венвенисту назвать ОП "синтаксическим прилагательным" [I, с. 240].

В тексте ОП может подвергаться субституции проформами - местоимением *that* или прилагательным *such*: "It is true that theories may often be a part of a situation that one has to contend with. But then all sorts of obvious lies and fantasies may be a part of such a situation... (Murdoch). "There was your chance to go in and finish an enemy who was cornered, but that enemy happened to have a daughter..." (Hammett). ОП может быть репрезентировано частью своей структуры: This, he gathered was a not unusual occurrence. She also ordered Mr Rees to leave, which was. (Marsh). Отмечены случаи полной редукции ("нулевого повтора") ОП

в диалогической речи: "How do you like the Francis West killing?" he asked... "Oh, that's the fellow that got shot on Achland Avenue last night." "That's the fellow." (Hammett)

Синтагматическая компрессия, вызванная изменением речевого намерения говорящего, происходящего в ходе высказывания, приводит к возникновению эллиптических конструкций, в частности, усечению ОП до относительного местоимения (а), структуры апокойны (б): а) "I often wish I'd got on better with your father," he said. "But he never

liked any one who - our friends," said Clarissa, and could have bit ten her tongue for thus reminding Peter that he had wanted to marry her (Woolf). б) I knew a fellow belonged to the John Reed Club. (Chandler). Лексикализация ОП в тексте образует структуры голофразиса:

To begin with I did breakfast in the morning as well, but Nurse, once she was sure that her status as a hospital-nurse-who-did-no-work-in-the-house was not assailed, declared herself willing to deal with breakfast herself (Christie).

Для парадигматической компрессии характерны семантическая эквивалентность и лексическое тождество коррелятов. При функционировании в тексте отношения простой вариативности отмечаются при параллельном употреблении ОП и компрессивов, как правило, соотносимых с разными antecedентами. При этом выбор той или иной формы не влияет сколько-нибудь существенно на значение конструкции: Later we were on a road that led to a river. There was a long line of abandoned

trucks and carts on the road leading up to the bridge (Hemingway).

Примеры лексического тождества звеньев номинационной цепочки с ОП немногочисленны (около 10 % примеров): ... she took photographs, which were scarcely to be distinguished from the work of professionals...

Proportion, divine proportion, Sir William's goddess, was acquired by

Sir William... begetting one son in Harley Street by Lady Bradshaw, who... took photographs scarcely to be distinguished from the work of professionals (Woolf).

Для синтагматической компрессии более характерны отношения функционально значимой синонимии,

сопровождающиеся лексическими изменениями, нередко значительными. Развернутое и компрессивное именованья могут выступать контекстуальными синонимами: The old man was rather a drunkard. What little money he made from closet-cleaning, ash-hauling, and junk-dealing he spent mostly on the stuff that makes you forget you have eight kids... He passed the evenings telling long comical lies to the white riff-raff of the town, and drinking licker (Hughes).

Таким образом, анализ 10 нормативных грамматик английского языка [4-13] позволил установить корпус структур, которые могут рассматриваться как компрессивы ОП в парадигматике. К ним относятся: 1) причастные обороты; 2) инфинитивные обороты; 3) обособленные прилагательные; 4) приложения; 5) предложно-именные группы; 6) постпозитивные наречия; 7) постпозитивные прилагательные; 8) деепричастия; 9) композиты-прилагательные и существительные; 10) препозитивные прилагательные. В синтагматике определена частотность употребления номинационных цепочек с ОП и компрессивными структурами различных типов. Помимо компрессии в текстах имеет место декомпрессия, выражающаяся в номинационных цепочках типа "свернутое именование - развернутое именование". Компрессия в парадигматике в ряде случаев сопровождается синтаксическими процессами субституции, репрезентации, эллипсиса. Отмечены случаи корреляций ОП со структурами голофразиса и апокойну. Для компрессивов ОП в парадигматике характерны отношения свободной вариативности. Компрессия ОП в тексте основывается на отношениях функционально значимой синонимии и, как правило, сопровождается лексическими изменениями, вплоть до контекстуальной синонимии.

Список литературы: 1. Бенвенист Д. Общая лингвистика. - М., 1974. - 445 с. 2. Глушак Т.С., Паремская Д.А. Номинализация и понятие "именного стиля" в немецком языке // Науч. докл. высш. шк. Сер. Филол. науки. - 1981. - № 2. - С. 65-71. 3. Шанаева Н.В. Краткая грамматика английского языка в таблицах и схемах. - Новосибирск, 1990. - 56 с. 4. Alexander L.G. Longman English Grammar. - London, New York: Longman, 1988. - 374 p. 5. Close R.A. A Reference Grammar for Students of English. - М. 1977. - 352 p. 6. Lakoff G. Irregularity in Syn-

- tax.-New York:Holt,Rinchart and Winston,1970.-207 p. 7. Leech G, Svartvik J. A Communicative Grammar of English.- M., 1983. 304 p. 8.Meys W.J. Compound Adjectives in English and the Ideal Speaker-Listener/A Study of Compounding in a Transformational -Generative Framework.-Amsterdam:North-Holland Publishing Company,1975.-226 p. 9.Onions C.T.,Miller B.D.H. Modern English Syntax.-London:Henley, 1974.-153 p. 10.Phythian B.A. English Grammar.-London:Hodder and Stoughton,1983.-288 p. 11.Schneider C.E. Syntax and Style.-San Francisco,California:Calif.State University,1974.-320 p. 12.Vendler Z. Adjectives and Nominalizations.-The Hague,Paris:Mouton,1968.-134 p. 13.Wekker H.,Haegeman L. A Modern Course in English Syntax.-London: Groom Helm,1985.-202 p.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

Г.В.ЕЙТЕР, д-р филол. наук, Н.И.МАСЛОВА, канд.филол. наук

ЯЗЫК И СИНЕРГЕТИКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Установление И.Р.Пригожиным и его учениками общих принципов протекания неравновесных процессов в незамкнутых системах может рассматриваться как революционный переворот в наших представлениях о закономерностях развития материи. Эти работы дали возможность согласовать классическую термодинамику с эволюционным дарвинизмом, позволили единым образом объяснить целый ряд, казалось бы, разрозненных фактов физики, химии, биологии [6, с. 98]. Эти общие принципы начинают уже применяться при изучении общества и человека, в частности его психической деятельности [13]. Представляется, что в определенной мере такой подход окажется плодотворным и при изучении развития языка, поскольку кооперативные явления, возникающие в рассмотренных системах, представляют собой примеры возникновения порядка в системах с большим числом степеней свободы, а язык является именно такой системой. Рассматриваемые системы изучает синер-

гетика – междисциплинарная область исследования кооперативных процессов самоорганизации в системах разной природы [2]. Уже вышло 43 тома специальной серии "Синергетика" [18]. В аспекте устойчивости можно выделить следующие области состояния систем:

1) относительной устойчивости;

2) неустойчивости, куда входят две подобласти: а) бимодальность – такое состояние системы, когда она, не меняя одних релевантных параметров, приобретает другие; б) катастрофа – скачкообразная реакция системы на плавное изменение внешних условий. Система как бы перестраивает свою структуру в ответ на внешние раздражители, которые превысили так называемый "критический порог". Катастрофой может быть любое резкое изменение в поведении системы, необязательно какой-нибудь катаклизм¹;

3) недоступности – область, обладающая параметрами, недоступными для данной системы.

Для объяснения самоорганизации наибольшее значение имеют процессы, происходящие вблизи "состояния неустойчивости" [2, с. 389]. Указанные состояния системы можно применить к описанию функционирования и развития языка. Так, В.Н. Караулов считает, что, рассматривая язык как "диссинативную" структуру, которая сама себя правит "и гасит" беспорядочные флуктуации и колебания, оставляя на длительное время только то, что соответствует данному языковому типу, можно ожидать удовлетворительного разрешения известного парадокса Ш. Балли – как язык может функционировать, оставаясь неизменным, а существовать, тем не менее, – постоянно эволюционируя, т.е. меняясь в сторону усложнения [3, с. 155–156]². Как показал философский анализ имеющихся результатов и методов синергетики, одной из важнейших функций синергетики как междисциплинарной науки является интегративно-синтетическая [8, с. 5]. С этой точки зрения в аспекте устойчивости можно выделить приведенные ниже состояния:

¹ В связи с этим некоторые ученые предлагают вместо термина "катастрофа" пользоваться термином "теория скачков" [10, с. 3].

² В последние годы появилось несколько работ исследователей из Бохума, занимающихся, судя по названиям работ, синергетическим аспектом языка [14, 16]; применению теории катастроф в языкознании посвящены работы [13–15, 17]. К сожалению, в данный момент для авторов статьи они оказались в области "недоступности".

различных классов языковых форм:

1. Область относительной устойчивости соответствует зоне нормы в языке. Эта зона имеет полевую структуру – устойчивое ядро и периферию. Так, Б.Н. Головин отмечает, что в русском языке к последней относятся определенные нормы согласования и управления [2, с. IIО, III]. Ядро наименее подвержено изменениям как в основной системе, так и в подсистемах (напр. в вариантах языка).

2. Область бимодальности соответствует "серой зоне" [10]. Сюда можно отнести такие явления, как приобретение языковыми формами нового значения, дистрибуции, частичное изменение формы и т.п. В более общем плане состояние бимодальности можно также рассматривать как ингерентное состояние системы языка в период становления его письменного стандарта.

3. Катастрофа применительно к языку – это длительное употребление языковой структуры при постепенном изменении отдельных параметров, ведущее к переходу в принципиально иной класс.

История английского языка, как и других языков, убедительно подтверждает тезис о том, что система языка устойчива в большом и неустойчива в малом; она может претерпевать в указанном выше смысле катастрофы (так, напр., переход от синтеза к анализу – OE – *Mide* – ME). Подобный переход повлек за собой коренное изменение грамматической системы английского языка, затронувшее глагольные и именные парадигмы, структуру предложения и пр. В результате этого, как отмечает Т.А. Расторгуева, была создана система универсальных грамматических маркеров и выработана система "регулярных формальных и семантических дифференциаций при сохранении определенного уровня избыточности и варьирования" [9, с. 48].

К другим явлениям, которые характеризуются как катастрофы, можно отнести возникновение аналитических форм, переход частей речи, возникновение фразеологических групп из свободных сочетаний слов, приобретение словом нового значения при утрате старого, морфологизация фонетических явлений и др.

4. Область недоступности – область значений, форм или дистрибуций, являющаяся ненормативной для данных структур. Эта область, по нашему мнению, также имеет ядро и периферию. Ядро – это совокупность моделей, форм и правил, которые, сохраняя устойчивость, наименее подвержены переходу в серую зону, а через нее и в зону нормативности. С другой стороны, некоторые структуры периферии ненормативной области могут возникать в результате действия синер-

гетических процессов, вследствие случайных сбоев в резонансном механизме в момент их порождения (контаминация, паронимия, семантическая и формальная аттракция и т.п.) [1].

В дальнейшем эти структуры могут становиться нормативными. Синергетика трактует такие процессы как возникновение высокоупорядоченных структур из неупорядоченных.

Рассмотрим взаимодействие между указанными зонами на примере вариантов современного английского языка.

Эта система (архисистема в различных ареальных и социальных разновидностях языка) характеризуется единством строя и основного вокабуляра, но наряду с этим в каждом из вариантов, субвариантов и диалектов наличествуют различия, обусловленные социальными условиями их бытования. Весьма показательно в этом смысле функционирование языков метрополий в бывших колониальных странах, в частности английского в Индии.

Обратимся для конкретного анализа к динамике функционирования личных и неличных глагольных граммем в английском языке Индии (IE) в сравнении с функционированием аналогичных подсистем в языке Великобритании (BE) и США (AE) на трех синхронных срезах: 40-60-е гг.; 60-80-е гг. и 40-80-е гг. XX столетия. Это позволяет сделать ряд допущений относительно развития национальных вариантов - BE и AE современного английского языка и индийского регионального субварианта - IE - в его двух разновидностях - английский на территории ареала хинди - IE(H) - и английский язык на территории дравидоязычного ареала - IE(D).

Исследовалась динамика варьирования личных и неличных глагольных граммем на материале двух функциональных стилей - публицистики и художественной прозы. В терминах теории самоорганизации параметрами, релевантными для определения состояния и эволюции индоанглийского (IE), следует признать: а) особенности социокоммуникативной системы страны с учетом отрыва в 1947 г. от "центра регулирующего языкового влияния" (термин Г.В. Степанова); б) процесс взаимодействия языков, имеющий двустороннюю направленность, по линии автохтонные языки - английский язык.

Этот процесс иллюстрирует следующая схема:

Здесь изображена норма ІЕ, ВЕ и АЕ в виде серии концентрических окружностей и выделено общее ядро (ВЕ, АЕ, ІЕ); довольно обширная сфера бимодальности, которая является переходным состоянием, и сфера недоступности, т.е. те атипичные случаи функционирования и комбинаторики личных и неличных глагольных форм в ІЕ, которые противоречат стандарту ВЕ, АЕ. Недоступность представляется нам чем-то вроде "локальной микрокатастрофы", т.е. это радикальное изменение части системы на определенном участке морфологической сферы под воздействием вышеперечисленных релевантных параметров.

Так, применительно к ІЕ, в сферу бимодальности можно включить: употребление *Present Perfect* вместо *Past Perfect*, сопровождаемое необычной для ВЕ комбинаторикой времени; употребление *Past Perfect* в контексте *Presens Perfect*, различные переходы длительных и недлительных форм. К сфере "недоступности" можно отнести употребление в ІЕ - *Past Perfect* в контексте настоящего времени, употребление *Present Perfect* вместо *Present Simple*, употребление *Present Perfect* вместо *Past Simple* с соответствующими маркерами предшествования, свойственными простой форме прошедшего времени как результат аттракции автохтонных языков [4, с. 106-108]. Тогда как к сфере бимодальности, общей для ВЕ, АЕ и ІЕ, можно причислить: употребление *Present Perfect* в придаточном после *Past Simple* в главном предложении; употребление *Past Simple* вместо *Present Perfect* с "recently", "after", "before" и в "hot news"; расширение сферы прогрессива на другие лексические единицы и прочие нарушения правила согласования времен [5, с. 61-63].

Что касается явлений, характеризующихся как "катастрофа", мы полагаем, что проведенный сравнительный анализ варьирования глагольных форм в ІЕ, ВЕ и АЕ позволит говорить в данном случае только о микрокатастрофах.

Использование понятий теории самоорганизации для анализа синхронного состояния грамматической сферы английского языка в Индии (ІЕ) в сопоставлении с аналогичными сферами ВЕ и АЕ дает основание полагать, что основные отклонения от нормы ВЕ, АЕ в индоанглийском (качественный аспект) располагаются в области сочетаемости глагольных форм. Можно допустить, что комбинаторные колебания в грамматике личных и неличных форм являются основными отличиями между вариантами, кроме случаев употребления в ІЕ личных и неличных форм, атипичных с точки зрения нормы ВЕ.

В терминах теории самоорганизации основные качественные отклонения от нормы ВЕ в индоанглийском — ПЕ — можно свести к следующим типам:

I сфера бимодальности: расширение дистрибуционных возможностей грамматических форм;

II сфера недоступности: нарушение комбинаторики форм, сопровождающееся деаксиоматизацией и гипераксиоматизацией.

Таким образом, развитие языка происходит, как и другие эволюционные процессы, на основе двух механизмов [7, с. 13] — адаптационного и бифуркационного. В указанном плане интересно сравнить "на новом витке" эволюцию языка с биологической эволюцией; в последнее время вновь возник интерес к этому вопросу. В целом система языка предстает перед нами как неустойчивая в малом и устойчивая в большом. Предлагаемый подход позволяет объединить целый ряд существенных для функционирования и развития языка явлений в рамках межпредметной области — "Лингвистики возникающего" и поставить вопрос о возможности использования понятийного и математического аппарата теории самоорганизации, углубить и конкретизировать в лингвофилософском плане представления о связи в развитии языка необходимости и случайности, устойчивости и неустойчивости.

Список литературы. 1. Ейгер Г.В. Механизм контроля правильности высказывания. — Харьков, 1990. — 184 с. 2. Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1980. — 333 с. 3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. — 263 с. 4. Маслова Н.И. Некоторые особенности употребления глагольных форм в английском языке Индии (40–80-е гг. XX столетия) // Вестн. Харьк. ун-та, № 339. — Харьков, 1989. — С. 106–109. 5. Маслова Н.И. Опыт исследования функционирования системы финитного глагола в английском языке Индии в сопоставлении с функционированием аналогичных систем в языке Великобритании и США // Вестн. Харьк. ун-та, № 322. — Харьков, 1988. — С. 60–63. 6. Методологические вопросы физики возникающего: Аннотированная программа научно-технической конференции. — Харьков, 1987. — 9 с. 7. Моисеев Н. Научное предвидение — иллюзии и реальность // Знание — сила. — 1984. — № 2. — С. 13–14. 8. Поплавский А.Н. Синергетика — основание единства общенаучного знания: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — М., 1989. — 32 с. 9. Расторгуева Т.А. Варьирование и исторические изменения морфологической системы английского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол.

- наук. - М., 1980. - 51 с. 10. Скворцов Л.М. Теоретические основы культуры речи. - М., 1980. - 352 с. 11. Фролов В. Если бы у Гераклита была ЭВМ // Известия. - 1985. - 14 мая. 12. Хакен Г. Синергетика. - М., 1983. - 385 с.
13. E. Basar, H. Flöhr, H. Haken, A. J. Mandell (Editors). Synergetics of the Brain. Proceedings of the International Symposium Schloss Elmau, Bavaria, FRG, May 2-7, 1983.
14. Köhler R. Zur Linguistischen synergetik: Struktur u. Dynamik der Lexik. - Bochum: Brockmeyer, 1986. - 185
15. Petitot J. On the linguistic import of catastrophe theory // Semiotica. - Amsterdam etc., 1989. - Vol. 74, № 3/4. - P. 179-209.
16. Wildgen W., Mottron L. Dynamische Sprachtheorie: Sprachbeschreibung u. Spracherklärung nach den Prinzipien der Selbstorganisation u. der Synchronogenese. - Bochum: Brockmeyer, 1987.
17. Schmidt H. Die Lebendige Sprache. Zur Entstehung des Organismuskonzepts. Linguistische Studien A. Arbeitsberichte. - Berlin - 1986. - 146 S.
18. Springer Series in Synergetics Series Editor: Hermann Haken. Springer-Verlag Berlin Heidelberg New York London Paris Tokyo Hong Kong. 1983-1988.

Поступила в редколлегию 01.11.90.

Е.Н. БАХАРЕВА

КАТЕГОРИЯ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТИ И УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поиск новых путей исследования проблемы соотношения категорий языка и мышления делает актуальной задачу изучения логических и языковых категорий.

В логике и лингвистике существует ряд исследований, посвященных анализу языковых коррелятов логических форм мысли, однако изучению способов реализации в языке самой сложной логической формы — умозаключения — уделено внимание лишь немногие лингвисты. Среди них можно назвать А.И.Шорину, А.Ф.Эккерта, А.И.Островскую и др. Особо следует выделить работы А.Т.Кривоногова [1], исследовавшего способы реализации категорического силлогизма в текстах немецкого языка.

Краткое систематическое изложение проблемы об умозаключении и его языковых коррелятах дано в работе [2], в которой, в частности, показывается, что неисследованным остается вопрос о специфике выражения умозаключения в диалоге.

Между репликами диалога возникают определенные отношения. М.М.Бахтин рассматривал их как особый тип смысловых отношений, членами которых могут быть только целые высказывания (или рассматриваемые как целые, или потенциально целые) [3].

Исследование этих смысловых отношений с точки зрения выраженности в них умозаключения как формы мысли представляет собой непростую задачу, в решение которой, в частности, входит и выявление способов реализации компонентов умозаключения в языке.

Рассматривая умозаключение, формируемое в диалоге, как результат акта коммуникации, реализованного в языке посредством предложений, мы выявляем также роль грамматических категорий, присущих компонентам умозаключения.

В настоящей статье рассматривается категория целенаправленности и степень ее участия в реализации большей посылки, меньшей посылки и заключения, а также возможная сочетаемость коммуникативных типов предложений в пределах умозаключения.

Категорию целенаправленности в языке осуществляют предложения, различающиеся по коммуникативной установке, а именно: повествовательные, вопросительные, побудительные. Все они в равной степени могут быть компонентами умозаключения, т.е. выражать определенные суждения. Это объясняется, во-первых, тем, что, согласно Г.Г.Поченцову, они представляют собой собственно предложения, которые имеют субъектно-предикатную основу и различаются между собой способом соотнесения содержания с действительностью [4]. Во-вторых, все типы могут совпадать в своих вторичных функциях, а также подвергаться десемантизации [5].

Степень участия повествовательных предложений в формировании умозаключения трудно переоценить. В логике умозаключение выражается именно этим типом предложений. Примером, когда умозаключение в диалоге реализовано повествовательными предложениями, служит следующий диалог:

"... We are all in a movement, Mr Forsythe."

/I/ "Yes", said Soams, glumly; "but we can't go on at this rate - it's not natural. We shall be standing-pat again before long."

(Galsworthy, p.141)

One who goes on at this rate will be standing-pat

We are all go on at this rate

Therefore we shall be standing-pat

В диалоге /I/ первая реплика, выраженная повествовательным предложением, реализует меньшую посылку, ответ собеседника также выражен с помощью повествовательных предложений, которые реализуют большую посылку и заключение. Для приведения умозаключения, реализованного в диалоге одним из коммуникативных типов предложений - повествовательным предложением, - к каноническому виду, мы воспользовались специально разработанной нами методикой, учитывающей логический анализ текста, предложенный А.Т.Кривоноговым, а также трансформационную логику Г.А.Брутяна, которая в отличие от формальной логики позволяет привлечь содержательный анализ на основе знания взаимоотношения субъекта и предиката исходного суждения, т.е. на основе знания, выходящего за пределы того, что непосредственно вытекает из рассматриваемой формы исходного суждения. Учтены также принципы анализа умозаключений, существующие в современной формальной логике [6].

С помощью указанной методики восстанавливаются и недостающие компоненты умозаключения, которые либо имплицитно присутствуют в вербально выраженных компонентах, либо представляют собой универсальное, всеобщее знание, на фоне которого и делается соответствующий вывод. Такое неполное умозаключение, т.е. умозаключение, в котором некоторые компоненты вербально не выражены, называется энтимемой. Большинство умозаключений, реализованных в диалогах, представлены энтимемами. При восстановлении компонентов обычно используется повествовательное предложение, так как именно этот тип предложения употребляется в канонической форме умозаключений.

Следующим коммуникативным типом предложения, участвующим в формировании умозаключения, является вопросительное предложение. Как правило, этот тип предложения используется для запроса информации, но при учете контекста и применении правил трансформационной логики он может выражать как нулевое эксплицитное, так и нулевое имплицитное суждение [7]. Если это риторический вопрос, то он может быть выражен равнозначным по содержанию повествовательным предложением. Приведем пример диалога, включающий вопросительные предложения, трансформируемые в суждения:

Randall. Dynamite! Isn't that rather risky?

/2/ Mrs. Hushabye. Well, we don't sit in the gravel pit when there's a thunderstorm.

(Shaw, p. 168)

Dynamite is risky in the gravel pit

We are not in the gravel pit

Therefore it is not risky for us

В приведенном примере вопросительное предложение риторического характера, так называемый псевдвопрос, трансформируется в суждение: *Dynamite is rather risky in the gravel pit*. Меньшая посылка представлена повествовательным предложением: *We don't sit in the gravel pit*, которое составляет часть второй реплики диалога. Заключение имплицитно представлено во второй реплике. Мы извлекаем его, пользуясь методикой анализа умозаключений в дискурсе, о которой шла речь выше. Диалог /2/ служит также примером сочетаемости двух коммуникативных типов предложений, а именно: повествовательного и вопросительного, в пределах одного умозаключения.

В диалоге /3/ умозаключение также реализуется при активном участии вопросительных предложений, первое из которых совместно с последующим повествовательным предложением служит основанием для формирования меньшей посылки, а второе вопросительное предложение оформляет вывод партнера по коммуникации. Например, леди Бритомарт заключает, пользуясь формой именно вопросительного предложения, что ее муж не помнит количество детей в своей бывшей семье:

Lady Britomart. Rubbish! This is your family.

/3/ Undershaft. Is it so large? I am sorry to say my memory is falling very badly in some things.

...
Lady Britomart. Andrew: do you mean to say that you don't remember how many children you have?

(Shaw, p. 33)

One who doesn't remember how many children he has wonders at the size of the family.

Andrew wonders at the size of the family.

Therefore he doesn't remember how many children he has.

Как видно из приведенных примеров, вопросительное предложение, участвуя в формировании умозаключения в диалоге, может выполнять роль любого компонента умозаключения (пример /2/ - большая посылка, пример /3/ - меньшая посылка и заключение), однако следует отметить, что в нашей выборке (200 примеров) мы не встретили примеров диалогов, в которых умозаключение полностью формируется с помощью вопросительных предложений. Возможно, что подобные диалоги существуют; по крайней мере, мы могли бы смоделировать подобный диалог, пользуясь, например, диалогом примера /2/. В указанном диалоге достаточно заменить вторую реплику двумя вопросительными предложениями, которые бы передали тот же смысл:

- Dynamite! Isn't that risky?
- Well, do we sit in the gravel pit when there's a thunderstorm!

Побудительные предложения, выражая побуждение к действию в виде приказа, запрета, разрешения, совета, призыва и т.п., в то же время выражают и суждение, представляющее собой компонент умозаключения. Подобные суждения мы эксплицируем на основе контекста. Так, например, в диалоге примера /4/ побудительное предложение, выражающее запрет (или же настоятельный совет), заключает в себе и суждение: "*You drank*", основанное на фоновом знании: *One who drops in at the Inn drinks.*

/4/ Edmund. Yesterday when I went for a walk I dropped in at the Inn.

Mother. You shouldn't drink now, Edmund.

(O'Neill, p. 138)

One who drops in at the Inn drinks

Edmund dropped in at the Inn

Therefore Edmund drank

Побудительное предложение диалога /5/ заключает в себе большую посылку:

/5/ 'Take some more tea', the March Hare said to Alice very earnestly.

'I've had nothing yet,' Alice replied in an offended tone, 'so I can't take more'.

(Carrol, p.144)

'Take some more' means that one has already had smth.

Alice hasn't yet had anything

Therefore she can't take more

Пример /6/ демонстрирует способность побудительного предложения реализовать заключение:

- Daisy, get yourself ready now.

- I'm ready, mama, I want to put on my other ribbon.

/6/ - ... You needn't be so anxious to fix yourself up. This ain't like going visiting. (Suckow, p.97)

One who goes visiting fixes oneself up

You are not going visiting

Therefore you needn't fix yourself up

Примеры /4/, /5/, /6/ иллюстрируют сочетаемость повествовательных и побудительных предложений в пределах диалога, реализующего умозаключение. Таким образом, можно сделать вывод, что категория целенаправленности участвует в реализации всех компонентов умозаключения и тем самым - в его формировании. На сочетания различных коммуникативных типов предложений ограничения не накладываются.

Список литературы: 1. Кривоносов А.Т. "Текст" и логика // Вопр. языкознания. - 1984. - № 3. - С. 84-100; "Лингвистика текста" и исследование взаимоотношения языка и мышления // Там же. - 1986. - № 5. - С. 23-33 и др. 2. Бахарева Е.Н. Умозаключение и его языковые корреляты. Деп. в ИНИОН АН СССР, 1987. - 34 с. 3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1986. - 445 с. 4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М., 1981. - 258 с. 5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Синтаксис. - М., 1986. - 220 с. 6. Формальная логика. - Л., 1977. - 357 с. 7. Брутян Г.А. Трансформационная логика. - М., 1983. - 89 с.

Поступила в редколлегию 03.10.90.

3. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И СТИЛИСТИКИ

Т.Ф.ЛОКШИНА, канд. филол. наук

О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ И СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА СОВЕТСКИХ РЕАЛИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Картина мира, которая складывается в мышлении носителей языка, требует адекватного выражения языковыми средствами. Однако в настоящее время многие представления советского человека о социально-политических явлениях, которые сформировались у него в результате жизненного опыта, претерпевают существенные изменения. Для номинации новых объектов, понятий, явлений нужны и новые единицы, представляющие мир в своих значениях (лексика), в особой образности (фразеология), в особой конструкции понятийных категорий (грамматика). "Если говорить о картине мира, отображаемой в человеческом сознании и фиксируемой в языке, то по отношению к языку эта картина мира может быть составлена только при глобальном учете всего... текста, порождаемого всем обществом" [3, с. 75]. В рамках данной статьи используется более ограниченное понимание картины мира (рассматриваемой как часть целого) применительно к советскому обществу, вовлеченному в социально-политическую деятельность в определенный отрезок времени. В этой, как мы ее именуем, "социально-политической картине мира периода перестройки" возникли новые

секторы, расширились некоторые из уже существовавших и впервые номинировались уже давно существующие и отраженные в сознании носителей языка. Отметим только некоторые.

Резкая политизация общества проявляется в возникновении много численных общественно-политических образований и, следовательно, их наименований: Мемориал, Рух, Память, Демблок, Межрегиональная группа, Щит, ФНП, Зеленые и др. Прагматическая потребность отразить поляризацию мнений в этих и ранее существовавших политических образованиях вызвала в языке своего рода словообразовательный бум: постепеновец, аппаратчик-фундаменталист, националист-почвенник, (лево-, право-, реформатор-) -центрист, сверхдемократ, популист, партократ, необольшевик, крайний западник, традиционалист и др.

Кризисное состояние общества в целом отражается в языке функционированием большого количества слов с префиксами де- и рас- (раз-), несущими коннотацию "устранение, обратный процесс" и "нарушение целостности, понижение энтропии" соответственно: а) "деидеологизация, деполитизация, децентрализация, деперсонализация, дгуманизация, денормализация"; б) "развал, разброд, раздел, распад, раскол, разгосударствление, размонтирование, разбазаривание" и др.

Отрицательный социальный опыт, связанный с развалом экономики, вызвал словообразовательную активность в области номинации видов деятельности и социального статуса, новых или впервые названных, но в национальном сознании существовавших. Ср.: теневик, маргинал, самозахватчик (самозахват), угонщик (угон), очередник, бож/бомер.

Зарождение новых экономических структур и явлений фиксируется номинативными единицами разного характера: Ср.: конверсант, пайхоз, малое (совместное) предприятие, советский фермер, антрепренер.

Формирование нового союзного договора и кризисное состояние в области национальных отношений описываются слоем лексики либо новой, либо приобретшей новую актуальность: федерация, конфедерация, ливанизация, оттоманизация, формирование федаинов, жить во взрыве.

Совершенно новым явлением в аспекте русской функциональной неологии выступают эфемеризмы, связанные с деятельностью нынешних политических руководителей, например, горбоцентризм, предгорбачевская эпоха, антигорбачевский митинг, рыжковская программа. Сами по себе эфемеризмы не чужды русскому политическому лексикону, однако вплоть до настоящего времени в широкое официальное употребление попадали только те, которые были связаны с деятельностью

ушедших с арены политических деятелей, например, сталинщина, брежневщина, андроповщина, хрущевско-брежневский.

Эти процессы обусловили значительные изменения в области общественно-политической лексики русского языка, который переживает "неологический бум". В данной статье в качестве неологизма рассматривается любое слово, имеющее временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое [2, с. 16]. В качестве временного предела, являющегося критерием отнесения слова к категории новой лексики, берется 1985 г. - начало перестройки.

Настоящий анализ номинативных процессов опирается на положение В.Г. Гака о четырех элементарных изменениях в процессе наименования: использование данного знака для обозначения нового объекта; введение нового знака для обозначения объекта, уже имеющего название в языке; введение нового знака с новым обозначаемым; неупотребление знака в связи с дезактуализацией обозначаемого [1, с. 19]. Основанная на этом положении авторская классификация неологизмов содержит:

1) собственно неологизмы (новизна формы сочетается с новизной содержания): Вид, МЖК, совбур, госзаказ, департизация, популист и др.;

2) трансоминации (новизна формы сочетается со значением, уже передававшимся ранее другой формой): фарцы (фарцовщики), тамиздат (эмигрантское издание), деперсонификация (отказ от культа личности), тусовка (несанкционированное мероприятие неформально организованной молодежи), бомж/бомр (лицо без определенного места жительства/работы);

3) семантические инновации (новое значение обозначается формой, уже имевшейся в языке). Семантические инновации включают следующие варианты. 3.1. Метафорический перенос, наблюдающийся в первом слове новых словосочетаний. Ср.: оттепель (политическая), миф (идеологический), шок (экономический), колхоз (писательский), мораторий (на независимость), отпустить (цену), затолать (ораторы) и др. 3.2. Изменение значений старых слов. Ср.: "Гости столицы не унывают. Визитку купить легче, чем паспорт", - сказал мне один из них, вкладывая в слово "визитка" значение, которое В.И. Даль и в кошмарном сне бы не привиделось..." (НП). 3.3. Расширение семантической структуры слова. Это явление можно представить на примере слова "экология", словарное значение которого - "наука

об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и с окружающей средой" [6, с. 1530]. Слово это сейчас не менее популярно, чем "перестройка", "гласность", "плюрализм", "рынок". Появилось "экологическое мышление", "лингвистическая экология", "экологические беженцы", "экологические были и небылицы" и др. За короткий срок произошел процесс детерминологизации термина, т.е. выход его из узко ограниченных рамок употребления, где он был лишен эмоциональных оттенков;

4) выход знака из употребления в связи с дезактуализацией обозначаемого можно продемонстрировать на примере термина "кремленолог" - "специалист по проблемам СССР на западе, пропагандирующий антисоветские идеи" [5, с. 305]. Ср.: "Сам термин "кремленолог" устарел, ведь теперь ... не все важные решения принимаются в узком кругу в Кремле, ... в Политбюро ЦК КПСС". (Изв.).

Неологизмы рассматриваемого периода создаются путем комбинации существующих в языке знаков - морфем и слов. В основе образования этих неологизмов лежат аналогия и типизация, так как сложившаяся в языке лексическая система накладывает ограничения на словотворческую деятельность людей. К наиболее активным способам создания морфологических неологизмов (словообразование) рассматриваемого периода относятся аффиксация, словосложение и сокращения.

Из наиболее продуктивных аффиксов следует отметить суффиксы: -ция (долларизация, концерниализация, приватизация), -ик (теневик, отказник, очередник, хопник), -щина (брежневщина, андреевщина, дедовщина), -ант (мигрант, конверсант), -ист (плюралист), -фобия (центрофобия); префиксы де- (департизация, деперсонализация), анти- (антимосковский, антисъездовский), нео- (неоконсерватор, необуржуа), само- (сам-) (самовыдвиженец, самиздат), за- (заболтать, зареформировать), по- (полеветь, поприветь), контр- (контреформировать, контрвью), квази- (квазипарламентский).

Среди неологизмов, образованных словосложением, преобладают двухкомпонентные единицы, полученные сложением двух основ. Ср.: госзаказ, райвласть, спецпак, хозрасчет, торгово-закупочный, мифотворчество, судьбоносный, многопартийный, одномандатный, межрегиональный и др.

Появились неологизмы, ассоциирующиеся с периодом перестройки, которые образованы по типу аббревиации. Ср.: катастрофика, совбур, пайхоз, контрвью, Вид, Аиф, бомж/бомр, Млж, СП, ФНПИ и др.

Анализ и классификация фразеологических неологизмов может составить отдельный объект исследования. Здесь отметим лишь активность процесса их образования и высокую степень эмоционально-экспрессивной насыщенности. Ср.: заморозить (заболтать) перестройку, овизитить город, связать деньги, офальшивить систему, писать в ящик; горячие деньги, аппаратные игры, деревянный рубль, телефонное право; внутренние беженцы, рыночный душ, твердая рука, люмпен-интеллигент, море-митинг; дети застоя (XX съезда), пакет мер (требований), выдача в одни руки, социализм с человеческим лицом и др.

К словам, имеющим временную коннотацию новизны, следует отнести заимствования. Они отличаются фонетической дистрибуцией и морфологическим членением, не характерным для заимствующего языка; значение заимствований, как правило, не ясно для носителей языка, не обладающих специальными филологическими знаниями. Русский язык в настоящее время активно вбирает в себя слова, в основном из западно-европейских языков, для описания политических и экономических процессов, новых видов деятельности и пр., другими словами, для отражения быстро меняющейся картины советского общества. Процесс заимствования настолько стремителен, а объем заимствованных слов так велик, что процесс ассимиляции значительно отстает, что вызывает нарекания носителей языка. Ср.: "Все чаще на страницах журналов и газет ... появляются слова: коллизия, симпозиум, маркетинг, спонсор, мораторий, импичмент, ротация, менеджер, рейтинг, плюрализм, стагнация, презентация, консорциум, депортация и многие другие. Неужели нет сходных по смыслу русских, понятных слов?" (Изв.).

Англоязычная пресса изобилует материалами о перестройке в СССР. Ряд терминов русского политического лексикона хорошо знаком зарубежному читателю и дается в прессе методом транслитерации и калькирования. Ср.: "So your idea of a coup is partocrats giving perestroika a "thumb down" (T); "No one knows how to shift from a command economy to a market economy" (MN).

Однако перевод на английский язык неологизмов, отражающих специфические явления быстро меняющейся советской действительности, представляет значительную проблему. Ср.: "... слово "угондик" имеет ... все основания войти в иностранную лексику в русской транскрипции - в одном ряду с самоваром, водкой, гласностью, перестройкой и балалайкой. Потому что в отсутствии мотивов уго-

ловного или политического преследования угонять самолет лишь в качестве единственного способа попасть за границу можно только в условиях гражданских несвобод ..." (КП). Также ср.: "Русское слово "очередник" на иностранные языки не переводится: теряет аромат... Получается "человек, стоящий в очереди". А в наших многообразных очередях не только стоят, но и сидят, спят, живут, умирают..." (ЛГ).

Перевод новой лексики, обозначающей специфические советские реалии (СР), осуществляется на основе различного рода прагматических трансформаций (ПТ), используемых для адаптации языкового материала к его интерпретаторам (см., например, [4]).

Семантико-прагматический аспект предполагает использование переводческого приема – добавления к калькированной и транслитерированной форме СР различного рода пояснительных и уточняющих элементов. Информационно-уточняющий микроконтекст может занимать по отношению к обозначениям СР контактную или дистантную позиции и ограничивается словом или словосочетанием. Ср.: Rukh (Ukrainian coalition),

"the emission of hard tchervonetz", "state orders" placed by Moscow ministries for hefty portions of the output of most factories" (Т).

На более высоком уровне (высказывание – СФБ) задача прагматически эквивалентного перевода решается в рамках микроконтекста когнитивно-тезаурусного типа, основу которого составляет интерпретирующий перевод, обеспечивающий подробное описание смысловой структуры СР. Ср.: blat, in its Soviet usage, is a catch-all word that covers infinite varieties of influence and "pull" to get things done. Friendly mutual help on a quid pro quo basis is part of it; whom you know counts more than cash in the pocket in circumventing the roadblocks of bureaucracy ...; a popular synonym for blat was znakomstvo, "acquaintance" ... (G).

Информационно-уточняющая ПТ предполагает частичную корректировку смысловой структуры СР в целях актуализации той части текстовой информации СР, которая отсутствует у адресата языка перевода (ПЯ) в результате различий культур.

Информационно-воздействующая ПТ основывается на том, что интерпретаторы не безразличны к используемым языковым знакам, а переносят на них свое субъективное отношение, а через них и на

Семь референты. ПТ воздействующего типа создаются в обозначениях различных типов СР в результате включения смыслового компонента с негативной окраской. Ср.: Party's hidebound patronage system, the nationalistic Pamyat, the bugbear of "private exploitation".

Сформировались устойчивые пары переводческих соответствий: revolutionary - revolutionist, grassroot party organisations -

(workplace) party cells, nomenclature - nomenklatura, apparatus - apparat. В нейтральных и исторических информационных контекстах обычно употребляется первый член пары. Ср.: "... he had already managed to work "in production", ... in science ... and, in the last year in the apparatus of the Central Committee" (MN).

В контекстах критического характера используются переводы: "The party ..." has lost the idea and acted for many years as the apparatus of power", as that same antiparty apparatus of coercion, for the sake of destroying which communists once united in a party..." (MN).

В ряде случаев ПТ воздействующего характера основываются на использовании семантически градуированного ряда синонимов с негативной оценочностью в конце ряда. Так, понятие "руководство" обеспечивается в ПТ различными комбинациями элементов из следующих рядов номинативных и атрибутивных единиц: (N) leaders, leadership, power, top, rulers, managers, masterminds, echelons, spheres, the higher-ups, elites, strata, the Kremlin, oligarchs, caliphs, clique; (A) political, upper, top, topshelf, topmost, high-ranking, (the) Kremlin, (the) Soviet, (the) elite, bureaucratic.

Новые фрагменты опыта, приобретшие лексическую фиксацию в русском языке, и прагматические факторы, влияющие на создание, употребление и перевод новых единиц, получили здесь фрагментарное освещение и могут рассматриваться в плане постановки ряда взаимосвязанных проблем, но не их исчерпывающего описания.

Список литературы: I. Гак В.Г. Эволюция способов номинации в свете соотношения внешних и внутренних стимулов развития языка
// П Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам

языкознания "Диалектика развития языка": Тез. докл. - М., 1980. - С. 19-29. 2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. - М., 1989. - 126 с. 3. Колшанский В.Г. Объективная картина мира в познании и языке. - М., 1990. - 108 с. 4. Кудряшов В.С. Семантико-прагматический аспект передачи специальных советских реалий в переводах на английский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1989. - 23 с. 5. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. - М., 1984. - 305 с. 6. Советский энциклопедический словарь. - М., 1985. - 1660 с.

Использованные сокращения: Известия - Изв., Комсомольская правда - КП, Литературная газета - ЛГ, The Time - Т, The Guardian - G, Moscow News - МН.

Поступила в редколлегию 01.10.90.

Ю.Е. САВЧЕНКО

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЖАНРА МИКРОЮМОРЕСЕК

Микроюмореска - краткое фольклорное комическое произведение с неожиданным концом, имеющее целью воздействовать на читателя средствами языкового и ситуативного юмора. В немецком литературоведении применяются 2 термина: *Witz*, *Anekdotе*. Последний используется только для обозначения действительных и вымышленных фактов из жизни известных людей.

Актуальность проблемы определяется тем, что в отечественной науке этот жанр при всей его распространенности и популярности не был еще предметом специального монографического исследования. Нам не удалось обнаружить и специальных статей, посвященных интересующей нас проблематике. Исключение представляет предисловие Г.Г.Почепцова к известному сборнику "*Language and Humor*" [8].

Между тем без исследования жанра микроюморесек языково-стилистическая типология жанра малых форм осталась бы неполной.

Изучение микроюморесек представляет интерес также в психолингвистическом и дидактическом аспекте [9].

Для постановки проблемы в качестве объекта исследования послужили микроюморески, опубликованные в отечественных и зарубежных исследованиях в объеме свыше 1500 единиц. Во всех сборниках микроюморески представлены в прозаической форме. Мы не исключаем возможности оформления микроюморески и в стихотворной форме, однако этот вопрос требует специального рассмотрения.

Ниже рассматриваются первоочередные вопросы языково-стилистического анализа микроюморесок [5; 6; 7; 8; 13].

К таковым следует отнести:

1. Разработка методики исследования. Представляется возможным в начале анализа опираться на методику других исследователей малых форм [1]: методику исследования по стиливым чертам. Одним из исходных теоретических положений, определяющих направление исследования, служит утверждение о том, что промежуточным звеном между экстралингвистическими факторами разного порядка, определяющими языковое своеобразие функционального стиля, подстиля, жанра и т.п., и самой стиливой спецификой последних выступают стиливые черты, т.е. "внутренние приметы функционального стиля (и подстиля), а также индивидуального стиля, представляющие собой своеобразные внутренние экспрессивно-смысловые принципы отбора, объединения и мотивированного применения выражений и конструкций" [4, с. 96]. Стилевые черты отражают коммуникативную специфику данного речевого стиля. Этот факт служит исходным моментом при дедуктивном выявлении ведущих стиливых черт. Стилевые черты в свою очередь определяют конкретное языковое воплощение; они представляют семантически-экспрессивные принципы систематизации, которые должны регулировать специфический выбор и целесообразное применение языковых средств внутри функциональной стилистической системы - и таким образом в самой конкретной речи [1].

В этом аспекте микроюморески могут изучаться на основе анализа средств, воплощающих стиливые черты краткости, комичности, диалогичности и парадоксальности.

2. Определение объектов комического и ситуаций, в которых они выражаются (стандартные и нестандартные, статические - динамические), возможность их сочетания.

3. Выделение типов композиционной структуры микроюморески и взаимодействие элементов этой структуры. В композиционном плане в микроюморесках выделяются:

зачин;
речь персонажей;
заключение.

Только реплики являются обязательным компонентом. Остальные элементы взаимосвязаны, взаимодополнительны и выполняют текстообразующие функции.

Здесь подлежит изучению лингвистическое ядро микроюморески, такое языковое явление (от слова до предложения), черты которого (полисемия, омонимия и т.д.) производят юмористический эффект [8]. В структуре микроюморесок лингвистическое ядро представлено репликами персонажей.

"Du sollst doch nicht immer mit dem Finger auf alles zeigen".

"Ja, aber der Finger heit doch Zeigefinger". [7]

"Ich habe schon fnfmal gerufen, und der Junge kommt einfach nicht", seufzt Frau. Simpel. "Was soll aus dem Jungen blo werden?" "Kellner", lacht die Nachbarin. [7]

Представляется также важным исследование сочетания лингвистического ядра с зачином (той частью микроюморески, которая, как правило, предшествует репликам персонажей и вводит читателя в данную ситуацию, часто содержит информацию, необходимую для понимания юмористического эффекта, заключенного в последующих репликах персонажей) и заключением (завершающим ситуацию, делающим ее более полной и законченной). Очень часто микроюморески содержат заглавие, способствующее акцентированию внимания читателя на какой-то определенной теме, которая является главной в данном тексте, способствует установлению "главного героя" повествования [12].

Следующие примеры иллюстрируют взаимодействие между перечисленными компонентами микроюморески.

Max Pallenberg hatte mit einem jngeren Kollegen Streit.
Beide gingen sich tagelang aus dem Wege. (Зачин)

Schlielich wollte Pallenberg als der Klgere nachgeben
und fragte den Kollegen whrend einer Probe:

"Kennen Sie eigentlich den Unterschied zwischen Ihnen und dem grten Theater der Welt?"

Der Gefragte schwieg verblüfft, woraufhin Fallenberg die Erklärung gab: "Das größte Theater der Welt ist das Amphitheater und sie sind das größte Vieh am Theater". (Речь персонажей).

Alle mußten herzlich lachen und der Streit war vergessen.

(Заключение) [7]

"Der höfliche Max". (Заглавие)

Der Vater geht mit seinem Sohn Max durch die Straßen.

Da kommt ihnen ein großer Hund entgegen. Max wechselt schnell die Seite. (Зачин)

"Du hast wohl Angst?" fragt der Vater. "Wieso? Ich habe doch nur Platz gemacht". [7] (Речь персонажей)

На этой основе предстоит выделить структурные модели и их варианты. Специальным объектом исследования является определение механизма юмора в зависимости от типов диалога (оппозиционный, информативный и др.), количества реплик в диалоге, их характеристик и взаимодействия.

На основе полученных данных можно будет выдвинуть гипотезу о характере динамического моделирования диалога микроюморески.

Специальную задачу составляет исследование микроюморесок в прагматическом аспекте: учет ситуации общения, социальных и ситуативных ролей коммуникантов, их фонового знания, характера передаваемого сообщения и т.п. В этом плане на начальных этапах изучения можно исходить из указанной работы Г.Г.Почепцова и имеющих уже некоторых исследований о принципах разработки логики комического [3]. Исследования названных проблем надо проводить с учетом языкового и ситуативного юмора, а также их взаимодействия. Можно полагать, что общим для обоих видов юмора является нарушение различных типов постулатов коммуникации.

Список литературы: 1. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика афоризмов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1981. - 24 с. 2. Москальская О.И. Грамматика текста. - М., 1981. - 183 с. 3. Радзев А.М. Об обучении технике полемики в диалоге на основе логики инвариантов смыслового содержания воздейственных (эффективных) диалогических реплик // Речевое воздействие:

- психологические и психолингвистические проблемы. - М., 1986. - С. 35-51. 4. Ризель Е.Г. Полярные стиливые черты и их языковое воплощение // Иностр. языки в школе. - М., 1961. - № 3. - С. 96.
5. Buscha A., Buscha J. Wortspielereien Leipzig. 1986. 228 S.
 6. Kennen Sie den? Berlin. 1963. 183 S.
 7. Lebedew W.B. Fröhliche Minuten. M. 1983. 123 S.
 8. Pocheptsow G.G. Language and Humor. K. 1982. 326 p.
 9. Richardson M. Language and Humor // The British Journal of Language Teaching. 1989. Vol. 27. N 3. P. 142-148.
 10. Riesel E. Deutsche Stilistik. M. 1975. 316 S.
 11. Riesel E. Der Stil der deutschen Alltagsrede. M. 1964. 315 S.
 12. Saweljew W. "Kurze Humorerzählungen". M. 1979. 110 S.
 13. 1001 Witz. Berlin. 1988. 247 S.

Поступила в редколлегию 12.II.90.

4. НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Н.В.ТУЧИНА, канд. пед. наук, Н.В.ЯКИМЕНКО, канд. филол. наук

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В последние два десятилетия в лингвистике и связанных с ней науках интенсивно изучается лингвострановедческий компонент семантической структуры языковых единиц.

Однако до сих пор практически нет исследований, системно изучающих особенности функционирования единиц с национально-культурным компонентом (НКУ) в рамках художественного текста.

Данная работа представляет собой попытку изучения этих особенностей лингвострановедческой лексики в произведении Дж. Голсуорси "Собственник". Поскольку лингвострановедческая проблематика традиционно включает два больших круга вопросов - филологический и лингводидактический, в нашей статье рассматриваются также и некоторые методические приемы работы с лексикой с НКК.

Проведенный анализ языковых единиц с НКК в романе "Собственник" показал, что они используются автором с самыми разнообразными целями, среди которых выделяются две основные:

- 1) создание общеисторического, общечеловеческого фона,
- 2) создание национального фона произведения.

Любой народ, любое государство существуют в определенной культурной общечеловеческой среде, основные элементы которой известны всем независимо от их национальной принадлежности. Эта особенность естественно находит свое отражение и в языке. Общеисторический, общечеловеческий фон произведения создается с помощью лексики, отражающей явления материальной и духовной культуры, свойственные большинству народов.

Это прежде всего следующие группы лексики:

- 1) географические названия (не связанные с Англией):
Ceylon, New Zealand, Baden-Baden, Monte Carlo;
- 2) лексика, связанная с античной культурой: *Danae, satyr, Faustus, Socrates, Cleopatra, Orpheus;*
- 3) имена всемирно известных деятелей культуры и названия их произведений: *Moliere, Botticelli, Chopen, Mozart, Dante, Handle;*
- 4) блюда и продукты: *Russian caviare, Turkish coffe;*
- 5) библеизмы: *Jonahism, Delelah, Our Father who art in Heaven* и т.д.

Национальный фон произведения создается с помощью той группы языковых единиц, в семантической структуре которых находится лингвострановедческий компонент, несущий сведения о жизни определенного народа в определенный период его истории. По нашим данным, среди всех единиц с национально-культурным компонентом, употребляемым в романе, эта группа лексики составляет 91 %. Она включает в себя:

- 1) топонимы - *London, Dorsetshire, Thames, Bath, Yarmouth,* микротопонимы - *Poultry, Lutgate, Hill* (названия улиц в Сити), *Drury Lane, Hyde Park*. Топонимы и микротопонимы указывают место развития событий и придает повествованию достоверность;

- 2) систему денег - *penny, pound, shilling, farthing*;
- 3) систему мер длины - *foot, inch, yard*;
- 4) лексику, связанную с английской церковью, - *Church of England, pew*;
- 5) национальные титулы - *Lord, Lady, Reverend*;
- 6) названия государственных учреждений - *Parliament, the Bar, the Stock Exchange*;
- 7) пищу - *saddle of mutton, fresh sole from Dover, oxtail*;
- 8) имена собственные - *Timothy, Soames, Jolyon, Dartie*.

Важной функцией лингвострановедческой лексики является характерологическая функция, т.е. использование этой группы языковых единиц как средства характеристики героев. В романе "Собственный" эта функция представлена несколькими разновидностями.

Для характеристики социального положения героев автор использует названия районов и улиц Лондона, где находятся их дома. Адреса:

Park Lane, Hyde Park Mansions, Knightsbridge, Prince's Gardens

др. - говорят о принадлежности их обитателей к наиболее обеспеченным слоям английского общества.

There was old Jolyon in Stanhope Place, the Jameses in Park Lane Swithin in the lonely glory of orange and blue chambers in Hyde Park Mansions, the Soames in their nest off Knightsbridge, the Rogers in Prince's Gardens"... (p.57).

Этой же цели служит и описание их быта, дорогой обстановки и т.д.

An apple charlotte came upon a silver dish ... Olives from France with Russian caviare were placed on little plates... A silver tray was brought with German plums ... Egyptian cigarettes were handed in a silver box. Turkish coffee followed in enamelled cups. (p.158-159).

О социальном положении героев можно судить и по престижным учебным заведениям, где они получали образование: "He (Old Jolyon) could send little Jolly to Harrow and Oxford" (p.265).

Для того чтобы охарактеризовать профессиональную принадлежность Форсайтов (коммерсантов, стряпчих, присяжных поверенных,

агентов по продаже земель и т.д.), Дж.Голсуорси вводит в текст произведения ряд юридических и экономических терминов, названия учреждений, контор и т.д.

"In a quarter of an hour he (Soames) was due at the General Meeting of the New Colliery Company ... Soames took his seat alongside the Board, who, in a row, each Director behind his own ink-pot, faced their Shareholders"(p.192-193).

И для характеристики увлечений персонажей романа писатель интенсивно использует лексику с НКЖ. Таким образом, например, он подчеркивает интерес Сомса к живописи: "Soames went straight up to the greatest treasure of them all, an undoubted Turner"(p.320) "Soames gave them no help, talking of the Barbizon school of painters"(p.286) и увлечение Дартти скачками: "Dartie went into town and put some hundreds on Concertina for the Salton Borough Handicap"(p.200).

Следует отметить, что разграничение функций, выполняемых лингвострановедческой лексикой, во многом условно, поскольку одна и та же единица может одновременно выступать сразу в нескольких функциях. Например, названия улиц, жилых кварталов: а) создают национальный фон; б) характеризуют социальное положение героев; в) указывают на место действия. Имена художников, композиторов, поэтов: а) создают общечеловеческий фон; б) характеризуют увлечения и вкусы героев; в) дают представление об уровне их образования и культуры.

Наличие в художественном тексте незнакомых реалий затрудняет для иноязычного читателя понимание содержания и идеи текста, лишает его необходимой полноты и глубины восприятия. При этом общая языковая подготовка читающего часто не играет существенной роли, поскольку реалиям свойственна малая детерминированность контекстом и определить их значение по языковой догадке чрезвычайно трудно. Напротив, знание реалий способствует ускорению процесса чтения, более глубокому проникновению в идейно-художественный замысел произведения и т.д.

Познавательнo-страноведческий подход к обучению чтению предусматривает широкое использование такого методического приема как лингвострановедческий комментарий. Он может быть предваряющим и моделировать у обучаемых фоновые знания, которые необходимы для усвоения страноведческого потенциала текста (в терминологии

гии Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова). В такой комментарий включаются сведения об исторической эпохе, о времени и месте написания произведения, личности писателя. Данный комментарий приводится до знакомства с текстом.

Комментарий может быть и усиливающим, связанным с конкретными отрывками текста. Этот вид комментария направлен на преодоление лингвокультурных трудностей, семантизацию безэквивалентных лексических единиц. Ряд единиц может быть прокомментирован преподавателем до начала чтения отрывка, при этом может использоваться зрительная наглядность (схемы, рисунки, слайды и т.д.). Значение других реалий студентам предлагается раскрыть с помощью самостоятельной работы со словарями и другой справочной литературой. В отдельных случаях могут быть подготовлены краткие сообщения, раскрывающие лексический фон той или иной единицы, его национально-культурные семантические доли, особенности функционирования этой единицы в данном художественном тексте. В качестве предтекстовых и послетекстовых заданий могут быть предложены тексты на заполнение пропусков; множественный набор ответов и т.д.

Реализация лингвострановедческого подхода при работе с художественными текстами на занятиях по иностранному языку способствует не только углубленному филологическому погружению в текст, но и познанию хранимой языком национальной культуры. Вне данной связи немыслима полноценная профессиональная подготовка преподавателя иностранного языка.

Список литературы: 1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М., 1990. - 246 с. 2. Galsworthy J. The Man of Property. М., 1974. 383 p.

Поступила в редколлегию 04.10.90.

Л.Н.ЧЕРНОВАТЫЙ, канд. пед.наук, Е.В.МАСЛЕННИКОВ, И.В.ДЕЛОВ

ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕЙРОЛОГИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ УСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Эффективная методика обучения иностранному языку должна ос-

Нельзя опираться на адекватной психологической теории его усвоения. В настоящее время существует целый ряд таких теорий, одной из которых является нейрологическая гипотеза.

Согласно этой гипотезе, усвоение иностранного языка, особенно если оно происходит после 12 лет, протекает иначе, чем усвоение первого (второго) языка в раннем возрасте. Эти отличия, как предполагается, могут быть связаны с явлением латерализации (т.е. специализации полушарий головного мозга). Как известно, к 12 годам (некоторые считают, что это происходит раньше) у большинства людей родной язык локализуется в левом полушарии. Однако у билингвов, усвоивших второй язык позже первого, материал иностранного языка может, как предполагается, храниться в правом полушарии, а материал родного языка - в левом [2]. Сходная гипотеза предлагалась и в других работах [3], где высказывалось предположение о том, что уже к возрасту 5 лет большинство языковых аспектов локализуется в левом полушарии, но некоторые из них остаются в правом полушарии. Такими аспектами могут быть компоненты лингвистической компетенции, необходимые для восприятия более крупных и сложных раздражителей [3, с. 207].

Так как структуры иностранного языка представляют для учащихся значительную сложность, то логично предположить, что они хранятся в правом полушарии. Эта вероятность может повышаться вследствие того, что структурирование языкового материала для обучения значительно отличается от того, который получает ребенок в процессе усвоения первого языка. Данный факт также может быть причиной различий в способе организации материала в сознании билингва. Если все действительно так, то это может быть серьезным аргументом в пользу изменения существующей методики обучения, в основу которого положены категории традиционной грамматики.

Для проверки этой гипотезы мы провели эксперимент с дихотическим аудированием.

Испытуемыми были 20 билингвов (усвоивших основы английского языка в результате специального обучения), представлявшие 5 формальных групп (ученики выпускного класса специализированной школы, а также студенты I, II, III и IV курсов факультета иностранных языков Харьковского государственного университета), по 4 испытуемых в каждой группе. Все испытуемые - мужчины (это связано с некоторыми различиями в распределении функций полушарий у мужчин и женщин) [1]. Возраст испытуемых - от 17 до 24 лет.

Эксперимент проводился индивидуально в апреле 1989 г. в научно-исследовательском институте неврологии и психиатрии г. Харькова. Каждому испытуемому предъявлялись на слух через диктофонские головные телефоны предложения на русском и английском языках. Всего каждому было предъявлено 72 предложения (36 на английском и 36 на русском языках), разделенных на 4 семантические категории (по 18 предложений в каждой категории), из которых 2 категории в русском языке ("Сравнение" и "Будущее время") и 2 - в английском ("Сравнение" и "Длительность"). Из 18 предложений в каждой категории 6 предложений передавали соответствующее понятие с помощью доминантного способа (например: "Я не знавала жестокой беды" - сравнение), 6 - периферийными средствами (например: "Он поступил по-мужски" - сравнение) и 6 - соответствующее понятие не содержали, т.е. были ложными. Из каждой группы из 6 предложений, указанных выше, 3 предъявлялись на левое ухо и 3 - на правое. Испытуемый говорил "да", если, на его взгляд, предложение, которое он услышал, содержало контролируемую категорию, либо "нет", если в предложении соответствующее понятие не выражалось, категории предъявлялись полностью в следующей последовательности: № 1 (русский язык) - № 1 (английский язык) - № 2 (английский язык) - № 2 (русский язык). Последовательность предложений внутри каждой категории была случайной, но, как уже указывалось выше, количество предложений с доминантой и периферией, а также ложных предложений, подаваемых на каждое ухо, было равным. Перед началом эксперимента у каждого испытуемого была измерена скорость реакции на родном языке, которая затем использовалась для сравнения со скоростью реакции на каждое предложение в ходе эксперимента.

Результаты эксперимента представлены в таблице. В связи с тем, что в ходе эксперимента не было отмечено различий между билингвами разных уровней обучения, все испытуемые далее рассматриваются как одна группа.

Результаты эксперимента по диктофонскому аудированию

Процент правильности распознавания / скорость реакции		
	Русский язык	Английский язык
Всего	71,25/5374	67,00/5841
Д-предложения (всего)	72,25/5527	67,00/5786

Процент правильности распознавания / скорость реакции		
	Русский язык	Английский язык
П-предложения (всего)	69,75/5216	56,00/5896
Д-предложения (прав.)	80,50/5689	74,00/5878
Д-предложения (лев.)	65,00/5364	83,50/5694
П-предложения (прав.)	69,00/5129	61,00/5867
П-предложения (лев.)	70,50/5303	51,00/5924

П р и м е ч а н и е. Скорость реакции указана в мс. Д-предложения - предложения с доминантой; П-предложения - предложения с периферийными средствами выражения; прав. - правое ухо; лев. - левое ухо.

Как следует из таблицы, общий процент правильности распознавания предложений в двух языках приблизительно одинаков. Успешность распознавания предложений на русском языке (71,25 %) несколько выше по сравнению с англоязычными стимулами (67 %), однако это преимущество статистически недостоверно, т.е. может быть случайным. Сказанное касается и скорости реакции.

При распознавании Д-предложений результаты несколько выше при восприятии англоязычных стимулов, хотя в русском языке скорость реакции испытуемых выше. Однако и в том и в другом случаях разница статистически недостоверна.

Существует довольно значительное преимущество при распознавании П-предложений на русском языке (69,75 % против 56 %), при этом и скорость реакции на русские предложения выше. Это может рассматриваться как косвенное свидетельство того, что организация грамматического материала родного языка более совершенна и соответственно лучше функционирует. Одной из причин недостаточно четкого распознавания П-предложений в английском языке может быть рассмотрение элементов одного и того же семантического поля в разных временных точках процесса обучения.

Распознавание Д-предложений левым полушарием (при предъявлении на правое ухо) более эффективно в родном языке, хотя разница несущественная (80,5 % против 74 %). Этот результат легко было предсказать. Однако распознавание Д-предложений правым полушарием (при предъявлении на левое ухо) неожиданно дало большое преимуществ-

щество иностранному языку (83,5 % против 65 %), хотя скорость реакции при этом ниже, чем в родном языке. Тем не менее это свидетельствует о том, что правое полушарие может играть более существенную роль при усвоении иностранного языка, чем при функционировании родного.

При распознавании П-предложений результаты приблизительно одинаковы при работе левого полушария (69 % в родном языке и 61 % - в иностранном), однако качество распознавания правым полушарием значительно падает при англоязычных стимулах (51 %), оставаясь в родном языке приблизительно на том же уровне (70,5 %). При распознавании англоязычных П-предложений правым полушарием отмечен также самый низкий показатель скорости речевой реакции (5924 мс).

Результаты эксперимента, в том числе предварительный анализ ЭЭГ, позволяют заключить, что на продвинутом этапе правое полушарие вряд ли играет существенную роль в функционировании иностранного языка. Но такая роль может быть заметнее на начальном этапе усвоения. Парадоксальные результаты с англоязычными Д-предложениями могут рассматриваться как остаточные явления ранних периодов развития билингва. Низкие результаты по распознаванию англоязычных П-предложений, вероятно, являются следствием преподавания грамматики по грамматическим, а не понятийным категориям. Переход на последние в качестве основы может способствовать повышению эффективности обучения.

Список литературы: 1. Блум Ф., Лейзерсон А., Хорстедтер Л. Мозг, разум, поведение: Пер. с англ. - М.: Мир, 1988. - 248 с.

2. Klein W. Second Language Acquisition. - Cambridge Univ. Press, 1988, 191 p.; 3. Krashen S.D. Accounting for child-adult differences in second language rate and attainment // S.D. Krashen, R.C. Scarcella, M.H. Long (eds). Child-Adult Differences in Second Language Acquisition. - Rowley: Newbury House, 1982, pp. 202-226.

Поступила в редколлегию 01.12.90.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Семантико-синтаксические и прагматические аспекты функционирования языковых единиц	3
Артеменко Т.Н., Солощук Л.В. Ремарка как одно из средств актуализации прагматической направленности реплики в констатиивно-ответном микродиалоге	3
Бондаренко Е.В. О различной степени контекстной зависимости темпоральной семантики имен	6
Григорьева Л.М. Оценочные предложения и развертывание текста	10
Гусева П.Т. Полипредикативность конструкций с межсобытийными причинно-следственными предикатами-связками	14
Денисов О.И. О соотношении пунктуации и просодии при классификации многокомпонентных именных фраз	18
Дмитренко В.А. К вопросу о метатекстовом присоединении	22
Дородных А.И., Рекало В.В. Координаты речи в текстах разных жанров	26
Ковьях И.И., Мартынюк А.П. Соотношение грамматического рода и естественного пола в системе средств обобщенной референции третьего лица единственного числа (на материале английского языка)	32
Ланецкая К.И., Громова В.И. О некоторых лексико-грамматических особенностях паралингвизмов в немецком языке	36
Левицкий В.В., Романова Т.А. Лексико-морфологические связи в языке	45
Липко И.П., Липко З.Н. Варьирование структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом <i>have</i> в посесивном значении в австралийском варианте английского языка (в сопоставлении с британским и американским вариантами)	50
Морозова И.Б. Функционирование структурно-непредикатных высказываний типа "yes" и "no" в англоязычном художественном диалоге	55
Морозова Е.И. К проблеме концептуализации понятия лжи в английском языке	58
Пихтовникова Л.С. Авторская речь и речь персонажей в композиционной структуре стихотворной басни (на материале немецких басен XVIII в.)	63

Подминогин В.А. К проблеме изучения морфологической вариативности в системе немецкого глагола	67
Потапова Ж.Е., Турчин В.М. Частичные синонимы в терминосистемах биологии и медицины	71
Прокопчук А.А. Текст и предложение	77
Прокофьева Н.В. О коммуникативно-информационной детерминированности второй реплики оппозитивного диалогического единства	83
Старикова Е.Н., Тропинова И.В. Функционально-семантическое поле посессивности в современном английском языке	88
Старцева Н.Н. Семантико-когнитивный анализ лексических единиц с содержанием речевой деятельности	96
Суворова Л.Я. К вопросу о сочетаемости имен существительных с оценочными прилагательными с доминантой <i>good</i> в современном английском языке (на материале трех подъязыков)	101
Тарасова Е.В. Еще раз о будущем времени в английском и других языках	106
Фролова И.Е. Некоторые аспекты речевых актов, выражающих эмоциональную реакцию	111
Шатилина Г.Ю. К вопросу о взаимодействии микрополей сферы малости в современном английском языке	117
Шевченко И.С. К прагматике вопросительных конструкций в произведениях В.Шекспира	122
Этлин А.Л. Компрессия английских определительных придаточных предложений в парадигматике и синтагматике	126
2. Методология и когнитивные аспекты языка	131
Ейгер Г.В., Маслова Н.И. Язык и синергетика (к постановке проблемы)	131
Бахарева Е.Н. Категория целенаправленности и умозаключение	137
3. Социокультурные проблемы перевода и стилистики	143
Логшина Т.Ф. О некоторых изменениях в русской общественно-политической лексике и способах перевода советских реалий на английский язык	143
Савченко Ю.Е. Проблемы языково-стилистического анализа жанра микроюморесок	150
4. Научные основы методического обеспечения учебного процесса по иностранным языкам	154
Тучина Н.В., Якименко Н.В. Особенности функционирования лингвострановедческой лексики в тексте художественного произведения	154
Черноватый Л.Н., Масленников Е.В., Делов И.В. Дидактические аспекты нейробиологической гипотезы усвоения иностранного языка	158

Сборник научных трудов

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 372

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА
И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Редактор С. В. Мудракова

Технический редактор Л. К. Меренкова

Корректор Е. Б. Бланк

н/к

Подп. к печ. 25.08.92. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 2.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,53. Усл. кр.-отт. 9,76. Уч.-изд. л. 9,54.

Изд. № 2226/1256. Тираж 300 экз. Зак. № 2796. Цена 6 р. 20 к. 140-00

Издательство «Основа» при Харьковском государственном университете.
310005, Харьков, пл. Восстания, 17.

Харьковское межвузовское арендное полиграфическое предприятие.
310093, Харьков, ул. Свердлова, 115.